

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1971

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

5

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.

р
ф
т
з
я

е
(
р
р
к

Г
н
п
с
о
р
п
С
е

д.
2
у:
а)
с
н
н
о
т
—

пр
чи
чи
ми
ст
т.
ив

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

П. АЗИМОВ, Е. ЕРШОВА

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТУРКМЕННО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В советском обществе созданы наиболее благоприятные условия для развития национальных языков. Вместе с тем характерной особенностью функционирования языков народов СССР на современном этапе развития является их взаимодействие с русским языком и распространение на значительной территории Советского Союза национально-русского двуязычия, которое имеет самые разнообразные формы¹.

В условиях Туркменистана туркменско-русское двуязычие не является повсеместным. Оно носит преимущественно социально-групповой (профессионально-групповой), а в отдельных случаях индивидуально-речевой характер и не представляет собой абсолютного дублирования русского и туркменского языков во всех сферах устной и письменной коммуникации.

Туркменско-русское двуязычие в устном общении распространено гораздо шире, чем в письменном. Мы не можем говорить и о повсеместном распространении координативного туркменско-русского двуязычия с полным соблюдением всех языковых норм (орфоэпических, грамматических, лексико-семантических и стилистических, а также в какой-то мере орфографических и пунктуационных), ибо число билингвов на территории Туркменской ССР, свободно владеющих двумя языками и активно применяющих их во всех сферах общения, пока еще незначительно. Однако распространение туркменско-русского двуязычия и расширение его функциональной сферы происходит все более быстрыми темпами.

Советский Туркменистан — республика многонациональная. По данным переписи населения 1970 г., в Туркменской ССР проживает всего 2159000 человек, в том числе: туркмен — 1417000, русских — 313000, узбеков — 179000, казахов — 69000, татар — 36000, украинцев — 35000, армян — 23000, других национальностей — 87000 человек. В процессе совместной трудовой деятельности представителей этих национальностей некоторые из языков оказывали определенное, преимущественно локальное влияние на другие языки, обычно ограниченное сферой бытового общения. При этом следует учитывать, что взаимообщение представителей народов, проживающих в Туркмении, осуществляется с помощью

¹ В настоящее время не существует общепринятого понимания двуязычия. См., например, «Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия». М., 1969. (Ф. П. Филин. Современное общественное развитие и проблема двуязычия; Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия; В. А. Аврорин. Двуязычие и школа; и др.); Ф. П. Филин. История общества и развитие двуязычия. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXIX вып. 3, 1970; Е. М. Верещагин. Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. М., 1969.

русского языка, исторически ставшего языком межнационального общения народов СССР. Поэтому необходимо всячески поддерживать «происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка... так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре»².

Особый интерес в Туркмении к изучению русского языка обусловлен, во-первых, тем, что через его посредство туркменский народ получил возможность приобщиться к передовой русской и мировой культуре, к великому учению Ленина; во-вторых, знание русского языка в условиях сравнительно небольшой по количеству населения республики, не имеющей практической возможности осуществить перевод и издание на родном языке многочисленных памятников культуры и исследований по различным отраслям науки и техники, по литературе, искусству и т. д., поток которых непрерывно растет, — становится настоятельной, объективной необходимостью. Без владения русским языком, на котором уже издана и продолжает издаваться обширная литература, отражающая завоевания духовной культуры всего человечества, невозможно стать по-настоящему образованным человеком и высококвалифицированным специалистом. Глубокое понимание всего этого и порождает у туркменского народа и его интеллигенции искреннее и горячее стремление овладеть русским языком.

Сейчас во всех республиканских учреждениях Туркменской ССР делопроизводство ведется на туркменском и русском языках. Научная литература, за исключением специальностей общественно-исторического цикла и туркменской филологии, в большинстве случаев издается на русском языке; преподавание же в высших и средних специальных учебных заведениях ведется как на русском, так и на туркменском языках. В республике повсеместно существуют школы, где преподавание с 1-го по 10-й классы ведется на родном для учащихся туркменском языке и параллельно, начиная со 2-го класса, изучается русский язык. Но вместе с тем имеется немало русских школ, где по желанию родителей учатся дети разных национальностей, в том числе и туркмены. В 1968/69 учебном году в Туркменистане было 1100 туркменских, 120 русских, 70 узбекских, 42 казахских и 124 смешанных (туркменско-русских, туркменско-узбекских, туркменско-казахских, русско-узбекских, туркменско-узбекско-русских, туркменско-казахско-русских, туркменско-узбекско-казахских) школ.

В 1970 году в Туркменской ССР издавались 43 газеты: 28 — на туркменском языке, 8 — на русском, 1 — на узбекском и 6 газет смешанного типа (на русском и туркменском, а также туркменском и казахском языках). Кроме того, издавался 21 журнал: 9 — на туркменском, 10 — на русском и 2 — на русском и туркменском языках.

Конечно, все это не говорит о наличии координативного равнозначного двуязычия в Туркменистане, с одинаковой коммуникативной ролью обоих языков — туркменского и русского — в одном коллективе, во всех сферах общения. В данное время можно говорить лишь о частичном, субординативном двуязычии, о возможности большого числа туркмен общаться на русском языке без особых затруднений в быту и на производстве. Туркменско-русский билингвизм сейчас носит в основном социально-групповой характер: он широко распространен среди туркменской научно-технической интеллигенции, партийных и советских работников, деятелей культуры, а также определенной части студенчества. При этом

² Программа и Устав КПСС. М., 1964, стр. 194.

следует заметить, что рабочие промышленных предприятий, нефтяной и химической промышленности, транспорта, предприятий связи гораздо лучше знают русский язык, чем труженики сельского хозяйства. Это прежде всего объясняется смешанным национальным составом кадров, занятых в этих отраслях народного хозяйства, необходимостью скорейшего овладения современным производством и новой техникой.

Таким образом, в силу объективных условий в Туркменистане сложилась благоприятная обстановка для возникновения и развития туркменско-русского двуязычия.

Наблюдения над взаимодействием туркменского и русского языков на территории Туркмении свидетельствуют об определенном влиянии туркменско-русского двуязычия не только на речь отдельных билингвов (в индивидуально-речевом плане), но иногда и на структуру туркменского языка. В этом случае, на наш взгляд, можно говорить о так называемой лингвистической интерференции, которая зависит не только от психолингвистических особенностей усвоения второго языка, но и от обуславливающих ее внешних факторов, в частности от сферы функционирования языков. Если усиление языковых контактов совпадает с периодом стабилизации одного из языков в качестве литературного, то некоторые случаи интерференции, принимающие регулярный характер, могут быть приняты как нормативные. К таким, например, явлениям относится возникновение в туркменском литературном языке новых типов слогов со стечением начальных согласных (ссv — **ста-кан**, **бри-гада**, ссvс — **стол**, **стан-ция**, сссvс — **справ-ка** и др.) и конечных согласных (vсс — **акт**, свсс — **банк**, **гост**, свссс — **текст** и т. д.); встречаются также единичные случаи стечения начальных и конечных согласных звуков (свссс — **шриф**, **фронт**). Слова со стечением согласных в конце слога существовали в туркменском языке и раньше (например, мулк 'поместье, имущество', үнс 'внимание', дост 'друг', күшт 'шахматы', көшк 'дворец' и др.), однако это были звукосочетания другого состава. Характерно, что в туркменском литературном языке среди слов со стечением согласных встречаются не только общественно-политические и научные термины, являющиеся, как известно, принадлежностью особых функциональных стилей, где ярче всего отражаются языковые контакты, но и слова таких стилей, где ярче всего отражаются языковые контакты, но и слова лексико-семантических групп, относящиеся к «бытовой сфере» (например, *стол, стул, шкаф, кресло, скамейка, стакан* и др.). В настоящее время эти и подобные им слова приближаются по произношению к русской орфоэпической норме.

В туркменский литературный язык вошли также советско-интернациональные слова с несингармоничным распределением гласных в корне типа *социализм, коммунизм, республика, университет*, но подчиняющиеся сингармонизму при словообразовании и формообразовании (*социализме* 'социализму', *коммунистик* 'коммунистический', *республикамыз* 'наша республика', *университетде* 'в университете'). Появились слова с новыми звуками ранее ограниченного употребления — *ц* и *ф* (*социализм, цифра, конференция, станция*) и расширились случаи позиционного употребления звуков (например, губно-зубного звонкого *в* в начале слова перед гласными или в интервокальной позиции: *вагон, кровать*, а также губно-зубного глухого *ф* в конце слова в фамилиях — *Аманов /оф/, Бердыев /еф/*). В дополнение к основной акцентологической модели возникли новые акцентологические варианты с ударением не на последнем слоге, например, на первом слоге (*пáртия, фáбрик, дóктор*), на втором слоге (*комíссия, профéссор*), на третьем слоге (*револю́ция*), на четвертом слоге (*спартакиáда*) и т. д. Однако, если к этим словам присоединяются аффиксы, то, помимо главного, в них возникает еще и побочное ударение.

Контактное взаимодействие языков, как известно, затрагивает прежде всего их лексические системы, а затем уже может получить опосредствованное отражение в фонологических и грамматических новообразованиях. Главной сферой такого взаимодействия в условиях социалистического строя оказываются обычно отраслевая терминология, преимущественно общественно-политическая, а также некоторые лексико-семантические группы слов, характеризующие новые бытовые отношения, например названия предметов бытового обихода (*пылесос, холодильник*), видов транспорта (*троллейбус, автобус*), орудий труда (*комбайн, бульдозер*) и т. д.

Вместе с тем есть и иные лексико-семантические группы слов, которые оказываются абсолютно непроницаемыми или мало проницаемыми; например, в такой древнейшей и относительно замкнутой лексической микросистеме, как термины родства, контакты туркменского языка с русским не получили в первом никакого отражения³.

В условиях двуязычия значительный интерес представляют наблюдения над ареалом различных видов ненормативной речевой интерференции (например, в устной речи студенческой молодежи, учащихся и особенно детей дошкольного возраста, воспитывающихся в смешанной языковой среде)⁴. Чрезвычайно показательны также и словарные материалы нормативного характера, отражающие лексическое взаимодействие туркменского и русского языков. Так, например, в процессе разработки лексического минимума и тематических словарей к подготавливаемому «Букварю русского языка для 2 класса туркменской школы» нами было обнаружено, что около одной пятой части активного словаря учащихся составляют слова, общие в русском и туркменском языках (*август, апрель, базар, ботинки* ~ туркм. *ботинка, булка, вилка, газ, газета* ~ туркм. *газет, галстук, декабрь, ёлка* (новогодняя), *журнал, завод, зарядка, зоопарк, июнь, июль, ишак* ~ туркм. *эшек, картофель* || *картошка, кино, класс* ~ туркм. *клас, клуб, колхоз, конфеты, компот* ~ туркм. *кемпут, космонавт, кофта, кран, кровать, кубики* ~ туркм. *кубиклер, лётчик, магазин, май, март, машина* ~ туркм. *машын, механик, ноябрь, октябрёнок, октябрь, пальто, парта, пенал, пиала* ~ туркм. *пияла, помидор, пол, полотенце, портфель, радио, резинка, ручка, самолет, сентябрь, стакан, светофор, стол, стул, сумка, табуретка, тарелка, телефон, телеграф, трактор, туфли, урюк* ~ туркм. *эрик, уютю* ~ туркм. *үтүк, фабрика* ~ туркм. *фабрика, фамилия, фартук, февраль, форма, фуфайка, цифра, чабан* ~ туркм. *чопан, чай, чайник* ~ туркм. *чайнек, чашка, шар, шарф, шкаф, шофер, щетка* ~ туркм. *чотка, январь, ясли, ящик*).

Многие исконно туркменские слова расширили свои значения в результате семантического калькирования. Например: *сайламак* 'выбирать, отличать, различать, отделять' → *избирать* (общ.-полит.), *сес* 'звук, голос' → *голос избирательный* (общ.-полит.), *гөреш* 'борьба физическая, схватка' → *борьба политическая* (общ.-полит.).

Возник новый тип сложных слов — слова-аббревиатуры, особенно в области общественно-политической и научной терминологии. Например: *ССКП* (КПСС), *ТССР*, *шәхерком* (горком).

³ В речи же русского населения Туркменской ССР встречаются такие слова, как *гелнеже, ага* (в расширенном значении).

⁴ П. Азимов, Е. Н. Ершова. О некоторых закономерностях развития стилистических систем в условиях двуязычия. — В сб.: «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1968, стр. 81.

Повысилась продуктивность ряда словообразовательных аффиксов с абстрактным значением, а у некоторых из них развились дополнительные грамматические значения. Например: союз-*даш* 'союзник', доган-*лык* 'братство', коммунист-*ик* 'коммунистический, -ая, -ое, -ие' и др.

Возникли новые словообразовательные модели типа *контрургы* 'контрудар', *ультрасес* 'ультразвук', *ультрамелевше* 'ультрафиолетовый'.

Наблюдаются также изменения в семантической и синтаксической валентности слов, в результате чего возникают некоторые новые типы словосочетаний; например, со словом *баш* в препозитивном употреблении: *баш редактор* 'главный редактор', *баш управление* 'главное управление', *кеселхананын₁ баш врачы* 'главный врач больницы' и т. д. (ср.: *йузбашы* 'сотник', *кервенбашы* 'предводитель каравана' и т. д.). Расширяются функции отдельных служебных слов, например, послелога *билен* в словосочетаниях с посредственным управлением: *спорт билен хөввеслен-мек* 'увлекаться спортом', *футбол билен гызыкланмак* 'пристраститься к футболу', *байрам билен*, *Тәзе йыл билен гутламак* 'поздравить с праздником, с Новым годом' и т. д. Возникают новые виды глагольных словосочетаний в связи с расширением семантики стержневого слова; например, *дерн₁ев комиссиясына еди адам сайланды* 'в ревизионную комиссию избрано семь человек', *Екары Совете сайламак* 'избрать в Верховный Совет', но и *депутат сайламак* 'избрать депутатом||депутата' (раньше глагол *сайламак* управлял только *ен₁иш дүшүми*, а теперь и *йөнелиши дүшүми*) и т. д.

Лингвистическая интерференция по-разному отражается в структуре языка: одни ее формы по отношению к другим носят подчиненный, зависимый характер. Так, например, расширение позиционного употребления некоторых звуков (появление новых аллофонов), а также возникновение акцентологических вариантов функционально ограничено. Фонетические новообразования связаны с определенными лексемами, а затем — через слово — с теми или иными семантическими полями, словообразовательными моделями и т. д. Вместе с тем проявление интерференции на лексическом уровне отличается от отдельных лексических заимствований многоплановыми отношениями между различными уровнями языка.

Особым видом интерференции на определенном этапе может явиться возникновение вариативных средств в структуре взаимодействующих языков. Например, в туркменском языке: *окув мудири||завуч, гошун||армия, нахархана||столовая* и др.; в русском языке: *осёл||ишак, пастух||чабан, рынок||базар* и т. д.

Изучение процессов и результатов взаимодействия языков, и в частности тех или иных форм двуязычия, связано с необходимостью дальнейшего расширения аспекта исследования и привлечением данных социологии, этнографии, психологии.

А. М. ЩЕРБАК

О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ОБРАЗНЫХ
ГЛАГОЛОВ ТИПА *ba*куг-, *sa*куг-, *ha*жуг-

Рассматривая глагольные основы типа *ba*куг- 'кричать, орать', *sa*куг- 'звать', *ha*жуг- 'кричать' в тюркских языках, В. Банг счел необходимым отметить, что наиболее правильным будет выделение в них основ *ba-*, *sa-*, *ha-* и аффикса *-kug ~ -küg ~ -kug ~ -kiğ*, который он не без колебаний отождествил с аффиксом побудительного залога. Возможность иного членения, например *ha*жк-уг-, казалась В. Бангу нереальной вследствие того, что сочетания *jk*, *tk* и т. д. в конце слова не были ему известны¹. В дальнейшем на указанные глагольные основы обратили внимание Ж. Дени² и Г. Рамстедт³, которые, однако, не подвергли пересмотру выводы, сделанные В. Бангом.

Новые мысли о морфологическом составе основ типа *ba*куг-, *sa*куг-, *ha*жуг- были высказаны несколько лет тому назад Э. В. Севортяном, предложившим рассматривать их как производные формы, образованные при помощи аффикса *-kug ~ -küg ~ -ug...* (с различными фонетическими вариантами), который он сопоставил с глаголообразующим аффиксом *-yug ~ -giğ*. При этом Э. В. Севортян указал на возможность «установления связи между глаголообразующими аффиксами *-yug||-ug* и показателями вторичных подражательных основ в той же форме», отметив, что подобное совпадение не является случайным, так как «явление грамматического синкретизма глагольных и именных показателей наблюдается и в ряде других случаев»⁴. Далее Э. В. Севортян пишет, что в алтайском, хакасском и шорском языках рассматриваемый аффикс разлагается на два простых морфологических элемента: аффикс глагольного имени *-ku* и глаголообразующий аффикс *-g*: хак. *hatxug*- 'хотать' (*hatxu* 'смех'), *xuxug*- 'кричать' (*xuxu* 'крик'); шор. *kujuug*- 'кричать' (*kujuu* 'крик')⁵. В вопросе интерпретации морфологического состава

¹ W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 2. Mitteilung: Über einige schallnachahmende Verba. Berlin, 1919, стр. 9, 11, 12.

² J. Dény. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 544.

³ G. J. Ramstedt. Über onomatopoeische Wörter in den altäischen Sprachen. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», 55. Helsinki, 1951, стр. 107 и сл.

⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 263. Здесь же приведен подробный список работ, посвященных аффиксу *-yug*. Ср.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 260.

⁵ Там же, стр. 264.

глаголов типа *bakug-*, *šakug-*, *hajkug-* аналогичных взглядов придерживаются М. Худайкулиев⁶, З. К. Ишмухаметов⁷ и другие.

Особый взгляд на морфологический состав упомянутых выше глаголов был высказан автором настоящей статьи в небольшой заметке, опубликованной в 1961 г.⁸, где эти глаголы рассматриваются как сочетания образных слов с глаголом *ug-*. К настоящему времени собраны новые, подтверждающие предварительный вывод материалы, которые могут иметь определенное значение для истории тюркского словообразования. Ниже мы излагаем свою точку зрения по данному вопросу с учетом этих новых материалов.

В тюркских языках широко используются так называемые составные глаголы, представляющие собой разновидность устойчивых сочетаний⁹, ср. азерб. *hort vur-* 'глотать'; казах. *kark et-* 'каркать'; туркм. *γük et-* 'гудеть', *hog çek-* 'храпеть'; тур. *šark et-* 'ударять', 'громыхать'; узб. *oh tort-* ~ *oh çek-* ~ *oh ug-* 'охать', 'горевать', 'вздыхать', *taškil et-* ~ *taškil kil-* 'составлять', 'организовывать', *aks et-* 'отражаться', *talab et-* ~ *talab kil-* ~ *talab ajla-* 'требовать'; якут. *dabys үүп-* 'быстро (на ходу) схватывать', *duk үүп-* 'замахиваться'. В некоторых из таких сочетаний компоненты слились, и в настоящее время они воспринимаются уже как одно слово, ср. ст.-узб. *saγat-* 'делать бледным, желтым' (<*saγuγ+et-*>); узб. *saγaj-* 'становиться бледным, желтым' (<*saγuγ+*aj-*>), *jūkol-* 'теряться, исчезать' (<*jūk+būl-*>), *kutul-* 'спасаться', 'освобождаться' (<*kut+būl-*>), *berkil-* 'закрываться, запирается' (<*berk+būl-*>), *berkit-* 'закрывать, запирать' (<*berk+et-*>).

В большинстве тюркских языков из глаголов, образующих устойчивые сочетания с именами, на первом плане оказываются *et-*, *kul-*, *bol-*, *ajla-*, *ug-*. Первые четыре из них подробно описаны в специальной литературе, что же касается глагола *ug-*, то он как вспомогательный глагол тюркологам почти неизвестен.

Собственное значение глагола *ug-* ~ *vug-* (<**ūg-*>) — 'ударять', 'класть', 'ставить'. Вместе с тем уже материалы древнетюркского языка показывают, что глагол *ug-* нередко переходит указанные семантические границы и, частично утрачивая лексическое значение, оказывается в разряде вспомогательных или служебных глаголов: др.-тюрк. *iz ug-* 'идти следом' (*iz* 'след'), *jol ug-* 'путешествовать' (*jol* 'дорога'), *jüz ug-* 'обращаться', 'направляться' (*jüz* 'лицо'), *köñül ög ug-* 'испытывать влечение, проявлять склонность' (*köñül* 'сердце', *ög* 'мысль')¹⁰; ст.-узб. *baš ug-* 'повиноваться' (*baš* 'голова'), *köz ug-* 'взирать' (*köz* 'глаз'), *ögk ug-*

⁶ М. Худайкулиев. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962, стр. 98.

⁷ З. К. Ишмухаметов. Звукоподражательные слова башкирского языка. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1970, стр. 17.

⁸ А. М. Шчербак. Узбек тилида *ur-* феълининг *суз* ясашдаги роли. — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари». Тошкент, 1961, № 2, стр. 41—44.

⁹ См.: В. А. Исенгалиева. Туркий тилларда «к₁илмок₁», «б₁улмок₁» типидаги *сузлар* иштирокида ясалган составли феъллар. — «Ўзбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1965, № 5; Ф. Р. Байрамов. Аналитические глаголы в письменных памятниках азербайджанского языка XIII—XVIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1967.

¹⁰ Примеры — из словаря Махмуда Кашгарского и текстов «Кутадгу билиг» и «Кысас ал-анбия». См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

‘взвиздывать’ (örk ‘узда’), elik ug- ‘касаться, трогать’ (elik ‘рука’)¹¹; узб. duk ug- ‘угрожать’ (duk ‘угроза’), karsak ug-, čarak ug- ‘аплодировать’ (karsak, čarak ‘аплодисменты’), tulkin ug- ‘бурлить’ (tulkin ‘волна’); тур. jol vur- ‘грабить’ (jol ‘дорога’), kulak vur- ‘прислушиваться’ (kulak ‘ухо’), laf ug- ‘болтать’, ‘бахвалиться’ (laf ‘болтовня’, ‘хвастовство’); туркм. aýuz ug- ‘кусать, дотрагиваться ртом’ (aýuz ‘рот’), bojaý ug- ‘красить’ (bojaý ‘краска’), kök ug- ‘пускать корни’ (kök ‘корень’).

Большую группу составляют сочетания глагола ug- с образными словами, ср. др.-тюрк. зам зам ug- ‘ударять с грохотом’, зарг зарг ug- ‘ударять с треском’; ст.-узб. ah ug- ‘стонать, вздыхать’, зош ug- ‘бурлить’, ‘пениться’, kah kah ug- ‘смеяться, хохотать’; узб. aksa ug- ‘чихать’, заг ug- ‘звонить, звенеть’; казах. tars tars ug- ‘ударять с грохотом’; туркм. җарк ug- ‘сильно кашлять’, һуҗ ug- ‘рычать (о собаке)’, һорк һорк ug- ‘хрюкать’, тагр тагр ug- ‘топать’, сәһ сәһ ug- ‘хохотать’.

Широкое участие глагола ug- в образовании устойчивых сочетаний является выражением тенденций, развивающихся в тюркских языках с давних времен. Вместе с тем в некоторых тюркских языках расширение границ употребления ug- в качестве вспомогательного глагола связано с действием внешних факторов. Не исключено, что здесь сказалось влияние персидского языка, в котором глагол zadan имеет то же значение и выполняет те же словообразовательные функции, что и глагол ug- в тюркских языках, ср. перс. gar zadan ‘болтать, пустословить’, bark zadan ‘блестеть’, dam zadan ‘разговаривать’, davr zadan ‘кружиться’, kalam zadan ‘гравировать’, nafas zadan ‘дышать’, niš zadan ‘жалить, колоть’, харг zadan ‘добиваться’, ‘сильно желать’, харғ zadan ‘говорить, разговаривать’, šu’la zadan ‘пылать’. Так, например, ст.-узб. dam ug-, laf ug-, niš ug-, ta’na ug-, šu’la ug-, узб. garig- (gar ug-) образовались в результате неполного калькирования персидских сочетаний.

Полное семантическое объединение глагола ug- с прилагательными словами нередко приводит к их фонетическому слиянию, особенно в тех случаях, когда глагол ug- выступает в сочетании с образными словами. Примеры: азерб. asуug- ‘чихать’, hovхug- ‘дуть в ладони’, mišуug- ‘чмокать’, ösküg- ‘кашлять’, püsküg- ‘прыскать от смеха’, tüpüg- ‘плевать’, fupхug- ‘фыркать’, fuşуug- ‘брызгать’, ‘извергать’¹²; башк. үкіг- ‘реветь’¹³; гаг. ansуг- ‘чихать’, тахкug- ‘бурчать’, хунсқug- ‘всхлипывать’¹⁴; казах. kekig- ‘рыгать’, tüšкіг- ‘чихать’; кирг. byšкug- ‘фыркать’, уšкug- ‘шипеть’, katкug- ‘хохотать’, кујкug- ‘кричать’, сәңуг- ‘кричать истошным голосом’, сүңуг- ‘визжать’, сүсқүг- ‘чихать’¹⁵; тат. рошкug- ‘фыркать’, сузүүг- ‘свистеть’, сиңиг- ‘сморкаться’; тув. byšкug- ‘чихать (о козах и овцах)’, kattуг- ‘смеяться’, кушкug- ‘пронзительно кричать’, keгig- ‘рыгать’; тур. һајкug-

¹¹ Подробный перечень примеров из староузбекского языка с указанием источников см. в статье: А. М. Щербак. Узбек тилида ur- феълининг суз ясадаги роли, стр. 42—43.

¹² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 265—269.

¹³ Э. К. Ишмухаметов. Указ. раб., стр. 17.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Очерк южнотюркской мимологии. — В сб.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 90.

¹⁵ С. Кудайберенов. Подражательные слова в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953, стр. 14.

‘кричать’, oĵkar- ‘выть’, pūfkūr- ‘дуть’, ūfūr- ‘дуть’¹⁶; туркм. aŋŋug- ‘кричать (об осле)’, vaŋkyr- ‘визжать (о собаке)’, ŷuŷug- ‘кричать истошным голосом’, hoŷug- ‘храпеть (о лошади)’, ruŋkyr- ‘прыскать от смеха’, syŷug- ‘свистеть’, sunčug- ‘икать’, sūmgūr- ‘сморкаться’, tūjkūr- ‘плевать’, ūsgūr- ‘кашлять’¹⁷; узб. buķig- ‘реветь’, kiķig- ‘кричать’, pišķig- ‘фыркать’, činkig- ‘визжать’; чуваш. čaška- ‘шипеть’, šaŋa- ‘сморкаться’; шор. kačkyr- ‘хохотать’, kuĵŷug- ‘кричать’, kyskyr- ‘кричать’, ‘визжать’; якут. уŋug- ‘звать, окликать’, iŋig- ‘свистеть’, kuŋig- ‘свистеть’, tybūr- ‘фыркать’, ха-һуг- ‘реветь’, ‘кричать истошным голосом’, čuŋug- ‘шипеть’, ūhūr- ‘свистеть’¹⁸.

Из сказанного следует, что глагол иг-, сохраняя лексическое значение, используется также как средство словообразования, подобно глаголам et-, kuĵ-, с которыми он эпизодически оказывается в отношении свободного варьирования, ср. ст.-узб. ta’na ig- и узб. ta’na kil- ‘упрекать, порицать’; узб. duk ig- и duk kil- ‘угрожать’, duk ig- и duk et- ‘глухо стучать’. Кстати, с глаголом иг-, выступающим в качестве словообразовательного элемента, может варьировать и аффикс -la: азерб. rufla- ~ pūflā-¹⁹, узб. rufla- и тур. pūfkūr- ‘дуть’; тур. ūfle- и ūfūr- ‘дуть’.

Особого внимания заслуживает вопрос о морфологическом составе глаголов типа ĵaltuga- ‘блестеть, сверкать’, ср. кирг. barkuga- ‘реветь’, koŋkuga- ‘храпеть’, šarkuga- ‘бурлить’; тув. šuŋŋuga- ‘звенеть’; узб. kirķiga- ‘хрюкать’, giŋkuga- ‘благоухать’, iŋga- ‘стонать, плакать’, multiga- ‘тоскливо смотреть’, huŋga- ‘рыдать’²⁰; якут. bakkuġa- ‘реветь, громко плакать’, kūķiġe- ‘скрипеть (о нартах)’, куŋuġa- ‘бренчать’, ‘звенеть’, čoŋuġa- ‘громко звучать, звенеть’, mōġiġe- ‘мычать’, ‘реветь (о быке)’, та-ŋuġa- ‘блеять’, хаһуŋuġa- ‘храпеть’.

Как известно, еще В. Банг пытался сблизить образные глаголы данного типа с теми, которые были рассмотрены в предыдущем разделе²¹. К более определенному выводу пришли Э. В. Севортян²² и Л. Н. Харитонов²³, причем последний охарактеризовал -ā ~ -e в якутском языке как аффикс, выражающий длительность, протяженность. Такая характеристика подтверждается фактом использования -ā как морфологиче-

¹⁶ J. Deny. Указ. раб., стр. 544, 1120; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 260.

¹⁷ М. Худайкулиев. Указ. раб., стр. 99.

¹⁸ Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 184, 265, 269, 278, 280, 284.

¹⁹ При сравнении тур. pūfkūr- с азерб. pūflā- кажется более предпочтительным членение его на pūf и -kūr. Однако здесь, как и во всех других подобных случаях, необходимо иметь в виду, что образные слова могут выступать в нескольких разновидностях и что для образных слов типа хог, руŋ, kūr, pūf, рус, куĵ вполне допустимы, по

крайней мере исторически, такие варианты, как хогк, руŋк, kūrк, pūfk, руск, куĵк, ср. в якутском языке: bal ~ balk ‘подражание звуку удара или падения полужидкой массы’, cal ~ calk ‘звукотраждение падению слизистой массы или капли в жидкость’, bül ~ bülk ‘звукотраждение приглушенному бульканью’. — См.: Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке, стр. 260, 264.

²⁰ Р. Кунгуров. Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 21.

²¹ W. Bang. Указ. раб., стр. 18—20.

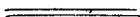
²² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 263.

²³ Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 188.

ского элемента в глагольных основах, образовавшихся из сочетания образных слов с глаголом *ууп-*, ср. *сункупа-* (*сун-куп-а-*) 'звенеть тонко, пронзительно'. Вообще, существование подобного аффикса в тюркских языках не вызывает сомнений, хотя значение его тюркологи объясняют по-разному²⁴.

В заключение необходимо ответить на вопрос о том, не является ли словообразовательная функция у глагола *иг-* следствием позднейшего произвольного этимологизирования неразложимых, первичных глагольных основ типа *заңуг-*, *јаңуг-* путем расчленения их на два компонента и уподобления одного из них глаголу *иг-*.

Нам кажется, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ, так как нет никаких оснований считать образные глаголы наследием древнейших эпох: они имеют довольно прозрачную морфологическую структуру и обнаруживают в своем составе обычные аффиксальные элементы, отчасти омертвевшие и поэтому не поддающиеся четкому определению. Достаточно привести узб. *аңилла-* 'визжать (о собаке)', *бил-силла-* 'хлюпать (о грязи)', *такилла-* 'стучать', *сирсилла-* 'издавать легкий треск', *сиркилла-* 'чирикать'; аҗгај- 'растерянно смотреть', апкај- 'тарашить глаза', бакгај- 'выпучивать глаза', тумтај- 'хмуриться', саксај- 'тарашить глаза'; кирг. *аңкылда-* 'скулить (о собаке)', *балпылда-* 'шамкать', *балсылда-* 'хлюпать', *сакылда-* 'шелкать', *шылпылда-* 'хлюпать', чтобы иллюзорность представления о языковой «первобытности» образных глаголов стала очевидной и бесспорной²⁵.

²⁴ Ср.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. LXII.

²⁵ Выражаю глубокую благодарность сотрудникам Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР, принявшим участие в обсуждении статьи и сделавшим много полезных замечаний.

А. З. АБДУЛЛАЕВ

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОЖНЕННОГО ТИПА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложные предложения усложненного типа имеют специфическую структуру. Они могут состоять из нескольких простых, сложноподчиненного и простого, сложноподчиненного и сложносочиненного предложений и их различных комбинаций. Предложения усложненного типа представлены во многих тюркских языках. Заметно расширилось в последнее время употребление предложений усложненного типа в азербайджанском языке.

В исследованиях по синтаксису тюркских языков предложения подобного типа в той или иной степени упоминаются. Однако до сих пор отсутствует соответствующая методика исследования и не разработаны принципы описания этой синтаксической микросистемы.

Для описания сложных предложений усложненного типа в азербайджанском языке мы пользуемся методом поляризации. Причем термин **поляризация** понимается нами в том значении, в каком употреблял его Ф. Энгельс: «Взаимопротивоположность рассудочных определений мысли: *поляризация*. Подобно тому как электричество, магнетизм и т. д. поляризуются, движутся в противоположностях, так и мысли. Как там нельзя удержать одну какую-нибудь односторонность, о чем не думает ни один естествоиспытатель, так и здесь тоже»¹.

Взаимодействие компонентов сложных предложений, связанных определенными смысловыми отношениями, напоминает это физическое явление. Смысловые отношения компонентов выражаются благодаря их тесной взаимосвязи. Здесь также невозможна односторонность: пояснительная связь немыслима без поясняемого и поясняющего компонентов, так же как причинно-следственные отношения нельзя представить себе без наличия причины и вызываемого ею следствия и т. п. Что же касается сложноподчиненных предложений, то их также невозможно представить без тесной взаимосвязи главного и придаточного предложений. Единство двух полюсов образует определенную структуру — сложноподчиненное или сложносочиненное предложение.

Применение метода поляризации при изучении сложных предложений усложненного типа значительно облегчает объяснение их структуры и смысловых особенностей.

Сложные предложения усложненного типа независимо от количества компонентов оформляются на одной общей основе: они имеют структуру

¹ Ф. Энгельс. Дialeктика природы. М., 1964, стр. 182.

или сложносочиненного или сложноподчиненного предложения. Для установления этого в сложносочиненном предложении необходимо определить полюсы мысли.

При наличии в предложении перечисления мысль не поляризуется, она формируется на базе непротивопоставляемых компонентов. В других же типах отношений компонентов последние, противопоставляясь, поляризуются. Процесс поляризации особенно характерен для усложненных сложных предложений, оформленных на базе сложноподчиненных предложений и образующих полюс главного и полюс придаточного предложения. Результат анализа каждого из этих двух полюсов во многом зависит от их правильного определения.

Полюсы сложносочиненных предложений усложненного типа находятся в причинно-следственных, пояснительных, распределительных, присоединительных отношениях и в отношениях противопоставления. В целом типы усложненных предложений допускают все возможные смысловые сочетания, свойственные компонентам сложносочиненных предложений, за исключением перечисления. В составе сложноподчиненных предложений, образующих полюсы, возможны различные типы придаточных предложений.

В рамках одной статьи невозможно осветить весь круг вопросов, связанных с природой сложных предложений усложненного типа. Поэтому ограничимся лишь перечислением простейших схем.

1. Сложносочиненные предложения усложненного типа. Сложносочиненные предложения усложненного типа имеют следующие схемы:

1) Трехкомпонентные сложносочиненные предложения с препозитивным полюсом — простым предложением и полюсом — сложноподчиненным предложением:

а) *Доктор, кечә-күндүз чалышырсыныз, анчаг һисс едирәм ки, дәр-димә һеч бир ғлач олмајамагдыр* (Б. Бајрамов).

‘Доктор, круглые сутки вы стараетесь, но чувствую, что меня ничто не спасет’.

б) *Биз маашымызын артырлмасыны вә иш саатымызын ғысалдыл-масыны истәјирик, шәртләримиз ғәбул олунурса, һамымыз ишә башла-маға һазырыг* (Ғ. Нәзәрли).

‘Мы требуем увеличения заработной платы и сокращения рабочего времени, если наши условия принимаются, то мы все готовы приступить к работе’.

Структура этих предложений отчетливо видна из следующих схем².

2) Трехкомпонентные сложносочиненные предложения с препозитивным полюсом — сложноподчиненным предложением и полюсом — простым предложением:

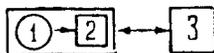
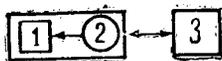
² В схемах обозначены: главное предложение или сочиненный компонент — квадратом или четырехугольником; придаточное предложение — кружком или эллипсом; подчинительные отношения — стрелкой; сочинительные отношения — стрелкой с двумя острями, порядок компонентов — цифрами.

а) *Мән дејурдим ки, имтаһандан «5» алачағам, мәнә инанмырдыныз* (газ. «Азәрб. пионери»).

‘Я говорил, что экзамены сдам на «5», а вы мне не верили’.

б) *Галдығы јер орадан сакит олса да, шәраити чох пис иди, отаг кәрпич дөшәмәли јары зирзәми, рутубәтли бир јердә иди* (М. Ибраһимов).

‘Место, где он оставался, было спокойнее прежнего, и все же условия были очень плохими: комната находилась в устланном кирпичном сыром полуподвале’.

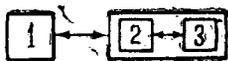
3) Трехкомпонентные сложносочиненные предложения с препозитивным полюсом — простым предложением и полюсом — сложносочиненным предложением:

а) *Бу ахшам ики бөјүк һадисә олачағды: биринчиси, кәндимизә чәкилән ишыг гошулачағ, икинчиси исә, һәмин гаршысына топлашдығымыз кино-театр ачылачағды* (Б. Бајрамов).

‘В этот вечер должны были произойти два больших события: во-первых, подключиться проведенное в наше село электричество, во-вторых, открыться кинотеатр, перед которым мы собрались’.

б) *Јох, сән хаин адамсан, шәлә-шүләни јығышдыр, бураларда изини-тозуну кәрмәјим* (М. Ибраһимов).

‘Нет, ты низкий человек, убирайся, чтобы и следа твоего здесь не осталось’.

В первом примере между полюсами существует пояснительная связь с последовательностью компонентов второго полюса. Во втором же примере как между полюсами, так и компонентами второго полюса имеют место причинно-следственные отношения.

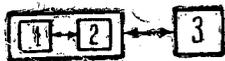
4) Трехкомпонентные сложносочиненные предложения усложненного типа с препозитивным полюсом — сложносочиненным предложением и полюсом — простым предложением:

а) *Чаһанкиров додағыны бүздү, прокурор үзүнү туршутду, лакин јенә дилләнән олмады* (Б. Бајрамов).

‘Джангиров поморщился, прокурор сделал кислую мину, однако опять никто не заговорил’.

б) *Чај дағылыб, әлини јандырды, нәлбәки јерә дүшүб сынды, бу ону даһа да ачыгландырды* (М. Ибраһимов).

‘Чай разлился и обварил его руку, блюдце упало на пол и разбилось, все это еще более разозлило его’.

В первом случае между полюсами существуют отношения противопоставления, во втором — причинно-следственные отношения.

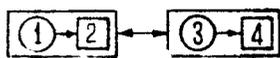
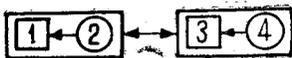
5) Полюсы усложненных сложных предложений представляют собой сложноподчиненные предложения:

а) *Аға бујрудулар ки, тәгрибән үч јүз километрдир, мән... дә давам кәтирмәјиб дедим ки, хејир, аға, чәми јүз ијурми километрдир* (М. Ибраһимов).

‘Господин соизволил сказать, что [осталось] примерно триста километров, а я... не вытерпел и сказал: нет, господин, всего сто двадцать километров’.

б) *Әкәр бизим истәдијимизи верир, башлајаг ишләмәјә, әкәр вермир, онда көрәк нә еләјирик* (Ҷ. Чаббарлы).

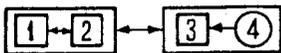
‘Если он дает то, что мы хотим, тогда начнем работать, если не дает — то следует подумать, что нам делать’.

6) Препозитивный полюс усложненного сложного предложения — сложносочиненное предложение и полюс — сложноподчиненное предложение:

Евинә кедәрсән, бирдән сәни јахшы гаршыламазлар, атан да дејәр ки, оғлуму сојуг гәбул еләдиләр (Б. Бајрамов).

‘Пойдешь к нему домой, вдруг тебя не встретят хорошо и твой отец скажет, что его сыну оказали холодный прием’.

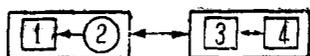

В данном случае полюсы находятся в причинно-следственных отношениях. Между компонентами первого полюса — отношения противопоставления. Второй полюс — сложноподчиненное предложение с дополнительными придаточными. (Этот тип усложненных предложений имеет свои варианты).

7) Первый полюс усложненного сложного предложения выражается сложноподчиненным, а второй — сложносочиненным предложением.

Ај Зејнал, ше’рләрини дә, шакли дә көндәр Бакыја, чап еләсинләр, бәлкә, мә’шугәни тапасан, јохса дәли оларсан (Б. Бајрамов).

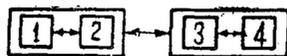
‘Зейнал, свои стихотворения и фотографию отправляй в Баку, чтобы напечатали, возможно, тогда найдешь любимую, не то с ума сойдешь’.

8) Первый и второй полюсы выражаются сложносочиненными предложениями:

Ат өлэр, мејдан галар, икид өлэр, ад-сан галар. (Пословица).

Букв.: ‘Лошадь погибает — остается ристалище, [а если] джигит погибает — остается вечная слава’.

В вышеприведенном примере между полюсами и между компонентами полюсов существуют отношения сопоставления.

Простое, сложноподчиненное и сложносочиненное предложения могут образовывать только восемь комбинационных типов двухполюсного усложненного предложения на базе сочинительных отношений. Остальные комбинации представляют собой их варианты.

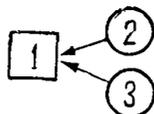
II. Сложноподчиненные предложения усложненного типа. Эта разновидность сложноподчиненных предложений характеризуется большим структурным разнообразием. Сложноподчиненные предложения усложненного типа распадаются на полюс главного и полюс придаточного предложения. Сложноподчиненные предложения усложненного типа, исходя из характера соединения придаточных предложений с главными, а также из специфики и количества компонентов, можно разделить на три группы предложений: 1) с соподчинением, 2) с последовательным подчинением, 3) с соподчинением и последовательным подчинением.

I. Предложения с соподчинением бывают двух видов: главное предложение + придаточное или придаточное предложение + главное.

Придаточный полюс может включать два и более придаточных предложений:

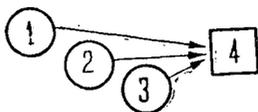
а) *Арзумуз будур ки, бөјүк оглан оласан, көрдүјүн ишлэр бизи өз валидејинлэрини севиндирсин* (И. Эфэндијев).

‘Мы желаем, чтобы ты стал взрослым, чтобы твои поступки радовали нас и твоих родителей’.

б) *Һава јахшы олса, сән дә вахтында кэлсән, мотору тез ишә сала билсәк, истираһәт күнү чохла балыг тута билләрик* (журн. «Улдуз»).

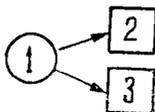
Букв.: 'Если погода будет хорошей, если ты придешь вовремя, если сумеем сразу завести мотор — в выходной день сможем наловить много рыбы'.

В зависимости от типов придаточных предложений, их количества и места сложные предложения с соподчинением могут иметь различные варианты. Существуют также случаи, когда два и более главных предложения образуют один полюс и находятся в параллельных связях с одним или несколькими придаточными предложениями:

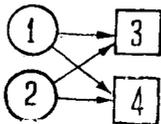
а) *Кечэнин гаранлыгы олмаса, күндүзүн шыгына ким тэлэсэр, ким бу шыгын гэдрини билэр* (С. Рәхимов).

'Если бы не мрак ночи, кто бы стремился к дневному свету, кто бы ценил этот свет'.

б) *Нэ гэдэр ки, сүр'этлэ силаһланма давам етдирилир, нэ гэдэр ки дөвлэтлэрин ихтијарында башга өлкэлэрэ иддырым сүр'эти илэ һүчүм етмэк васитэлэри вэ олдугча чохлу силаһ еһтијатлары, о чүмлэдән дү нүвэ силаһы еһтијатлары вардыр, динч јанашы јашамаг үчүн кифајет гэдэр мөһкәм тәмал ола билмэз, сүлһ мөһкәм сурәтдә тә'мин едилмиш һесаб олуна билмэз* (газ. «Коммунист»).

'До тех пор пока продолжается гонка вооружений и в распоряжении государств имеются средства молниеносного нападения на другие страны и огромные запасы оружия, в том числе запасы ядерного оружия, не может быть достаточной гарантии для мирного сосуществования, и прочный мир не может быть обеспечен'.

в) *Әкәр шум вахтында едиләрсә, торпаг јахшы бечариләрсә, кејфијәтли тохум сәпиләрсә, саһаләр вахтлы-вахтында вэ нормал сурәтдә сүварыларса, алаг вахтында едиләрсә, онда јахшы мөһсул да әлдә етмэк олар, мөһсулу јетишдирәнләр дә севинәр, бизим дә үзүмүз ағ олар, рајон рәһбәрләри дә бизә «сағ ол» дејәр, бәлкә, һалә бир орден дә алдыг* (газ. «Совет кәнди»).

'Если вспашка будет проведена своевременно, земля хорошо обработана, посеяны хорошие семена, поля своевременно и в достаточной мере политы, очищены от сорняков, то можно будет получить хоро-

ший урожай, и это принесет радость тем, кто растил урожай, мы сможем ходить с поднятой головой, руководители района скажут нам «спасибо», а может быть еще и орден получим».

В данном случае пять придаточных предложений (каждое в отдельности) связаны с пятью главными предложениями. Это усложненное предложение по своей схеме не отличается от второго предложения. Разница состоит лишь в том, что в одном случае в каждом полюсе — два компонента, а в другом — пять.

II. Из сложноподчиненных предложений усложненного типа с последовательным подчинением рассматриваются только трехкомпонентные.

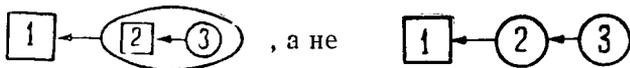
Известно, что в русском языкознании в сложноподчиненных предложениях с последовательным подчинением первое придаточное ставится в зависимость от главного, а второе — от первого придаточного. По методу же поляризации три компонента должны распадаться на два полюса. Обратимся к следующему примеру:

Варэгэдэ јазылмышды ки, еј эмэлэ чамааты, билин ки, Ханлар Нәсән оғлуна атылан куллә... биз нефт эмэләсинин һамысына атылыбдыр (С. Рәһимов).

‘На листовке было напечатано, эй рабочий люд, знай, что выстрел, направленный в Ханлара Гасан оглы..., был направлен во всех нас — рабочих-нефтяников’.

Данное предложение можно разбить на два полюса:

1) *Варэгэдэ јазылмышды*, 2) *еј эмэлэ чамааты, билин ки, Ханлар Нәсән оғлуна атылан куллә... биз* — нефт эмэләсинин һамысына атылыбдыр, то есть первый — полюс главного, а второй — полюс придаточного предложения. Первая часть — слова говорящего, остальная часть — сообщение о том, что написано на листовке. Полюс придаточного предложения в свою очередь состоит из двухкомпонентного сложноподчиненного предложения. Таким образом, схема этого предложения будет выглядеть следующим образом:

От характера отношений трех компонентов сложноподчиненных предложений усложненного типа зависит их структурное варьирование.

1) Полюс главного предложения занимает постпозицию и является однокомпонентным, полюс же придаточного предложения двухкомпонентный с постпозицией придаточной части.

Ахырда дедиләр ки, гој көрәк бу гујуда нә сирр вар ки, бу ат бурадән о јана кетмир («Азербайджан нағыллары»).

‘В конце концов сказали, что надо узнать, в чем секрет колодца, что лошадь от него не отходит’.

2) Препозитивный полюс главного предложения — однокомпонентный, а полюс придаточного — двухкомпонентный с постпозицией главного предложения.

Әсил мәсәлә дә бурасындадыр ки, мән Гара дашларын кәләчәјинә бүтүн варлығымла инанмасәјдым, белә фәрәһли бир мәчлисдә сәни һәјә-чанландырмәздәм (Ҳ. Мейди).

‘Суть вопроса в том, что если бы я не верил всей душой в будущее Черных камней, то я не заставил бы тебя волноваться на столь важном собрании’.

3) Препозитивный двухкомпонентный полюс придаточного предложения (в препозиции — главное, в постпозиции — придаточное), однокомпонентный полюс главного предложения.

Ким истәјир ки, Муса Еминов буронун тәркибинә сечилсин, гој элини галдырсын (газ. «Бакы»).

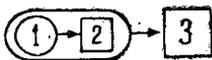
‘Тот, кто хочет, чтобы Мусу Эминова избрали в состав бюро, пусть поднимет руку’.

4) Двухкомпонентный препозитивный полюс придаточной части с препозицией придаточного и постпозицией главного предложения, однокомпонентный полюс главного предложения:

Дүшмән забитини бизимкиләр һарада јахаламышдылар, нечә тутмушдулар, бунлары билмәсәм дә, јахшы бир ов илә гајытдылары көз габағында иди (Ә. Әбүлһәсән).

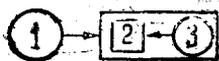
Букв.: ‘Где наши схватили вражеского офицера, как изловили, хоть этого я и не знал, но было ясно, что они вернулись с хорошей добычей’.

5) Однокомпонентный препозитивный полюс придаточного предложения, двухкомпонентный полюс главного предложения с препозицией главной части:

Башыма кәлән бир әһвалаты, гысача данышсам, көрәчәксән ки, сәнин тапмачанын чавабы елә мән дејәнди (журн. «Кирпи»).

‘Если я вкратце расскажу о том, что со мной произошло, ты убедишься, что ответом на твою загадку является то, о чем я говорю’.

6) Однокомпонентный препозитивный полюс придаточного предложения, двухкомпонентный полюс главного предложения с препозицией придаточной части.

Инди ки мэни истэјурсэн, нэ десэм, јеринэ јетирмэлисэн («Азербайджан нағыллары»).

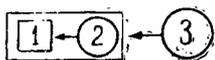
‘Раз ты меня любишь, то должен исполнить все, что я скажу’.

7) Двухкомпонентный препозитивный полюс главного предложения с постпозицией придаточной части, однокомпонентный полюс придаточного предложения:

Вагиф көрдү ки, Ибраһимхан онун сөзләринин мәғзини дәрк етмир, мәнэм-мәнэм дејир, буна көрә дә дилхор олуб динмәди (J. В. Чэмэн-зэминли).

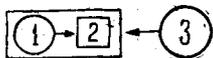
‘Вагиф увидел, что Ибрагимхан не понимает суть его слов, кичится, поэтому его настроение испортилось, и он замолчал’.

8) Двухкомпонентный препозитивный полюс главного предложения с постпозицией главной части, однокомпонентный полюс придаточного предложения:

Һарда ки лөвбәр салыб отурублар, идарә дүзэлдибләр, ора од вурмаг лазымдыр ки, иләләбәд јаддан чыхмасын (М. Ибраһимов).

‘Там, где они, обосновавшись, осели, организовали контору, нужно спалить все, чтобы навечно запомнилось’.

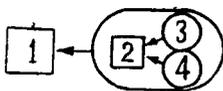

III. Соподчинение с последовательным подчинением предполагает наличие минимум четырех компонентов. Предложения с этим типом связи обладают наиболее сложной структурой. Ограничимся в данном случае приведением отдельных образцов предложений с соподчинением и последовательным подчинением.

1) Однокомпонентный препозитивный полюс главного предложения, постпозитивный полюс придаточного предложения с одним главным и двумя (может быть и больше) параллельно связанными придаточными предложениями:

Бирчә о галыб ки, Чыраг оғлы Мурад дәстәни чәкиб кәлсин ки, бу евләрдән дә көчүн, биз олачағыг (И. Әфәндијев).

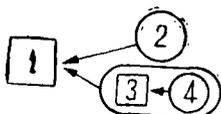
‘Не хватает только того, чтобы Чыраг оглы Мурад пришел со своей шайкой и стал требовать, чтобы мы выселились и из этих домов, а они заняли бы их’.

2) Однокомпонентный препозитивный полюс главного предложения, постпозитивный полюс придаточного предложения с двумя параллельно связанными придаточными предложениями, одно из которых в свою очередь распадается на главное и придаточное:

Холмогортсев дэ, Тапдыг да онлары инандырмаға чалышырдылар ки, сиз доғрудан да, чох јахшы аскарларсиниз, биз сиздэн тэссүфлә ајрылырыг, чүнки мәчбуруг (Ә. Әбүлхәсэн).

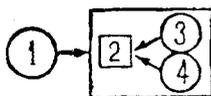
‘И Холмогорцев, и Тапдыг старались убедить их, что они действительно хорошие солдаты, что они с ними расстанутся с сожалением, так как вынуждены это сделать’.

3) Однокомпонентный препозитивный полюс придаточного предложения, трехкомпонентный полюс главного предложения, состоящий из главной части и двух соподчиненных придаточных предложений:

Гыз бир нечә гәдәм ирәлиләмшиди ки, бирдән дөнүб мәнә деди ки, сүд беш кирвәнкә иди, ханыма дејәрсән... (Тағы Шаһбази).

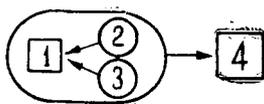
Букв.: ‘Девушка, сделав несколько шагов, вдруг обернулась и сказала мне: «Передай госпоже, что молока было пять фунтов»’.

4) Трехкомпонентный препозитивный полюс придаточного предложения с главным и двумя соподчиненными придаточными предложениями, однокомпонентный полюс главного предложения:

Әжәр сән бајаг нағыл еләдијин кејфијјәти мәһз зарафат үчүн дүзәлдиб нағыл еләјирдин ки, анчаг бир гәдәр күләк, күнүмүз хош кечсин, сөз јох, дахы бу барәдә һеч данышмајаг... (Ҷ. Мәммәдгулузадә).

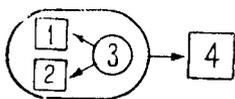
‘Если история, которую ты мне давеча поведал, была придумана и рассказана тобой только ради шутки, чтобы мы немного посмеялись и весело провели время, то нет слов, не будем больше об этом говорить’.

5) Трехкомпонентный препозитивный полюс придаточного предложения с двумя главными и одним придаточным, однокомпонентный полюс главного предложения:

Елә ки хәбәр чыхды, сәс-күј дүшдү ки, Никары кәтүрүб гачдылар, Бурчү Солтан аты миниб, гошуна һај вурду (дастан «Короғлу»).

Букв.: 'Как только стало известно, и все зашумели, что Нигар похитили, Бурджу Султан сел на коня и поднял свою рать'.

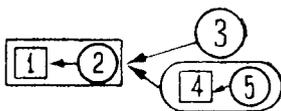
Выше были приведены пять разновидностей четырехкомпонентных сложноподчиненных предложений усложненного типа без уточнения типов придаточных предложений.

Назовем некоторые разновидности пятикомпонентных сложноподчиненных предложений усложненного типа:

1) Двухкомпонентный препозитивный полюс главного предложения с главной и придаточной частью, трехкомпонентный полюс придаточного предложения с двумя соподчиненными придаточными предложениями, второе из которых состоит из главной и придаточной части:

Мән елә билирдим ки, бизим ушаглар өзкә ушаглар кими о гәдәр дә дивар јазан дејилләр, чүнки чох нәсихәт еләмишдим вә онлар да мәнә сөз вермишдиләр ки, диварлары јазмајачаглар (Ҷ. Мәммәдгулузадә).

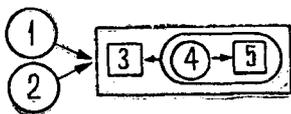
Букв.: 'Я думал, что наши дети не будут, подобно другим детям, писать на стенах, ибо много раз их наставлял, и они мне обещали, что писать на стенах не будут'.

2) Двухкомпонентный препозитивный полюс придаточного предложения с соподчиненным придаточным предложением; трехкомпонентный полюс главного предложения с главным и придаточным предложениями, где придаточное также состоит из двух компонентов — придаточного и главного предложения:

Елә ки, мәчлис арәстә олду, һәр кәс өз јерини тутду, Хоткар деди: нә гәдәр ки бу Короғлунун сәси кәсилмәјиб, дүнја үзүндә зиндәканлыг бизә һарам олачаг (дастан «Короғлу»).

‘Как только начался пир и каждый занял свое место, Хоткар сказал: «До тех пор пока жив этот Короглу, не будет от него нам житья на белом свете»’.

Пятикомпонентные сложноподчиненные предложения усложненного типа имеют двадцать четыре структурных разновидности, каждая из которых в зависимости от характера придаточных предложений может иметь различные варианты.

Таким образом, сложные предложения усложненного типа, широко распространенные в азербайджанском языке, могут быть описаны методом поляризации, который применим при исследовании как тюркских языков, так и языков других систем.

Г. Ф. БЛАГОВА

О ПРИЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ ПРИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКОЙ ГРАММАТИКИ

В настоящее время, когда почти безоговорочно признается, что приемы историко-сравнительного анализа должны дополняться сопоставительно-типологическим исследованием, нельзя сводить работу тюркологов, монголистов, финно-угроведов лишь к тому, чтобы они могли только «обрабатывать главным образом их собственные поля», как призывал в 1904 г. П. М. Мелиоранский. Выход за пределы тюркской языковой группы при сравнительно-историческом ее изучении позволяет обнаруживать в языках других типов все большее число грамматических явлений, по ряду признаков совпадающих или схожих¹.

Прежде всего такие структурно-типологические параллели можно выявить для грамматических форм аналитического строения, в частности — для аналитических форм в системе тюркского глагола². Аналитическое глаголообразование в тюркских языках по модели «имя+глагол «делать» (et-, kyl-, jar-) имеет свои аналоги в языках финно-угорских (мордовск. эрзянск. t'ejems, мокш. t'ijems)³, в кавказских (абхазско-

¹ Перечень подобных параллелей, намеченный Н. А. Баскаковым в связи с предложенной им программой типологического изучения морфологической структуры слова (см.: Н. А. Баскаков. К проблеме историко-типологического изучения грамматики тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1969, № 4), уже сейчас может быть существенно пополнен.

² В связи с привлекаемым нами материалом остается не совсем понятным, почему задачу тюрколога в этой области предлагается ограничить установлением «типологических схождений и расхождений тюркского аналитизма с аналитизмом в конкретных индоевропейских языках» (разрядка наша. — Г. Б.). — См.: Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 15. Возможно, впрочем, что интерес к сопоставлениям тюркских и индоевропейских языков поддерживается гипотезами «об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими» (см.: А. П. Дульзон. Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г.». Томск, 1969) и даже о «генетическом родстве алтайских и индоевропейских языков» (см.: К. И. Петров. Генетическое родство алтайских и индоевропейских языков. — Там же). Постулирование на основе современного языкового материала характера «языковой общности» «во времена становления речи «хомо сапиенс», или, иначе говоря, на «охотничье-пастушеской стадии хозяйства и первобытно-общинного строя» (К. И. Петров. Указ. раб., стр. 111), представляется малоубедительным. Касаясь в целом этих генетических гипотез, заметим, что только фронтальное (но никак не выборочно!) обследование грамматики соответствующих языков позволит решить вопрос, можно ли использовать устанавливаемые параллелизмы структурно-типологического характера в качестве ориентира для историко-генетических исследований.

³ См.: М. Д. Имайкина. Наречийно-образительные слова в мордовских языках. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1968, стр. 21 и сл.

адыгская подгруппа: адыгейск. *šlen*; ср. также в дагестанских языках)⁴. Один и тот же конструктивный прием — присоединение к деепричастной форме основного глагола специального вспомогательного глагола «давать» (или «получать»), «взять» — для выражения направления действия от 1-го лица ко 2-му (или 3-ему) лицу и наоборот используется в тюркских языках (*ber-*, *al-*) и в японском (*kuregu/kudasaru*, *morau/itadaku*)⁵. Сложение слов — имен, глаголов, наречий — широко распространено как в тюркских, так и в монгольских языках⁶.

Аналитические формы времени получили широкое распространение не только в тюркских языках, но также, например, и в двух дагестанских языках с развитым личным спряжением глагола — в даргинском (цезская подгруппа) и табасаранском (лезгинская подгруппа). Из многочисленных структурно-типологических параллелей в этой области остановимся только на схождениях в строении некоторых аналитических форм настоящего и прошедшего времени. В средневековом среднеазиатском тюрки абсолютно симметричную группу составляли временные формы, произведенные от деепричастий настоящего (*-a*, *-j*) и прошедшего (*-ib*) времени с помощью связки и вспомогательного глагола *e(ɾ)*- в прошедшем времени: настоящая форма на *-a dur* и прошедшая незавершенная на *-a dur edī*, прошедшее совершенное на *-(i)b dur* и давнопрошедшее на *-(i)b edī* (ср. в современном узбекском литературном языке настоящая форма *joz-a-di*, прошедшее-субъективное *joz-ib-di*, предпрошедшее *joz-ib edī* — симметричность нарушена утратой прошедшего незаконченного на *-a dur edī*⁷). Столь же симметричную группу составляют аналитические временные формы, производимые на основе соответствующих деепричастий, в табасаранском языке. Здесь «от деепричастия настоящего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательных глаголов *wi* «есть, суть» и *'a* «есть, находится» образуются аналитические формы: настоящего общего, настоящего конкретного (вспомогательные глаголы в форме настоящего времени), прошедшего несовершенного и определенного прошедшего несовершенного времени (вспомогательные глаголы в прошедшем времени)⁸. В свою очередь «от деепричастия прошедшего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола *'a*

⁴ См.: Г. В. Рогова, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966, стр. 296. Ср. также: А. А. Магомедов. Вспомогательные глаголы в даргинском и табасаранском языках. — «Иберийско-кавказское языкознание», VI, 1954, стр. 419—422.

⁵ См.: Е. Л. Наврон. Местоимения и средства выражения лица в глаголе японского языка. — «Труды МИВ», 2, 1940, стр. 230.

⁶ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматические приемы в монгольских языках. — Там же, стр. 201 и сл. Ср. также наречийно-изобразительные слова, схожесть которых в языках тюркских и мордовских отмечал еще Н. И. Ашмарин (см.: Н. И. Ашмарин. Подражание в языках Среднего Поволжья. — «Известия Азерб. ГУ». Обществ. науки, т. 2—3, 4—5. Баку, 1925), а М. Д. Имайкина (указ. раб., стр. 7 и сл.) указала параллели и из других финно-угорских языков.

⁷ Такую же картину можно наблюдать в ногайском языке (см.: Н. А. Баскаков. Очерк грамматики ногайского языка. — В кн.: «Ногайско-русский словарь». М., 1963, стр. 549, 550). В кумыкском языке наряду с настоящим временем *bag-a-mān*, *bag-ā* имеется прошедшее неопределенное I *bag-a-dum* (<*bag-a+edim*), *bag-a-du* (Н. К. Дмитриев. Морфология кумыкского языка. — В кн.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 296, 307). Наличию или отсутствию связки в 3-ем лице (как и в других лицах) временных форм, производимых от деепричастий, в различных тюркских языках могут быть поставлены в параллель разные (в отношении связки) строевые особенности отдеепричастных временных форм в говорах, например, даргинского языка — кубачинском, аштинском, говоре аула Чирах (см.: А. А. Магомедов. Указ. раб., стр. 381).

⁸ А. А. Магомедов. К спряжению глагола табасаранского языка. — «Иберийско-кавказское языкознание», XII, 1960, стр. 401.

«есть», «находиться» в форме настоящего и прошедшего времени образуются описательные формы прошедшего результативного и преждепрошедшего результативного времени»⁹. Схожий морфемный состав сопоставляемых тюркских и табасаранских аналитических временных форм, симметричность, морфологическая и грамматико-семантическая соотносимость этих форм в каждом из сопоставляемых языков может послужить, в частности, дополнительным аргументом в пользу деепричастного происхождения узбекского настоящего времени *joz-a-di*¹⁰. Аналитическая форма будущего времени («причастие будущего плюс вспомогательный глагол») в ингилойском наречии грузинского языка образовалась под влиянием соответствующей формы азербайджанского языка¹¹.

Д. М. Насилов предложил начинать сопоставительно-типологические исследования с описания таких «типологических констант микросистем тюркских языков», как, например, пассивные структуры¹². Остановимся здесь только на том специфическом стилистическом использовании пассива, которое обусловлено преимущественным употреблением его в тех случаях, когда носитель действия не упомянут.

В среднеазиатском литературном тюрки средневековья было обычным использование пассивных глаголов с винительным (или основным) падежом объекта, в том числе и форм пассива, образованных от глаголов движения, в стилистических целях умолчания об истинном производителе действия при повествовании от первого лица¹³. Типологически сходное явление наблюдается в японском языке, где при «страдательном залоге, употребленном в функции вежливости», «управление падежами остается таким же, как и при действительном залоге», например: *С энсэй ва хон во ёму* 'Учитель читает книгу' и *С энсэй ва хон во ёмарэру* 'Учитель изво-лит читать книгу'¹⁴. Сходное использование пассивных глаголов отмечалось и в монгольских языках, где оно получило иное истолкование¹⁵. Возвратные (или страдательные) конструкции с винительным прямого объекта, в которых невозможно употребление косвенной падежной формы со значением субъекта, отмечаются в славянских языках (старославян-

⁹ А. А. Магометов. К спряжению глагола табасаранского языка, стр. 398.

¹⁰ Ср.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 209.

¹¹ Г. М. Игнашвили. Образование некоторых времен в ингилойском наречии грузинского языка. — «Иберийско-кавказское языкознание», VI. Тбилиси, 1954, стр. 161.

¹² «Вопросы языкознания», 1971, № 2, стр. 157.

¹³ См.: П. М. Мелиорский. Памятник в честь Кюль Тегина. — ЗВО РАО, т. 12, вып. 2—3, 1899, стр. 102; Г. Ф. Благова. Формы пассива, представленные в «Бабур-наме», и особенности их синтактико-стилевого использования. — «Asian and African studies», I. Bratislava, 1965.

¹⁴ Е. Л. Наврон. Указ. раб., стр. 229, 230. Подробнее об этом явлении см.: Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937, стр. 195—197. Новейшая трактовка японского суффикса *-ра(-раэ)* как специализовавшегося для образования почтительных форм глагола не учитывает типологических данных в области функционирования страдательного залога и в результате чересчур категорически отделяет это использование *-ра(-раэ)* от сферы функций этого залога: *-ра(-раэ)* объявляется суффиксом, всего лишь «омонимичным в современном языке показателю страдательного залога» (В. М. Алпатов. О глагольных формах вежливости в современном японском языке. — «Филологические науки», 1971, № 2, стр. 98). Мнение о том, что в подобных случаях речь должна идти не об омонимии морфологических показателей, а о своеобразном использовании залоговой формы, может быть косвенно подкреплено известными фактами употребления формы другого залога — взаимно-совместного — для передачи нейтрального значения 3-го лица мн. числа в ряде тюркских языков (киргизском, уйгурском, в узбекских говорах), а также стилистически резко окрашенных значений вежливости (западноферганские узбекские говоры) или, напротив, пренебрежения (узбекский андижанский говор).

¹⁵ См.: Г. Д. Санжеев. Синтаксис глагола в монгольских языках. Докт. дисс. М., 1947, стр. 326—327; его же. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 59—62.

ском, старопольском, современном польском, северновеликорусских говорах)¹⁶.

Стремление к «обычной у восточных писателей формуле выражения своей скромности»¹⁷ отразилось и в ином литературном приеме. Мы имеем в виду употребление, например, в среднеазиатском литературном тюрки XV в. взамен местоимения 1-го лица ед. числа уничижительных имен и словосочетаний, таких, как *fakug* 'бедный, бедняк', *bändä-i haksar* 'презренный раб', *bu afk'ändä-i bi i'tibar* 'этот презренный, недостойный уважения' и пр. При подобных субститутах местоимения 1-го лица ед. числа глагольная форма оказывалась как бы самодовлеющей: имея в своем составе предикативный показатель 1-го лица ед. числа (т. е., строго говоря, не согласуясь в лице с *fakug* и прочими субститутами), именно глагольная форма тем самым определяла отнесенность этих заменителей местоимения к 1-му лицу ед. числа. Приведем пример из «*Muhäkämät ul-luçatajn*» Навои (рукопись ИВ АН УзССР, инвент. номер 5829, л. 54): *bändä-i haksar agarça tufraydyn ök'sük' erdim amma ul kujaš tarbijati bilä raḡ-raḡ güllar ačtym wa bu afk'ändä-i bi i'tibar agarça zarrädin k'ämräk' erdim ul sahab bilä günagün durr sačtym* 'Презренный раб, хотя и был я меньше праха, но благодаря воспитанию того солнца (имеется в виду поэт Джами. — Г. Б.) я раскрыл разноцветные розы и этот презренный, недостойный уважения, хотя я был ничтожнее пылинки, благодаря тем облакам я рассыпал разнообразный жемчуг'. По-видимому, субститутами местоимений 3-го и 2-го лица в современном тувинском языке являются формы мн. числа указательного местоимения *bo* 'этот' и производного от него *myndaagy*: *bolar* и *myndaagylar* выражают «подчеркнутую вежливость или почтительность в разговоре о присутствующем 3-м лице (соответствует почтительному «они» или в обращении ко 2-му лицу — вежливому «Вы»)»¹⁸. Приведенные факты из средневекового литературного тюрки и из современного тувинского языка сопоставимы с данными корейского языка: здесь как местоимение 1-го лица ед. числа, так и местоимения 2-го лица ед. и мн. числа имеют многочисленные и часто употребляющиеся субституты; причем «если вместо местоимений *na* (я) и *no* (ты) употреблен вежливый субститут, то все другие слова в предложении должны согласоваться с этим субститутом в отношении учтивости, что сохраняет единство стиля...»¹⁹ Такое же точно «согласование» можно заметить в приведенном выше фрагменте из «*Muhäkämät ul-*

¹⁶ См.: *F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, Bd. 4. Wien, 1870, стр. 361; *С. Сятковский. О развитии неопределенно-личных предложений с возвратным глаголом-сказуемым в польском и русском языках.* — «Bulletin de la Société polonaise de linguistique», XXVII, 1969, стр. 129 и сл.; *А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров.* М., 1953, стр. 144; *В. А. Матвеевко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах.* — «Материалы и исследования по русской диалектологии». Нов. серия, вып. II. М., 1961, стр. 103, 106, 119.

¹⁷ *В. Смирнов. Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в.* — ЗВО РАО, т. XXII, вып. I—II, 1914, стр. 110.

¹⁸ *Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка.* М., 1961, стр. 235. См. также: «Тувинско-русский словарь». М., 1968, стр. 109, 305. К сожалению, ни в «Грамматике», ни в «Словаре» не приведены примеры употребления этих субститутов в контексте, что не позволяет судить о характере их согласования с глагольной формой.

¹⁹ *Г. Рамstedт. Грамматика корейского языка.* М., 1951, стр. 71; см. также стр. 70. В сущности, той же «опасностью показаться нескромным и навязчивым», с одной стороны, и стремлением максимально объективизированно представлять материалы исследования — с другой, обусловлено закрепление в современной русской публичной речи, прежде всего — в научной сфере, системы литературных приемов, обеспечивающих предпочтительное использование неличной манеры изложения (или своеобразной манеры хотя бы словесного отказа от «ячества» — путем замены я местоимением *мы*); см. об этом: *О. А. Лаптева. Я или мы?* (в печати).

luɣatajn»: bändä-i xaksar, bu afk'ändä-i bi i'tibar употреблены взамен авторского «я», слова же «высокого стиля» — ul kujaš 'то солнце', ul sahab 'те облака' — использованы вместо имени поэта Джами.

Подобные элементы «киноструктурной соотнесенности» при сравнительно-историческом анализе как бы снимают завесу с глаз исследователя, не позволяя неоправданно рассматривать то или иное явление в качестве «специфического», присущего исключительно тюркским языкам. Выход за пределы тюркской языковой группы сам по себе не представляет принципиально ничего нового, выражая естественное стремление исследователя охватить существующие точки зрения на изучаемое грамматическое явление. Правда, чаще всего при этом ограничиваются привлечением материалов, добытых русским и романо-германским языкознанием. Между тем обращение к материалу не только индоевропейских языков, но и языков иных систем и обнаружение в них структурно-типологических параллелей изучаемым тюркским грамматическим явлениям будет способствовать более углубленному, всестороннему пониманию и истолкованию последних, более четкому выделению в них самых существенных черт и, наконец, выработке единообразной терминологии для типологически сходных явлений в разных языках. В данной статье, ни в коей мере не претендующей на полноту и системность сопоставления, обсуждению предлагаются лишь материалы, позволяющие тем не менее судить о том направлении, в котором возможно было бы вести поиск.

Одним из важных аспектов современной типологии наряду с обнаружением структурно-типологических параллелей в разносистемных языках признается «установление эквивалентных отношений между общими и разными морфемами»²⁰ в сопоставляемых разноязычных грамматических формах. Благодаря этому при сравнительно-историческом изучении грамматики тюркских языков типологические выходы за их пределы приобретают совершенно новое значение, способствуя выработке более точной методики доказательств. Как показывают новейшие компаративистские исследования, любые грамматические реконструкции — как более, так и менее глубокие — нуждаются в структурной верификации каждого из восстанавливаемых состояний в отношении типологических данных. Восстанавливая предыдущую ступеньку в развитии исследуемой грамматической формы, очень важно проверить на типологическом «пробном камне» — возможен ли такой путь развития хотя бы в одном из неродственных языков независимо от времени и места их распространения? Итак, суть типологической верификации развития языковых структур состоит в том, что именно типологические данные смогут дать подтверждения возможности тех или иных языковых преобразований. Попробуем раскрыть это на одном примере.

В тюркских языках имеются так называемые вторичные деепричастия типа турецких -дукса, -упса, кыпчакско-карлукских -ганса, -гунса, -гунса, восточно-тюркских -тушса, -гуша и -игса. Компонент са в этих явно составных показателях одними учеными рассматривается как «падежный аффикс», другими же возводится к слову сак «время, момент» или же к послелогу саку «как; настолько»²¹.

Выход за пределы тюркской языковой группы показывает, что глагольные инфинитивные формы, образованные при участии падежных показателей, присущи сибирско-дальневосточному ареалу. С таким строением

²⁰ В. М. Никитевич. Об одном аспекте исследования деривационной системы субстантива. — «Вопросы языкознания», 1970, № 5, стр. 53.

²¹ Обзор литературы по этому вопросу см.: Ю. Д. Жанмавов. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.

деепричастия мы встречаемся, например, в кетском языке, причем здесь падежное происхождение одного из формирующих компонентов не замутнено омонимией. А. П. Дульзон указывает, что кетское деепричастие образуется «от любой финитной формы любого времени и залога посредством прибавления аффикса продольного падежа *-бес'*»²².

В нивхском деепричастии цели на *-ныфтох* помимо суффикса будущего времени *-ны* выделяются еще суффикс места *-ф* и суффикс дат.-напр. падежа *-тох~рох~дох*²³. Примечательно, что деепричастия этого типа и в тюркских, и в кетском языках способны нести в себе выражение категории лица (в нивхском ее может передавать любое деепричастие): имеются в виду формы типа узб. *ёзгунимча, ук, игунимизча*, ср. в «Atäbät ul-häkaik» (XII в.) *uluу boldukuңča* 'по мере того как ты становишься великим' (пример В. М. Насилова). Во всех этих языках одинаков не только категориальный состав, но и аранжировка грамматических морфем, причем вклинивание показателей лица между глагольной и падежной морфемами говорит о том, что этот тип деепричастий еще не является окончательно сросшейся воедино, застывшей грамматической формой.

Итак, отысканные структурно-типологические параллели представляют собой дополнительные аргументы в пользу точки зрения, согласно которой компонент *-ča* в тюркских вторичных деепричастиях признается падежным суффиксом (при этом оставляется в стороне вопрос о более глубокой этимологии падежного показателя *-ča*, генетически, быть может, и связанного с лексемой *čak*²⁴).

Испытание на типологическую «пробу» дает свои результаты и при определении того, что представляет собой «элемент» *-ya/-a* в тюркских деепричастиях рассматриваемого типа. Ср., например, в кумыкском тексте *Munda olturup zamanuңnu boş jiber-gin-če-ge, kitap oxusaң* 'чем сидеть тут и впустую проводить время, ты бы лучше читал книгу' (пример Ю. Д. Джанмавова). Еще более очевидный пример — тур. *gel-in-se-ye kadar* 'до тех пор, пока не придет'; ср. также турецкие застывшие деепричастные формы на *-(y)g-ča-sy-n-a* и *-туş-ča-sy-n-a*²⁵. Ю. Д. Джанмавов считает, что в формах типа *jiber-gin-če-ge* компонент *-ge* «не имеет ничего общего с аффиксом направительного падежа»²⁶. Для него наиболее веским аргументом в пользу этого категорического утверждения является то обстоятельство, что, «как известно, аффиксы одной и той же морфологической категории в слове непосредственно один за другим употребля-

²² А. П. Дульзон. Строение кетского глагола. — «Вопросы языкознания», 1970, № 5, стр. 48. Сходство в категориальном составе грамматических морфем можно заметить в кетских и в отдельных тюркских причастиях. В кетском «причастие сочетает в своем составе аффиксы глагола и прилагательного» (там же, стр. 49). Ср. в древнеуйгурском форму на *-(i)g-li*.

²³ В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. 2. М.—Л., 1965, стр. 146.

²⁴ В этом смысле весьма показательна, однако, что форму *apsa+γupsa* 'в течение минутки' В. В. Радлов разлагал на *apsa+γupsa*, видя в *-γуп/-кап* «связанную энклитику (*gefügtes Enklitikon*)» (W. Radloff. *Altürkische Studien*, VI. — «Изв. ИАН», VI серия, № 12, 1912, стр. 756).

²⁵ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 487.

²⁶ Ю. Д. Джанмавов. Указ. раб., стр. 156. Он возводит этот компонент ко второму

слогу послелога *saу*, принимающего участие, по его мнению, в производстве этого вторичного деепричастия. Противоположного мнения придерживаются авторы книги «Современный татарский литературный язык» (М., 1969, стр. 259), указывающие, что деепричастия на *-gapsu* употребляются «с падежными аффиксами и послелогами»: *k'itk'āncegā* 'до того, как уехать'.

ются редко»²⁷, хотя, по его собственному признанию, в кумыкском деепричастия рассматриваемого типа после -*ya* могут принимать аффикс исходного падежа -*dan* в тех случаях, когда после деепричастной формы следует послелог *berli* 'с', 'начиная с', — *bağ-yun-ça-ya-dan berli* 'задолго до того как пошел'. Заметим, однако, что еще в начале XX в. В. Д. Смирнов наблюдал в языке турецкой рукописи XIV в. достаточно часто встречающееся «нагромождение» падежных окончаний в составе глагольно-именных (и именных) форм, употреблявшихся с послелогом *ögden*, например: *gel-me-din-den ögden*. «Такое нагромождение флективных окончаний», принадлежащих одной и той же морфологической категории (точнее — одному и тому же падежу), он считал «продуктом архаической грамматической неустойчивости адвербиальных образований, постоянно колебавшихся между стремлением к омертвлению и новым пробуждением к жизни...»²⁸

Ю. Д. Джанмавов сопоставляет кумыкск. *jiberginçege* с узб. *k'elganğaça* и даже с *Tošk'entğaça*, где «элемент -*ga* употребляется не после, а перед -*ça*», однако не решается отождествить «узбекский элемент -*ga*, употребляющийся перед -*ça*, и кумыкский элемент -*ya*, -*ge*, употребляющийся после -*ça*, -*çe*», тем более, что он признает все же узбекский «элемент -*ga*» аффиксом направит. падежа²⁹. Таким образом, между двумя разновидностями одного и того же вторичного деепричастия им устанавливается непроходимая грань в отношении их морфемного состава.

Между тем при определении характера элемента -*ga* соображения о том, находится ли он перед или после аффикса -*ça*, не могут играть решающей роли, поскольку распределение этих двух компонентов один относительно другого (как, впрочем, и распределение -*ça* относительно любого другого падежного показателя) неодинаково в отдельных тюркских языках. Чаще всего, как и в кумыкском, в других тюркских языках аффикс -*ça* предшествует всем прочим падежным показателям. Например: тувинск. *тупчауа* (*čedir*) 'до сих пор'³⁰, шорск. *апčezinde* 'наконечто', 'по мере того...'³¹ В отдельных тюркских языках порядок следования -*ça* и другого из падежных аффиксов варьируется. Ср. в древнеуйгурском *апčада* 'потом, спустя', но *апипča* 'тем временем'³². В узбекском языке наряду со ставшим здесь нормой «перевернутым» порядком следования морфем -*ga* + -*ça* (*Tošk'entğaça*, *k'elganğaça*) в отдельных местоименных наречиях наблюдается и более обычное для тюркских языков распределение: *ан-+-ча-+-дан бери* 'с тех пор'. Подобно узбекскому, в азербай-

²⁷ Ю. Д. Джанмавов. Указ. раб., стр. 160.

²⁸ В. Смирнов. Указ. раб., стр. 122. См. также: Г. Ф. Благова. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6; *её же*. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения). — *Там же*, 1970, № 1.

²⁹ Ю. Д. Джанмавов. Указ. раб., стр. 156, 160. Конечно, здесь примечательно уже и то, что Ю. Д. Джанмавов признает самую возможность включения падежного показателя (дат.-напр. падежа) в деепричастную форму. Добавим, что типологически такая возможность поддерживается данными нивхского языка (в деепричастии на -*ныфтох* компонент -*тох* — аффикс дат.-напр. падежа), а также эвенского, в ольском говоре которого причастие оформляется направительно-продольным падежом, имея при этом значение «до тех пор как...» (К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 222). В момском говоре суффикс направительно-местного падежа -*кла/-клэ* принимают причастия настоящего времени (на -*ри*) и долженствовательное причастие (см.: В. Д. Лебедев. О некоторых особенностях склонения существительных в момском говоре эвенского языка. — «Вопросы филологии». Якутск, 1970, стр. 137).

³⁰ «Тувинско-русский словарь». М., 1968, стр. 306.

³¹ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 89.

³² В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 89.

джанском языке аффикс релятивного падежа присоединяется не к основе, а к аффиксу местного падежа и служит, таким образом, средством усиления при указании места. Примеры: *māni bura-da-ča közlä, yuzum* 'жди меня здесь же, дочка'; ...*mān elä bura-da-ča bir tehîr geçinârām* '...я как-нибудь вот тут устроюсь'³³.

Типологические данные подтверждают и тот и другой порядок следования показателя дат.-напр. падежа и показателя падежа, который в тюркских языках называется разными исследователями по-разному — экатив, квантитативный, релятивный падеж и проч., а в других языках — предельный, продольный падеж. В нивхском языке показатель предельного падежа *-ршыкы* предшествует аффиксу дат.-напр. падежа *-рх*: *эри-ршыкы-рх* 'до речки'³⁴. Обратный порядок показывают корейский и тунгусские языки. Корейское сочетание аффиксов падежей предельного и дательного *-kadi*+*-e* обозначает «к какому времени»³⁵. В тунгусских языках сибирской и амурской подгрупп сам продольный падеж образуется на основе дат. падежа — путем присоединения к форме дат. падежа *-ду* показателя *-ли*, который некогда был показателем продольного падежа³⁶, ср. эвенский и эвенкийский направит.-продольный падеж *-k₁-лы*, представляющий собой сращение аффиксов направит. падежа *-k₁* и продольного *-лы*³⁷.

Таким образом, для некоторых фактов тюркской грамматики, до настоящего времени получающих противоречивые объяснения, отдельные гипотезы могут быть проверены на материале структурно-типологических параллелей, которые в своей совокупности их объясняют и подтверждают. Однако, выходя за пределы тюркской языковой группы, необходимо стремиться к возможно полному учету внутри этой группы всех не только регулярных, но и нерегулярных (в том числе — и диалектных, и исторически зафиксированных) форм, из которых последние часто остаются за пределами внимания исследователей, а также к осмыслению подобных форм в плане возможных структурно-типологических схождений.

³³ Ф. Д. Ашнин. Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках. Автореф. канд. дисс. М., 1958, стр. 13—14.

³⁴ В. З. Панфилов. О происхождении склонения в нивхском языке. — «Вопросы языкознания», 1963, № 3, стр. 76, 82; *его же*. Грамматика нивхского языка, ч. I. М.—Л., 1962, стр. 3.

³⁵ А. А. Холодович. Строй корейского языка. Л., 1938, стр. 31; Г. И. Рамstedт. Грамматика корейского языка. М., 1951, стр. 68, 69.

³⁶ «Языки народов СССР», т. V. М.—Л., 1969, стр. 73, 93, 113, 134, 155, 176, 196, 215.

³⁷ Там же, стр. 93.

Х. Г. НИГМАТОВ

ОТЫМЕННОЕ ОСНОВООБРАЗОВАНИЕ ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА В XI ВЕКЕ

Так называемое аффиксальное (морфологическое) словообразование представляет собой по существу основообразование, то есть с помощью определенного аффикса от основы одного слова образуется основа другого слова, которая, будучи оформленной формантами тех или иных функциональных категорий части речи, рассматривается как производное слово.

Продуктивные и высокопроизводительные модели отыменного основообразования глагола¹ в современных тюркских языках образуются с помощью аффиксов *-ла-*, *-лан-*, *-лаш-*, *-лат-* и их фонетических вариантов. Значительное же число глагольных основ образовано с помощью ныне непродуктивных аффиксов². В тюркских языках в настоящее время количество непродуктивных аффиксов глаголообразования в несколько раз превосходит число продуктивных аффиксов. Следует учесть еще и тот факт, что глаголообразующие аффиксы *-ла-*, *-лан-*, *-лаш-* и другие сохранили не все значения, которыми они обладали девять-десять столетий тому назад.

В данной статье рассматриваются продуктивные модели отыменного глаголообразования по материалам «Дивану-луғат-ит-турк» Махмуда Кашгари и делается попытка выявить причины, обусловившие те или иные изменения в этих словообразовательных моделях в процессе дальнейшего развития.

Выбор в качестве объекта наблюдения над отыменным основообразованием тюркских языков XI века именно материалов «Дивана» не случаен: во-первых, «Диван» уже сам по себе представляет продукт лингвистических обобщений вдумчивого языковеда с весьма обширными познаниями; во-вторых, среди словарей и грамматик тюркских языков XI—XIV вв. «Диван» является наиболее древним и полным сводом тюркоязычной лексики; в-третьих, в этом труде автор уделяет глаголу особое внимание³. Последнее, видимо, объясняется характером содержания не

¹ Термины *продуктивность* и *производительность* словообразующих аффиксов и словообразовательных моделей употребляются здесь в том же значении, что и в книге Э. В. Севортяна «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (М., 1962, стр. 20—34).

² Об этих аффиксах см.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 203—358; G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre mongolisch-türkischen Sprachen. — «Journal de la Société de la Finno-ougrienne», Т. 28, Heft 3. Helsinki, 1912, §§ 5—100.

³ С. Brockelmann. Mahmud Kasgharis Darstellung des türkischen Verbalbaues. — «Keleti Szemle», Т. 18, 1919, стр. 29.

дошедшего до нас произведения Махмуда Кашгари «Жавахир-ун-нахви фи-л-луғат-ит турк» («Жемчужины синтаксиса тюркских языков»), в котором, по словам автора «Дивана», им рассматривались вопросы синтаксиса и морфологии именных частей речи тюркских языков (I, 62)⁴.

О продуктивности того или иного глаголообразующего аффикса в XI веке мы можем судить по многочисленным заметкам (правилам) Махмуда Кашгари, который особо выделяет каждый продуктивный аффикс, образующий от имен глаголы (см.: I, 57—59; III, 101, 323, 332, 342, 358 и др.), перечисляет типы значений основ, образованных с помощью этого аффикса, и дает сведения об объеме производительности данной модели отыменного глаголообразования. Сопоставление правил Махмуда Кашгари с фактическим материалом «Дивана» предоставляет ценные данные о продуктивных и непродуктивных типах значений каждого глаголообразующего аффикса и о его потенциях к дальнейшему развитию.

Махмуд Кашгари выделяет следующие продуктивные аффиксы, образующие от имен глаголы: *-ла-/лӓ-* (I, 59), *-лан-/лӓн-* (III, 323), *-лаш-/лӓш-* (II, 300), *-а-/ӓ-* (I, 59), *-(а/ӓ)р-* (II, 190), *-(а/ӓ)з-/ (а/ӓ)т-* (II, 393), *-сӓ-/сӓ-* (I, 279), *-са-/сӓ-* (I, 276).

I. Аффикс *-ла-/лӓ-*. Глаголообразовательная модель ИМЯ+*-ла-* является самой производительной как в древнейших, так и в современных тюркских языках. Махмуд Кашгари рассматривает аффикс *-ла-/лӓ-* как универсальный аффикс отыменного глаголообразования. В своем «Введении» он пишет: «*-ла-* присоединяется к именам и образует глаголы: *бӓк кӓушладӓ* 'бек охотился на птиц'. Здесь [слово] «*кӓуш*» ['птица'] [до присоединения к нему аффикса *-ла-*] было именем и не спрягалось как глагол. Когда к нему присоединился [аффикс] *-ла-*, оно стало глаголом и приобрело все его свойства. Это основное правило [глаголообразования]. Запомни это!» (I, 59).

В «Диване» зафиксировано более 294 производных глаголов с аффиксом *-ла-/лӓ-*, что составляет свыше 4% всей лексики, включенной в «Диван». Это показывает высокую производительность глаголообразовательной модели ИМЯ+*-ла-* в XI веке⁵.

В разных местах своего сочинения Махмуд Кашгари указывает пять типов переходных значений основ на *-ла-/лӓ-* (см.: III, 332, 342, 357—359) и только один тип непереходного значения — «размножение» [бузағула 'отелиться' (III, 100)]. О других типах значений непереходных основ на *-ла-/лӓ-* Махмуд Кашгари либо ничего не пишет, либо называет их «особыми» (III, 343, 359), что может служить для нас указанием на их лексикализованность, окостенелость.

Хотя Махмуд Кашгари неоднократно упоминает основы на *-ла-/лӓ-* со значением размножения, в «Диване» их всего пять, что составляет

⁴ В круглых скобках указываются тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами) «Дивана» по «Махмуд Кашгарий. Девону луғатит турк. Таржимон ва нашрага тайёрловчи С. М. Муталлибов». Тошкент, том I — 1960, том II — 1961, том III — 1963, «Индекс-луғат» — 1967. В приводимых из «Дивана» примерах транскрипция, принятая в узбекском переводе, в основном сохранена. Только знак «ӓ» всюду заменен знаком «л».

⁵ Интересно сопоставить эти данные с фактами современных тюркских языков. В современном башкирском языке, по мнению А. А. Юлдашева, насчитывается более 600 производных глаголов на *-ла-/ле-* (см.: А. А. Юлдашев. Основные типы производных глаголов с аффиксом *-ла-/ле-* в башкирском языке. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 92). См. также: Р. Кунгуров, А. Тихонов. Обратный словарь узбекского языка (Самарканд, 1969), содержащий около 30000 слов. Из них 1110—производные глаголы на *-ла-*, что составляет 3,6% всей охватываемой словарем лексики.

около 0,5% из числа всех основ на *-ла-/лӓ-*. Отсюда можно заключить, что уже в XI веке в основах на *-ла-/лӓ-* доминирующими были переходные типы значения. Следует учитывать и тот факт, что Махмуд Кашгари подчеркивает широкие возможности образования переходных основ от имен с помощью аффикса *-ла-/лӓ-* (III, 359).

Господство переходных типов значения в аффиксе *-ла-/лӓ-* видно и из численного соотношения переходных и непереходных основ на *-ла-/лӓ-*: из 290 отыменных основ на *-ла-/лӓ-* переходными являются 231 (то есть 80%), а непереходными — только 59 (или 20%).

Можно выделить следующие основные типы значения производных основ на *-ла-/лӓ-* в «Диване» Махмуда Кашгари:

А. Переходная основа означает:

1) «действовать определенным предметом, орудием или средством» (22%)⁶: *кӓслӓ-* 'забрасывать глиной' (III, 315), *эмлӓ-* 'лечить' (I, 74);

2) «сделать что-л. чем-л. (6%) или каким-л.» (5%): *к₁онук₁ла-* 'угощать', 'принимать как гостя' (III, 351), *к₁арала-* 'чернить' (III, 337);

3) «считать (называть) кем-л. (чем-л.) (12%) или каким-л.» (5%): *огузла-* 'считать огузом' (I, 295), *бӓклӓ-* 'называть беком' (I, 302), *сӓзлӓ* 'говорить на «вы»' (III, 313), *ушак₁ла-* 'считать маленьким' (I, 298);

4) «действовать на названный орган, часть тела» (11%): *азак₁ла-* 'бить по ногам' (I, 297);

5) «действие, связанное с лишением, удалением, очищением» (6%): *к₁ӓйлӓ-* 'чистить от моли' (III, 349), *ӓнучлӓ-* 'вынуть (из глаз) ресницу' (I, 293);

6) «снабжать чем-л.» (8%): *башак₁ла-* 'приделать (к стреле) наколечник' (III, 349), *ӓгӓтлӓ-* 'посылать (с невестой) женщину, которая будет обслуживать ее в первую брачную ночь' (I, 292);

7) «действие в определенном времени (месте) (5%) или определенным способом» (3%): *ӓртӓлӓ-* 'начинать рано, с утра' (I, 307), *аргула-* 'проходить между...' (I, 308), *ушуклӓ-* 'поймать, заморозив' (I, 299). Сюда же примыкают глаголы, образованные от имен со значениями меры и объема (3%): *азутла-* 'брать горстями' (I, 292);

8) если исходной именной основой выражается название процесса или его результата, то аффикс *-ла-/лӓ-* трансформирует это именное значение в глагольное: *ӓшла-* 'работать' (I, 292), *сатӓгла-* 'продавать' (III, 348).

Б. Непереходная основа означает:

а) рождение кого-л. (о животных) (10%): *бузагула-* 'отелиться' (III, 100);

б) действие с так называемым «внутренним объектом» (37%): *жашла-* 'есть свежую траву' (III, 322), *сӓзлӓ-* 'говорить' (III, 312), *к₁ӓшла-* 'зимовать' (III, 314);

в) оноματοпозитическое действие (22%): *жагылла-* 'журчать' (III, 338), *тинӓлӓ-* 'греметь' (III, 412);

г) физическое, духовное состояние субъекта и явления природы (18%): *к₁алӓн₁ула-* 'держаться на поверхности (воды)' (III, 417), *тан₁ла-* 'удивляться' (III, 410), *к₁арла-* 'идти (о снеге)' (III, 338);

д) становление (5%): *ортула-* 'дожить до средних лет' (I, 307);

⁶ Здесь и далее проценты выводятся соответственно из общего числа переходных и непереходных основ.

е) быть подверженным действию чего-л. (9%): *кэмлә-* 'заболеть' (I, 270);

ж) действие в определенном месте или времени (9%): *ісіглә-* 'идти в полдень', 'идти в зной' (I, 298).

Из перечисленных выше значений производных основ на *-ла-/лә-* в современных тюркских языках высокопродуктивными являются только типы 1, 2, 6, 8, в, частично продуктивными — типы 3 (только значения типа *сізлә-*), 7 (тип *азугла-*). Остальные значения производных основ на *-ла-/лә-*, зафиксированные в «Диване», в современных тюркских языках стали непродуктивными. Степень продуктивности значения типа в в разных тюркских языках различна. Например, в узбекском языке большинство глаголов от ономапоэтических слов образуется с помощью аффикса *-ла-*⁷, а в турецком, азербайджанском и других — преимущественно с помощью специального аффикса *-да-/дә-*, являющегося позднее обособившимся фонетическим вариантом аффикса *-ла-/лә-*⁸. Среди переходных основ относительная высокая продуктивность типа значений б объясняется тем, что эти производные глаголы являются как бы «полу-переходными»⁹ и могут управлять прямыми дополнениями, повторяющими их внутренний объект: *сöz сөзлә-* 'говорить', 'сказать слово' (III, 312).

Материалы «Дивана» обнаруживают, что исторически аффикс *-ла-* мог свободно образовывать от имен как переходные, так и непереходные глагольные основы, и значение производной основы зависело от значения именной, а также от функционирования производной основы. В историческом плане трудно удостовериться, имел ли аффикс *-ла-/лә-* определенный круг значений. Ср.: *кiуртла-* 'чистить от червей' (II, 449), узб. *кiургла-* 'червиветь', кирг. *куртта-* 'червиветь', 'чистить от червей'. В глаголообразовательной модели ИМЯ+*-ла-* функция аффикса *-ла-/лә-* сводилась к трансформации значения предметности в процессуальности, и производная основа могла получать в зависимости от значения именной основы одно из значений процессуальности, возможных в данном языке. Поэтому основы на *-ла-/лә-*, в зависимости от того, какая сторона значения исходной именной основы служила базой для глаголообразования¹⁰, могут иметь самые противоречивые значения (ср., например, *арпала-* 'кормить ячменем' (I, 307), *көрпälä-* 'есть свежую траву' (III, 363), *ағизла-* 'ударить клыком', 'ударить по клыку' (I, 296—297).

Однако в процессе исторического развития круг продуктивных значений глаголообразовательной модели ИМЯ+*-ла-* стал ограничиваться образованием только переходных глагольных основ. Видимо, этот процесс начался давно, так как уже в XI веке данная модель служила в основном для производства переходных глаголов.

II. А ф ф и к с *-лан-/лән-*¹¹ в «Диване» является очень производительным. С помощью этого аффикса в «Диване» образованы 225 отыменных глаголов, то есть глаголообразовательная модель ИМЯ+*-лан-* по своей производительности мало чем уступает модели ИМЯ+*-ла-*¹². Мах-

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 314.

⁸ Н. К. Дмитриев. К изучению турецкой мимологии. — В сб.: «Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 66—69.

⁹ Ср.: А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, ч. IV. Л., 1941, стр. 201.

¹⁰ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 86.

¹¹ О критериях выделения аффикса *-лан-* и о его отличиях от *-ла-+н-* (то есть страдательной и возвратной форм от производных глаголов с аффиксом *-ла-/лә-*) см.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 93—133.

¹² Ср.: А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 50—51.

муд Кашгари характеризует *-лан-/лән-* как самостоятельный глаголообразующий аффикс и перечисляет семь типов значений производных основ на *-лан-/лән-* (II, 295, 312, 323—324; III, 215—216, 313). Представленные в «Диване» производные основы на *-лан-/лән-* можно подразделить на две группы:

1) переходные основы со значением «считать кого-л. кем-л. (как-им-л.)»;

2) непереходные основы со значениями приобретения какого-л. предмета или признака и становления.

Переходных основ с указанным выше значением в «Диване» сравнительно немного. Они составляют всего 10% из числа всех основ на *-лан-/лән-* в «Диване»: *кiйшлағлан-* 'считать местом зимовки', 'одобрить в качестве места зимовки' (II, 317), *азлан-* 'считать маленьким, недостаточным' (I, 292), *кiйзлан-* 'считать дорогим' (II, 292).

Низкая производительность этого значения в основах на *-лан-/лән-* обусловлена тем, что в XI веке аналогичным продуктивным значением обладала модель ИМЯ+-ла-. Значение «считать кем-л. (как-им-л.)» в основах на *-лан-/лән-* развилось на базе основ на *-ла-/лә-* того же значения (см. тип 3 значения переходных основ на *-ла-/лә-*) и косвенно-возвратного значения аффикса- ($\frac{\circ}{\circ}$) н¹³, чем и обусловлена переходность основ на *-лан-/лән-* с этим значением.

Непереходные основы со значением приобретения какого-либо предмета составляют 55% основ на *-лан-/лән-*, то есть этот тип основ на *-лан-/лән-* является самым многочисленным в «Диване»: *отуклән-* 'иметь сапог' (I, 289), *көн,ләклән-* 'иметь сорочку', 'носить сорочку' (III, 418), *јалғлан-* 'иметь гребень', 'расти (о гребне петуха, гриве коня)' (III, 125).

В основу семантики этой группы глаголов легли тип 6 значения основ на *-ла-/лә-* и возвратное значение аффикса- ($\frac{\circ}{\circ}$) н-. В основах типа *јалғлан-* можно видеть начало развития медиального значения в основах на *-лан-/лән-*, то есть передвижение от значения предметного обладания к качественному обладанию и становлению: *этлән-* (I, 256) 'иметь мясо' > 'становиться мясистым' > 'полнеть'.

Основы на *-лан-/лән-* с медиальным значением составляют 35% основ на *-лан-/лән-*. Исходными основами для этой группы глаголов на *-лан-/лән-* могут служить слова со значениями качественной или количественной характеристики предмета: *јумшағлан-* 'смягчаться' (III, 127), *он,лан-* 'окраситься' (I, 285), *оғузлан-* 'обогузиться' (I, 288), *бурғәлән-* 'прыгать как блоха' (III, 219). Как видно из последних примеров, для образования таких основ от имен существительных за основу значения глагола принимается качественное значение имени.

Медиальное значение основ на *-лан-/лән-* является результатом сложных, взаимно обусловленных изменений в семантике самих основ на *-лан-/лән-*, основ на *-ла-/лә-* и в значении возвратного и страдательного залогов. Можно указать следующие основные факторы, способствовавшие развитию медиального значения в основах на *-лан-/лән-*:

1) вышеупомянутый сдвиг в основах на *-лан-/лән-* от предметного обладания к качественному обладанию;

2) ограничение продуктивных значений только переходными типами в модели ИМЯ+-ла-;

¹³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 380.

3) противоречие между залоговыми (грамматическими) значениями возвратности и страдательности и лексическим (словообразовательным) значением медиальности в аффиксах $-(\underline{O})н-$, $-(\underline{O})л-$ ¹⁴.

На основе материалов «Дивана» можно заключить, что медиальность в XI веке не была еще доминирующим значением основ на $-лан/-лән-$ ¹⁵, однако была уже подготовлена твердая почва для развития этого значения. В современных тюркских языках медиальность является основным и ведущим значением основ на $-лан/-лән-$ ¹⁶. Другое значение основ на $-лан/-лән-$, представленное в «Диване», — «считать...» вступило в противоречие с развивающимися значениями основ на $-лан/-лән-$ и позже было утрачено моделью ИМЯ+ $-лан-$.

Иногда производные основы на $-ла/-лй-$ и на $-лан/-лән-$ в «Диване» имеют как переходное, так и непереходное значения: *чағирла-* 'приготовить вино', 'напиться' (III, 344), *тумлуғлан-* 'считать холодным', 'относиться холодно' (II, 317). Такие явления следует рассматривать как реликты древнейшей нерасчлененности значений переходности/непереходности в тюркском глаголе¹⁷.

III. Аффикс $-лаш/-лйш-$. Если в XI веке аффикс $-лан/-лән-$ был вполне сложившимся глаголообразующим элементом, то аффикс $-лаш/-лйш-$ только начинал формироваться. В «Диване» приводится буквально считанное количество основ на $-лаш/-лйш-$: *өтлйш-* 'продырявиться', (I, 241), *тән,лйш-* 'сравняться' (III, 307), *к,урдаш-* 'быть равным по положению, по достоинству' (II, 254). Однако и этих примеров достаточно, чтобы утверждать, что в XI веке аффикс $-лаш/-лйш-$ уже существовал и что основы на $-лаш/-лйш-$ могли иметь медиальное значение.

Формирование медиального значения в основах на $-лаш/-лйш-$ происходило на базе утраты продуктивности образования непереходных основ со значением становления на $-ла/-лй-$ и слияния последнего с общевозвратным значением аффикса $-(\underline{O})ш-$, которое находилось в противоречии с собственно-залоговыми значениями этого аффикса. В результате слияния этих двух значений, каждое из которых выходило за пределы системы продуктивных значений своего показателя, образовался новый аффикс $-лаш/-лйш-$ с медиальным значением.

В заметно большем количестве представлены в «Диване» основы на $-лаш/-лйш-$ со значением «играть (в азартную игру), закладывая что-л.»: *эвлйш-* 'играть, заложив дом' (I, 243), *јарік,лаш-* 'играть, заложив кольчугу' (II, 300). Является ли $-лаш/-лйш-$ в основах этого типа словообразовательным элементом, ответить трудно, так как, во-первых, аналогичным продуктивным значением обладал в XI веке тюркский взаимно-совместный залог, во-вторых, это значение в XI веке, по свидетельству Махмуда Кашгари, было закреплено за (изолированными — ?) деепричастиями на $-у/-ў-$ от глаголов, содержащих элемент $-лаш/-лйш-$. Об аффиксе $-лашу/-лйшү$ Махмуд Кашгари пишет несколько раз (I, 263).

¹⁴ Об этом см.: Х. Г. Нигматов. Феъл нисбатларининг муносабати ҳақида.—Журн. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1970, № 3. О лексическом и грамматическом в тюркских залогах см.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 117—130; *его же*. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах. — «Ученые записки Ленинградского университета. Серия востоковедческих наук», вып. 12. Л., 1961, стр. 3—11.

¹⁵ Ср.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 133.

¹⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 316; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 133.

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1949, стр. 180.

IV. А ф ф и к с *-лат/-лāt-*. На основании материалов «Дивана» и других памятников XI века трудно определить, являются ли глаголы с элементом *-лат/-лāt-* отыменными или отглагольными образованиями, но в ряде случаев (например, *к₁ак₁лат-* 'сушить' (II, 402), *јук₁лат-* 'поднимать вверх' (III, 410) и др.) глаголы с элементом *-лат/-лāt-* не имеют исходных глагольных основ с аффиксом *-ла/-лā-*. Однако на основании только этого факта нельзя сделать какой-нибудь определенный вывод. Естественно, что ни «Диван», ни другие памятники XI века не охватывают всей лексики тюркских языков того периода. Возможно, что исходные глагольные основы таких глаголов в языках XI века и существовали, но они не нашли своего отражения в «Диване». Однако на основании параллельного употребления с одним и тем же значением глаголов с аффиксами *-ла-* и *-лан-*, *-ла-* и *-лат-* (*іг₁лā-* (I, 283) *іг₁лāн-* (I, 290) 'заболеть'; *эн₁клā-* (I, 300) *эн₁клāн-* (I, 289) 'размножаться' (о животных); *эм₁лā-* (I, 283) *эм₁лāt-* (II, 419) 'лечить'; *та₁гла-* (III, 309) *та₁гла₁-* (II, 396) 'делать метку (на животных)' и др.), случаи которого в «Диване» нередки, можно полагать, что в X—XI вв. между аффиксами *-ла-*, *-лан-* и *-лат-* шла борьба за дифференциацию значений образуемых с их помощью основ по линии переходности/непереходности.

V. А ф ф и к с *-а/-ā-*. В XI веке этот аффикс был продуктивным, и поэтому Махмуд Кашгари упоминает его в числе глаголообразующих аффиксов (I, 57; III, 101, 333). Однако глаголообразовательная модель ИМЯ+*-а-* была малопродуктивной, о чем свидетельствует количество основ на *-а/-ā-* в «Диване» — их всего 70 (то есть в четыре раза меньше, чем основ на *-ла/-лā-*), из них 57% являются переходными, а 47% — непереходными. Основы на *-а/-ā-* повторяют значения I, 5, 6, 8, а, б, (в — ?), г, д основ на *-ла/-лā-*: *ота-* 'лечить (травой)' (III, 269), *к₁іза-* 'лишать невинности' (III, 280), *түзā-* 'солить', 'добавить соли' (III, 289), *к₁іна-* 'мучить' (III, 289), *к₁улна-* 'ожеребиться' (III, 101), *тунā-* 'ночевать' (III, 289), *к₁алд₁ра-* 'шуршать' (III, 450), *эснā-* 'веять (о ветре)' (I, 284), *к₁он₁ра-* 'буреть' (III, 411).

Материалы «Дивана» не обнаруживают особо производительных типов значений основ на *-а/-ā-*; количество основ по всем вышеприведенным значениям почти равное (за исключением основ типа *к₁алд₁ра-*, число которых значительно превышает остальные; однако включение их в разряд производных глаголов с аффиксом *-а/-ā-* является спорным¹⁸). Если учесть, что количество переходных и непереходных основ на *-а/-ā-* тоже почти равное, можно сделать вывод, что глаголообразовательная модель ИМЯ+*-а-* утратила свою продуктивность очень давно, до обнаружения в тюркском глаголообразовании тенденции к дифференциации глаголообразовательных моделей переходных и непереходных глаголов. Благодаря закреплению переходных типов значения за аффиксом *-ла/-лā-* и возникновению специальных аффиксов *-лан-*, *-лаш-*, образующих только непереходные основы, аффикс *-а/-ā-* полностью утратил свою продуктивность.

VI. А ф ф и к с *-(a/ā)p- : -(a/ā)з- : -(a/ā)т-*. На этот продуктивный и в XI веке довольно производительный аффикс автор «Дивана» несколько раз обращает внимание своих читателей (I, 262; II, 398, 404; III, 468) и предлагает свой вариант этимологии аффикса *-(a/ā)p-* (II, 190) (от *к₁ара*

¹⁸ См.: А. Ф. Фуломов. Фель. Тошкент, 1954, стр. 71; W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. 3. Mitteilung. «Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften», Hist.-phil. Klasse. 5. 1919, стр. 39 и далее.

эрді > κ₁арарді), который и в современной тюркологии имеет своих сторонников¹⁹.

В «Диване» аффикс $-(a/\ddot{a})p-$ является более производительным, чем аффикс $-(a/\ddot{a})z-$ и его ассимилятивный вариант — $-(a/\ddot{a})t-$. Эти аффиксы образуют от имен прилагательных и существительных глаголы, выражающие становление или принятие какой-либо формы, вида, качества или свойства: *tüzär-* 'становиться гладким' (II, 81), *орун₁ар-* 'белеть' (I, 285), *көләр-* 'превратиться в озеро', 'покрываться лужами' (I, 189), *эрмәгүр-* 'разлентиться' (II, 361) (от *эрмәгу-* 'ленивый' (I, 78); ср.: староузб. *тэлбәр-* 'дурачиться', 'сумасбродствовать', от *тэлбә* 'глупый', 'дурак', 'сумасбродный'²⁰; *білгәз-/білгәт-* 'умнеть' (II, 395), *эра́т-/эра́з-* 'возмужать' (I, 262), *көркәз-/көркәт-* 'становиться красивым' (II, 393).

VII. Аффикс $-(\underline{\text{о}})к-$. С помощью этого аффикса в «Диване» образованы 35 отыменных глаголов. Все эти глаголы непереходные и имеют медиальное значение: *ч₁к₁-* 'увлажняться' (III, 200) [от *ч₁* 'влага', 'влажный' (III, 225)], *ја₁јк₁-* 'наступать (о весне)', *са₁јк₁-* 'становиться каменной (о местности)' (II, 262).

Махмуд Кашгари пишет о сочетаемости этого аффикса только с глагольными основами (корнями), а на отыменные глаголы, образованные с помощью этого аффикса, никаких указаний не дает. Поэтому можно заключить, что производительность глаголообразовательной модели ИМЯ+-(о)к- была ограниченной. В результате развития аффиксов *-лан-/лән-* и *-лаш-/ләш-*, образующих отыменные глаголы с теми же значениями, что и аффиксы $-(a/\ddot{a})p-$, $-(a/\ddot{a})z-$, $-(\underline{\text{о}})к-$, все эти аффиксы утратили свою продуктивность и сохранились в составе ограниченного количества основ в виде пережитков.

VIII. Аффикс $-с₁-/с₁-$ рассматривается Махмудом Кашгари как продуктивный аффикс, образующий от имен глаголы со значением «становиться подобным чему-л.» (I, 58): *сувс₁-* 'становиться похожим на воду' (I, 279), *к₁уруғс₁-* 'слегка сушиться', 'начинать сушиться' (III, 300). В «Диване» отыменных глаголов с этим аффиксом очень мало. Незначительная производительность данной модели глаголообразования объясняется тем, что аффикс $-с₁-/с₁-$ вошел в состав ряда фузионных аффиксов, передав им свое значение. К таковым аффиксам относятся $-(\underline{\text{о}})мс₁н-$, $-с₁н-$, $-с₁р-$. Среди них наиболее продуктивным является $-(\underline{\text{о}})мс₁н-/-(\underline{\text{о}})мс₁н-$ — фузионный аффикс, состоящий из $-(\underline{\text{о}})м-$ (аффикс, образующий отглагольные имена) + $-с₁-$ + $-(\underline{\text{о}})н-$ (показатель возвратного залога, выражавший в XI веке также симулятивное действие и притворство) (II, 234). Этот аффикс присоединяется исключительно к глагольным основам (корням) и означает «делать вид, что...», «притворяться, будто...»: *јәмс₁н-* 'делать вид, что ест' (III, 120), *білімс₁н-* 'делать вид, что знает' (II, 393).

Махмуд Кашгари подчеркивает, что аффикс $-(\underline{\text{о}})мс₁н-$ может присоединяться ко всем глаголам за исключением глагола *јарамс₁н-*, который уже содержит этот аффикс (II, 305).

На основании вышесказанного можно заключить, что аффикс $-с₁-$, соединившись с аффиксами $-(\underline{\text{о}})м-$ и $-(\underline{\text{о}})н-$, перешел из разряда гла-

¹⁹ И. А. Батманов. Категория времени сказуемого в турецких языках. (Генезис представлений и употребление форм). — «Научные труды Наркомпроса УзССР», т. I, вып. 2. Ташкент, 1934, стр. 41; А. Emre. Türkçede isim temelleri. Istanbul, 1943, стр. 132; С. Brockelmann. Ost-türkische Grammatik. Leiden—Brill, 1954, § 170.

²⁰ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 564.

голообразующих аффиксов в разряд аффиксов, образующих форму глагола.

IX. Аффикс *-ca-/-cä-* единственный в «Диване», свободно сочетаящийся как с именными, так и с глагольными основами. Получаемые при этом образования имеют desiderативное значение. Махмуд Кашгари пишет о неограниченной производительности как глаголообразования, так и формообразования с помощью аффикса *-ca-/-cä-* (I, 58, 276—278): *ашса-* 'хотеть есть' (I, 261), *ачйгса-* 'хотеть кислого' (I, 295), *инсә-* 'хотеть спускаться' (I, 276), *эвсә-* 'хотеть торопиться' (I, 274).

Если основа глагола заканчивается на звуки *p, l*, то перед аффиксом *-ca-/-cä-* может появляться *-(o) g/f-* (аффикс, образующий отглагольные имена): *көрүгсә-* 'хотеть видеть' (I, 278), *барйгса-* 'хотеть идти' (I, 278). Этот факт свидетельствует о возникновении тенденции к специализации аффикса *-ca-/-cä-* в области либо отыменного глаголообразования, либо глагольного формообразования. Однако в XI веке этот процесс не был еще завершен²¹, поэтому Махмуд Кашгари пишет: «...вместо *барйгсадй, көрүгсәдй* можно употреблять *барсадй, көрсәдй...*, но обычно предпочитают первый вариант (то есть *барйгсадй, көрүгсәдй*. — X. Н.)» (I, 278).

Грамматический синкретизм глаголообразующих аффиксов, то есть их сочетаемость как с именными, так и с глагольными основами, — явление, довольно распространенное в тюркских языках, и представляет собой, по мнению ряда лингвистов, древнейшую особенность тюркских словообразующих аффиксов²². В языке рассматриваемой эпохи грамматический синкретизм аффиксов наиболее отчетливо выступает в употреблении аффикса *-ca-/-cä-*. Такое же явление наблюдается в порядке убывания у аффиксов *-(o)к-*, *-a-/-ä-*, *-сй-/-сй-*, *-ла-/-лә-*. Поскольку данный вопрос подробно рассматривается в упоминавшейся работе Э. В. Севортяна, мы не будем на нем останавливаться и ограничимся констатацией факта, что в глаголообразующих аффиксах проявляется тенденция к устранению грамматического синкретизма. Этим объясняется образование в XI веке аффикса *-(o)мсйн-* и появление аффикса *-(o)гса-*, благодаря которым аффиксы *-сй-* и *-ca-* перешли из разряда словообразующих в разряд формообразующих.

Если одной из тенденций развития отыменного основообразования глагола было стремление к устранению грамматического синкретизма, то другим направлением в развитии этой системы было отграничение друг от друга переходных и непереходных производных основ посредством специализации аффиксов глаголообразования и дифференциации глаголообразовательных моделей переходных и непереходных основ. Этим объясняются:

а) возникновение аффиксов *-лан-*, *-лаш-*, призванных устранить противоречия между переходными и непереходными типами значений в модели ИМЯ+*-ла-*;

б) утрата продуктивности моделью ИМЯ+*-ла-* для непереходных, а моделью ИМЯ+*-лан-* — для переходных значений;

в) полная утрата продуктивности аффиксом *-a-/-ä-*. В производных основах, образованных в XI веке с его помощью, не обнаруживается ни

²¹ Ср.: аффикс *-(o)кса-/-(o)ксе-*, образующий желательную форму глаголов в тувинском, тофаларском языках. (См.: Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык. М.—Л., 1957, стр. 48—49; Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 16).

²² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 34 и далее.

тенденции к уточнению значений переходности/непереходности, ни стремления к устранению грамматического синкретизма.

Как известно, в современных тюркских языках основа глагола является нейтральной по отношению к виду-модальным значениям²³. Обзор системы отыменного глаголообразования в XI веке рисует несколько иную картину: нередко глаголообразующий аффикс наряду с образованием глагольных основ от именных привносит в производную основу оттенки модальных и видовых значений. К таким аффиксам в языке XI века относятся прежде всего аффиксы *-ca-*, *-cī-* и некоторые типы значений основ на *-ла-* и *-лан-* («считать...»). Поскольку все аффиксы, одновременно образывавшие от имен глаголы и придававшие им модально-видовые оттенки, утратили свою продуктивность, можно говорить о третьем факторе, обусловившем развитие тюркского отыменного глаголообразования, — о тенденции к нейтрализации основы глагола по отношению к виду-модальным значениям. Этой тенденцией объясняются:

а) утрата продуктивности аффиксами *-ca-/cā-*, *-cī-/ci-*;

б) утрата способности сочетания с глагольными корнями в аффиксах *-ла-/lā-*, *-а-/ā-* и других, которые, по всеобщему признанию тюркологов, сочетаясь с глагольными основами (корнями), придавали их значениям оттенки учащения действия, его многократности, возникновения и проч.

Таким образом, обзор системы отыменного основообразования глагола в XI в. в сопоставлении с историей глаголообразующих аффиксов обнаруживает, что изменения в значениях глаголообразовательных моделей, появление или отмирание глаголообразующих аффиксов не носят характера беспорядочных, хаотических явлений, а являются отражением тенденций развития глаголообразования в целом, и что те или иные изменения в каждой глаголообразовательной модели внутренне мотивированы ходом развития всей системы. На основании приведенного здесь материала можно отметить следующие основные линии в развитии системы отыменного основообразования тюркского глагола:

а) дифференциация глаголообразовательных моделей переходных и непереходных основ;

б) устранение грамматического синкретизма в глаголообразующих аффиксах;

в) нейтрализация основы глагола по отношению к виду-модальным значениям.

Можно полагать, что этими тенденциями объясняются изменения в системе отыменного глаголообразования и в значениях глаголообразующих аффиксов. Аффиксы, возникшие в результате этих тенденций или подстроившиеся к последним, были жизнеспособны и получили развитие в языке. Аффиксы, функции и значения которых вступали в противоречие с этими тенденциями, теряли свою продуктивность и вытеснялись с арены активного глаголообразования. К первым относятся аффиксы *-ла-*, *-лан-*, *-лаш-*, а ко вторым — громадное количество древних глаголообразующих аффиксов, сохранившихся в составе слов современных тюркских языков в слившихся с корнем виде.

²³ В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 194.

Г. А. ГАЙДАРЖИ

СПОСОБЫ ПОДЧИНЕНИЯ И ТИПЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложноподчиненное предложение представляет собой многоступенчатую, иерархическую структуру, которую образует сочетание его составляющих — главного и придаточного предложений. Однако компоненты сложноподчиненного предложения не являются мельчайшими значащими единицами: главное и придаточное предложения сами представляют форму, сконструированную сочетанием конкретных элементов — синтаксических средств. Роль их в организации частей сложноподчиненного предложения различна, но они существенно влияют на создание сложной структуры в целом.

Синтаксические средства являются наиболее яркими показателями подчинения компонентов сложного предложения. На основе их учета в современном гагаузском языке можно выделить три структурных типа сложноподчиненных предложений: сложноподчиненное предложение с придаточными *союзного, относительного* (релятивного) и *бессоюзного* подчинения.

На первом месте стоит союзное подчинение придаточных предложений, потому что в гагаузском языке в отличие от других тюркских языков оно является господствующим. Кроме того, союзное подчинение в сложных предложениях представляется нам более содержательнее других типов сложных предложений, так как охватывает наибольшее количество возможных логико-синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения. Это многообразие логических оттенков отвечает единому грамматическому отношению — иерархическому неравноправию составляющих, что сказывается на грамматической несамостоятельности одного из предикативных центров — придаточного предложения.

Подчинительные союзы в гагаузском языке многочисленны и весьма разнообразны по своим значениям¹.

Изъяснительный союз *ани*² 'что', 'чтобы' вводит придаточные предложения — дополнительные, определительные, сказуемые, образа действия, меры и степени, цели, сравнительные, причины:

Бана хеп гөрүнер, ани та о шинди гирежек ичери да олажэк, кимй бан севинийм (Д. Карачобан) 'Мне все кажется, что вот она сейчас

¹ Семантическая классификация союзов дана в книге: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 280—282.

² Союз *ани* свойствен только гагаузскому языку.

войдет в комнату и снова мне будет на кого радоваться' (прид. дополнит.). Истедим, ани *калмасын йаарына бу иш* (разг., Ал.) 'Я хотел, чтобы эта работа на завтра не оставалась' (прид. дополнит.); ...*күүжүләр да бир есапа гелерләр, ани Пидошлан билә калажэklar* (С. Куруоглу) '...и селяне пришли к одному (единому) мнению, что останутся вместе с Пидошем' (прид. опред.); *Катынты өл айди, ани ики чобан гүжүлә запедәрдиләр ону* (уст. расск., Ч-Л) 'Стадо было таково, что два чабана еле управлялись с ним' (прид. сказуем.); *Илери доору өл айди ишләр, ани кәр бурада отур да ньшанна бир ени аннатмак* (Д. Карачобан) 'Далее дела сложились так, что хоть здесь же садись и набросай новый рассказ' (прид. образа действия); *Каранныкты ока дарадан, ани, узадын елини, онуну сора гөрмеерсин* (С. Куруоглу) 'Было так темно, что, протянув руку, не видишь ее перед собой' (прид. меры и степени); *Курут тук бираз мейва, ани олсун недан кышын ошаф кайнатмаа* (уст. расск., Конг.) 'Мы насушили немного фруктов, чтобы зимой было из чего компот варить' (прид. цели); *Ани беклейжән бошуна, та а ий гит та айыр о киятлары* (ГД, С, 57) 'Чем будешь ждать без дела (букв.: 'попусту'), лучше сходи и перебери те книги' (прид. сравнит.); *Не кусур гелер бана, ани аачым!* (Д. Карачобан) 'Как-то мне не по себе, [оттого] что я голоден!' (прид. причины).

Изъяснительный союз *ки* 'что', 'чтобы', распространенный в большинстве тюркских языков, также многозначен³:

— *Жаным ажээр, ки етмиш йыл йашадым да кият үүренәмедим* (С. Куруоглу) — 'Жаль (букв.: 'душа моя болит'), что семьдесят лет прожил и грамоте не научился' (прид. дополнит.); *Гечмәзди гун, ки Сурваки анмасын о үч лейи* (Д. Карачобан) 'Не проходило дня, чтобы Сурваки не вспомнил об этих трех леях' (прид. опред.); *Саде онун ичин да индим күүйә, ки үледеим нажаамы* (разг., Черв.) 'Лишь для того я и спустился в село, чтобы наточить свой топор' (прид. цели); *Онушта н сусыйсын, ки кабаатлыйсын* (разг., Вулк.) 'Потому ты молчишь, что виноват' (прид. причины).

Целевой союз *аники* (<ани+ки) 'чтобы', свойственный лишь гагаузскому языку, оформляет придаточные предложения цели, дополнительные, сказуемостные, определительные, образа действия, меры и степени, причины, следствия:

— *Бән зетленерим гөжә-гүндүз, аники прост едәсин беним гүнәхларымы* (Д. Карачобан) 'Я извожу себя день и ночь, чтобы ты простил мои грехи' (прид. цели); *О (Санди) йалварарды, аники ондан качсын хербир севинмак* (Д. Карачобан) 'Он (Санди) молил [о том], чтобы его покинули все радости [жизни]' (прид. дополнит.); *Күүмүздә йок өл ай инсан, аники билмесин хич русча* (уст. расск., Дезг.) 'В нашем селе нет таких людей, которые совершенно не знали бы русского языка' (прид. опред.); *Гит-гидә каар оларды таа бийәз, гүн да таа йалабык, аники йокту нижә бакмаа узаклаа: гөзлерин камашарды* (С. Куру-

³ За недостатком места приводятся лишь наиболее характерные типы придаточных предложений с рассматриваемым подчинительным союзом.

оглу) 'Постепенно снег становился все белее, [а] солнце все ярче, так что невозможно было смотреть вдаль: резало глаза' (прид. следствия).

Сравнительный союз *сансын(-л)* 'как будто', 'словно', свойственный также лишь гагаузскому языку, вводит придаточные предложения сравнительные, определительные, сказуемые, дополнительные, цели, причины:

Бу адам, сеси ишиттийнән, даптуру гелди, сансын уйкудан калкты (Н. Туфар) 'Этот человек, услышав голос, вострепнулся, как будто очнулся от сна' (прид. сравнит.); *Верайа гөрүндү, сансыл кучук Наташкасы чаарды* (С. Куруоглу) 'Вере показалось, будто (что) [ее] окликнула (ее) маленькая Наташка' (прид. дополнит.).

Сравнительные союзы *нижә* || *насыл* 'как', абсолютно синонимичные по значению, формируют придаточные предложения образа действия, сравнительные, времени:

О лә сусту о гүнү, нижә сус олэр даада кышын бир лүзгерсиз заманда (Н. Туфар) 'В тот день было так тихо, как зимой бывает тихо в лесу в безветрие' (прид. сравнит.); *Йап о түрлү, ниже (насыл) бежерерсин* (Буквалык) 'Делай так (таким образом), как ты умеешь'

(прид. образа действия); *Үч гүн гечти, нижә (насыл) Вера чыкмыш евдән* (С. Куруоглу) 'Три дня прошло [с тех пор], как Вера вышла из дому' (прид. времени).

Временный союз *ачан* 'когда', имеющийся почти во всех тюркских языках⁴, вводит придаточные предложения времени, условия, определительные, места, уступительные, дополнительные:

Ачан бән кучужуктум, бени даада мантар топламаа йолладыйдылар (АД, I) 'Когда я был маленьким, меня послали в лес за грибами' (прид. времени); *Ачан бирлик йок достларда, ишләр гитмәз хич орада* (И. Крылов, перев. К. Крецу) 'Когда (если) в товарищах согласишься нет, на лад их дело не пойдет' (прид. условия); *Вар мы нижә унутсун о булутлу гүнү, ачан фашистләр куйун хепси адамларыны диздиләр өлдүрмәй дейни* (С. Куруоглу) 'Можно ли забыть тот пасмурный день, когда фашисты выстроили всех жителей села для расстрела...' (прид. определит.).

Причинный союз *зерә* (<перс. *zira*) 'потому что', 'так как' — специализированное средство для оформления придаточных предложений причины: *Буунку Ташлаа дейрдиләр «Урум маалеси», зерә евелләр орада урумнар йашармышлар* (Н. Бабоглу) 'Сегодняшний Ташлык [назв. части села] называли «Греческим кварталом», так как в старину там жили греки' (прид. причины).

Причинный союз *нечинки* (<*нечин* 'почему' + *ки*) 'так как', 'потому что', отсутствующий в других тюркских языках, вводит придаточные предложения причины и присоединительные: *Калажэз гежелемәй, нечинки илердә йоллар пек фена* (ГД, С, 59) 'Останемся ночевать, потому что впереди дорога очень трудная' (букв.: 'плохая').

⁴ См.: Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 293, 408, 747, 856; Ф. Г. Исхаков. Местоимения. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 2. Морфология. М., 1956, стр. 243; Г. И. Донидзе. О составе и функциях слова *хачан* в хакасском языке. — «Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории», вып. 5. Абакан, 1957, стр. 139.

Причинный союз **чунку** (<перс. *чун+ки*) 'так как', 'потому что' известен многим тюркским языкам. В гагаузском языке он вводит не только причинные придаточные предложения, но и условные и дополнительные:

Алатлээр адамнар, чунку даа ичиндä башлээр каранник чокмай (С. Куруоглу) 'Спешат люди, потому что в лесу уже начинает темнеть' (прид. причины); *Чунку гагаузча билерсин, йок не утанасын лафетмай* (ГД, С, 67) 'Раз (если) знаешь по-гагаузски, [то] нечего тебе стесняться разговаривать [на нем]' (прид. условия); *Вани аннадырды, чунку артистлар гелмиш* (Буквалык) 'Ваня рассказывал, будто (что) артисты приехали' (прид. дополнит.).

Условный союз **еер** (<перс. *еер*) 'если' оформляет условные предложения, как и в других тюркских языках, и придаточные с обобщенно-уступительным значением: *Еер сән ууренмәрсән урокларыны, бән сени хер гүн төлә тутажам* (Д. Карачобан) 'Если ты не будешь учить уроки, [то] я каждый день вот так тебя буду оставлять [после уроков]' (прид. условия); *Еер истемәсән да имәй, ләазым аласын уулен екмееи* (разг., Конг.) 'Даже если (хоть и) тебе не хочется есть (букв.: 'даже если ты не хочешь есть'), ты должен обедать' (прид. с обобщенно-уступительным значением).

Целевой союз **дейни** 'чтобы' вводит целевые и причинные предложения: *Йысланмасын дейни, Пирку гирер бир лаана йапраан алтына* (масал, БС, 114) 'Чтобы не промокнуть, Пирку залезает под капустный лист' (прид. цели); *Хем маллар йоргунмушлар дейни, [качаклар] карарламышлар гежелесиннар адсыз дережиин бойунда...* (масал, ГФ, 168) 'Так как (ввиду того что) и животные были уставшими, [беженцы] решили переночевать у берега безымянной речки...' (прид. причины).

Уступительный союз **макар** (<болг. *макар* <перс. *мегер?*) 'хоть' вводит уступительные придаточные с обобщенно-уступительным значением: *Күү макар бутун йансын, онун асыры да тутушмээр (сөлеши)* 'Гори хоть все село, [а] у него и рогожка не загорится'; *Макар гежа-гүндүз да ишлә, чорбажыйа ааз гөрүнер* (С. Куруоглу) 'Хоть день и ночь работай, хозяину [все равно] кажется мало'.

Уступительный союз **макарки** || **макар ани** 'хотя', 'несмотря на то что' оформляет только придаточные с уступительным значением: *Сенсиз бана йашамак йок, || макарки дуннедä кыз чок* (А. Тукан) 'Без тебя мне жизни нет, хотя на свете девушек и много'; *Макар ани йоргундум, ишими брамадым*⁵ 'Несмотря на то что я был усталым, [я] не бросил свою работу'.

Временной союз **бирии**⁶ 'пока (не)', 'до тех пор пока' вводит придаточные предложения времени: *Кайнадэрым салкымы [дишрен диши ичин], биири чекединжә(на) кывранмаа* (С. Куруоглу) 'Я кипячу акацию [для зубьев деревянных вил] до тех пор, пока не начнет скручиваться'; *Биири башармайынжа школайы, йок не дүшүнмай ишä*

⁵ Пример взят из «Грамматики гагаузского языка» Л. А. Покровской, стр. 282.

⁶ В специальной литературе отмечен был впервые нами. См.: Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в гагаузском языке. — «Ученые записки [Бельцкого гос. пед. ин-та]», вып. 7, филолог. Кишинев, 1965. Этимология союза не ясна; очевидно лишь то, что это не послелог *бери*||*беери*.

гирмӑк ичин (разг., Конг.) 'Пока не окончу [я] школу, нечего и думать о поступлении на работу'.

Условный союз *раз*⁷ (<русск. разг. *раз*) 'если', 'раз' вводит придаточные предложения условия и причины (со значением логического обоснования): *Раз екмек сенин, исене, бе ахмак* (масал, Ал.) 'Если

(раз) хлеб твой, ешь же, глупец' (прид. условия); *Йаамур йаажэк, раз (чункӑ) кырлангачлар ашаада учушэрлар* (разг., Конг.) 'Будет дождь, так как ласточки летают низко (-близко к земле)' (прид. прич.).

Изъяснительный союз *уж* (<болг. *уж* 'якобы', 'чтобы'⁸) 'будто', 'как будто', 'якобы', отмечаемый впервые, вводит придаточные предложения дополнительные: *Аннашты йдык, уж гележӑн йардыма е* (разг., Карб.) 'Мы с тобой договаривались, что ты [вроде] придешь по-

могать' (букв.: 'на помощь'); *Дӑӑрдин, уж нажааныз йокмуш сансын* (разг., Карб.) 'Ты же говорил, что вроде (будто, якобы) нет у вас топора'.

Изъяснительный союз *кӑны* || *кӑнды* || *кӑна*⁹, также отмечаемый впервые, синонимичен союзу *уж*: *Вар ишиттим, кӑны Валканеш клисеси йылдырымдан тутушмуш* (уст. расск., Чешм.) 'Я слыхивал, (как) будто (вроде, якобы, что) валканештская церковь загорелась от [удара] молнии'; *Билӑрдим, кӑнды сӑн гизетада ишлеерсин* (разг., Дим.) 'Я знал, что ты в газете работаешь'.

Подчинительный союз *ӧлӑ ки* 'так что' вводит придаточные предложения следствия: *Пек каранникты, ӧлӑ ки йолжаазы гӑжӑлӑ йоклайабилӑрдик* (С. Куруоглу) 'Было очень темно, так что тропинку мы нашупывали с трудом'.

Подчинительные союзы объединяются в определенные семантические группы в соответствии с их основными синтаксическими значениями. Однако роль самого союза в структуре сложноподчиненного предложения не всегда одинакова. В одних случаях отношения между частями сложноподчиненного предложения выражаются почти исключительно союзом, и это характеризует союзы как явление лексико-синтаксическое, в других — присутствие союза факультативно, так как функция выражения подчинительной связи выполняет форма сказуемого; в третьих — большую роль в определении семантико-синтаксической функции придаточного играют порождающие структуры или индуцирующие слова в составе главного и даже самого придаточного предложения. Поэтому при внутренней классификации придаточных предложений (например, соединенных одним союзом или рядом синонимичных союзов) возникают известные трудности, обусловленные необходимостью выбора между грамматическим и семантическим критериями. Необходимо сочетать оба критерия, не отрывая содержания от формы и наоборот.

Следовательно, функциональный тип придаточного союзного подчинения обуславливается не только смысловыми отношениями, но и структурными особенностями господствующего (а часто и зависимого) пред-

⁷ Употребляется и в болгарском языке (разговорном): *Раз не щеш, няма да дойда* 'Раз (если) не хочешь, я не приду' (в лит. болг. яз.: *Щом не искаш, няма да дойда*. — Словарь Чукалова, стр. 856).

⁸ М. И. Йотов и Н. Н. Пономарева. Болгарско-русский словарь. М., 1959.

⁹ Хотя весьма трудно объяснить фонетически этимологию данного союза, все же его появление нам представляется возможным в результате слияния и последующего стяжения двух подчинительных союзов — *ки+ани* (>*ки+ани*>*киани*>*кӑни*), стечение которых (*ки ани*) в том же значении «якобы», «будто», «как будто» было зафиксировано Л. А. Покровской в 1961 году, а позднее и нами в селе Конгаз Молдавской ССР.

кативного центра. Возможность появления при главной части придаточного предложения определенного типа мотивируется лексико-грамматической природой индуцирующих слов¹⁰, их семантикой и формой; следует иметь в виду: к чему относится придаточное предложение — к глаголу-сказуемому или имени, к корреляту, выраженному основным или косвенным падежом, каково лексическое наполнение придаточного (например, наличие энклитики *да* и т. п.), какова грамматическая форма его сказуемого. Это явление, не столь существенное для предложений с семантическими союзами (например, причины, условия, уступки), приобретает исключительно важное значение при определении синтаксической роли придаточных, вводимых многозначными, так называемыми синтаксическими, союзами. Так, например, лексическое наполнение подчиняющей конструкции влияет на синтаксическую роль зависимого предложения:

Бән бил медим, ки о гелди 'Я не знал, что он приехал';

Бән өл ä йалвардым она, ки о гелди 'Я так просил его, что он приехал'.

В первом случае выражаются объектные отношения, так как придаточное дополняет глагол-сказуемое; во втором случае выражены отношения степени действия путем указания на следствие. В предложениях *Гелдим диил онун ичин, ки...* 'Я пришел не для того, чтобы...' и *Гелдим диил онуштан, ки...* 'Я пришел не потому, что...' природа коррелята порождает (обуславливает) придаточные разной синтаксической функции: в первом случае порождается придаточное цели (отстраняемая цель), во втором — придаточное причины (отстраняемая причина).

Из приведенных примеров ясно видно, что в тех случаях, когда союз многозначен и сам по себе не выражает отношений между частями сложноподчиненного предложения, исключительную роль играют порождающие структуры, особенно элементы структуры главного предложения (слово, которое вводит придаточное предложение, соотносительные слова-корреляты и т. п.).

Широко используются в современном гагаузском языке и сложноподчиненные предложения с придаточными относительного (релятивного) подчинения. В их образовании участвует множество относительных местоимений и наречий, служащих не только средством связи придаточного предложения с главным, но и одновременно выполняющих синтаксическую функцию одного из членов придаточного предложения.

Местоимение *ким* 'кто' вводит придаточные предложения подлежащные, сказуемые, дополнительные, обобщенно-уступительные:

Ким инанмээр, сеслэмесин, масалжыйы гөзлэмесин (зачин сказки, ГФ, 185) 'Кто не верит, пусть не слушает, за сказочником пусть не следит' (прид. подлежащ.); *Сән ой сун, ким бизä лйазым* (Д. Танасоглу) 'Ты тот, кто нам нужен' (прид. сказуем.); *Ким ä вердин, ондан да гит истä* (масал, ГФ, 196) 'Кому отдал, у того и иди проси' (прид. дополнит.); *Ким иннен да кавадарлык етмейäсин, лйазым арка тутасын она* (разг., Карб.) 'С кем бы [ты] ни дружил, ты должен поддерживать (защищать) его' (обобщенно-уступит. придаточное).

Местоимение *не* 'что' вводит придаточные подлежащные, дополнительные, определительные, обобщенно-уступительные, присоединительные предложения: *Пишман олэрым, ама, не олмуш, геери гелмйз*

¹⁰ В приводимых иллюстрациях индуцирующие слова выделяются.

(С. Куруоглу) 'Я сожалею [об этом], но что случилось, назад не вернется' (прид. подлежа.); *Сиз дүшүнүн, не йапажэныз* (С. Куруоглу) 'Вы подумайте, что будете делать' (прид. дополнит.); *Бән деерим, ани хербирини йок закон, не йапсын* (Д. Карачобан) 'Я говорю, что для каждого не существует (нет) закона, что ему делать' (прид. опред.); *Докторлар каблеттилёр оннары йалмак, не дән Шулайа гелёрди йақышыксыз, карысы са хич солумазды сакынмактан* (Д. Карачобан) 'Врачи (семья врачей) приняли их ласково, отчего Шулаю стало неловко, а жена его даже не дышала от стеснения' (прид. присоединительное).

Местоимение *нашей*¹¹ 'что' оформляет дополнительные, определительные, обобщенно-уступительные предложения: *Онун [солдадын]... синирли коллары сансыл билмәзди, нашей о динмак* (С. Куруоглу) 'Его [солдата] жилистые руки будто не знали, что такое усталость' (прид. дополнит.); *Бу минут Ванинин аклына гелди хер бир лаф, нашей о ишитти онбеш йылын ичиндә* [директордан] (Ф. Ангели) 'В эту минуту Ваня вспомнил каждое слово, что он слышал в течение пятнадцати лет [от директора]' (прид. опред.); *Кими керә, нашей да гөрме-сам генчлерин арасында, савашэрым карышмамаа — кендилери аннаша-жыклар* (разг., Дим.) 'Иногда (порой), что бы ни замечал я [в отношениях] между молодыми, стараюсь не вмешиваться — сами разберутся' (обобщенно-уступ. прид.).

Местоимение *несой*¹² 'какой', 'что за' вводит придаточные предложения определительные, дополнительные, сказуемостные, образа действия, временные, обобщенно-уступительные: *О тертиплердән, несой бизә ләазымды, аз буддук* (С. Куруоглу) 'Из тех принадлежностей, какие (которые) нам нужны были, мы достали мало' (прид. опред.); *Несой ишин, бтүрлү да кәарын (сөлеши)* 'Каков товар (букв.: 'дело'), таков и доход' (прид. сказуем.); *Несой дөшейжән, ол ә да уйуйжан (сөлеши)* 'Как постелешь, так и поспишь' (прид. образа действия); *Несой оолум гитти службайа, гелиним таа чок бендә йашыйер* (разг., Дерм.) '[С тех пор] как мой сын ушел служить [в армию], невестка моя большей частью у меня живет' (прид. времени).

Местоимение *ангы*¹³ 'который' соединяет с главным придаточные предложения определительные, дополнительные, подлежащные, обобщенно-уступительные и придаточные места: *О кула чожук — рус солда-дыйды, ангысы, безбелли, кендикилериндән гери калды...* (С. Куруоглу) 'Тот блондин был русским солдатом, который, видимо, отстал от своих...' (прид. опред.); *Ангыныс, демши, бени илери гүлдүрүсайды, о куртулажек* (Мошков, 161) 'Кто из вас, говорит, первым меня рассмешит, тот будет освобожден' (прид. подлежа.); *Ангы еве гирежек [көпк*

¹¹ Отмечено впервые Л. А. Покровской в «Грамматике гагаузского языка», стр. 141—142; как средство связи частей сложного предложения не названо ни Н. К. Дмитриевым (см. его Гагаузские этюды. — В кн.: «Строй тюркских языков». М., 1962), ни Д. Н. Танасоглу (см. его автореф. канд. дисс. «Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке». Баку, 1965).

¹² *Несой* <местоим. не+сущ. *сой* ('вид', 'род', 'сорт') *букв.*: «что за вид, род, сорт?» (Л. А. Покровская. Грамматика..., стр. 139—141).

¹³ Местоимение *ангы* (<*ханги*) употребляется с аффиксами принадлежности, в падежных формах, а также с послелогом *-лан*, *-нан* и аффиксом *-жә*.

Петрушка], сен да орайы (Аманжолов, КД, 239) 'В какой дом войдет [собака Петрушка], туда и ты' (прид. места).

Местоимение *кач*¹⁴ 'сколько' вводит придаточные предложения сравнительные, дополнительные, обобщенно-уступительные: — *Настрада-дин!* Кач алтын вережам сана, окадар йалан сүлейясин (масал, Дерм.) 'Насреддин! Сколько алтынов я тебе дам, столько небылиц чтоб ты рассказал' (прид. сравнит.); ...еса плээр ыз, качар лей геләжек бир жана (С. Куруоглу) '...мы считаем, по сколько лей приходится (букв.: 'придет') на человека (букв.: 'на душу')' (прид. дополнит.).

Наречия *нижә* || *насыл* 'как' формируют придаточные дополнительные, сказуемые, обобщенно-уступительные: *Хенси билер, насыл колай йашамаа, ачан еллерин ишини механизмалар йапэр...* (газ.) 'Все знают, как легко живется, когда ручной труд выполняют механизмы...' (прид. дополнит.); *Гетир шуну, нижә олурса* (разг., Дезг.) 'Принеси его, какой бы (в каком бы состоянии) ни был' (обобщенно-уступит. значение).

Наречия *нааны* || *нерейи* 'куда' вводят придаточные предложения места, дополнительные, определительные, обобщенно-уступительные: *Бән гидерим, нааны гөзүм гөрүсайды* (масал, ГФ, 125) 'Я иду, куда глаза мои глядят' (прид. места); *Хер каса ба, нааны гитмишин сефтә, гөрүнер интересли* (разг., Ч-Л) 'Каждый город, куда попадаешь впервые, кажется интересным' (прид. опред.); *Пытырашы бирери йолла-мамышлар, билirmiшләр, ани о, нерайы да гитсә, иш башармазмыш* (масал, ГФ, 133) 'Пытыраша никуда не послали, знали, что он, куда бы ни пошел, не доводит дело до конца' (обобщенно-уступит. прид.).

Наречия *наанда* || *нер(е)дә* 'где', *наандан* || *нер(е)дән* 'откуда' вводят те же типы придаточных, что и *нааны* || *нерейи*: *Йазэрым херердә, наанда тутэр бени майыллык йазмаа* (разг., Б-а) 'Пишу всюду, где застаёт меня страсть писать' (прид. места); *Нердә о [Олег] йашарды, орада йокту бөлә гөзәл кушлар* (С. Куруоглу) 'Где он [Олег] жил, там не было таких красивых птиц' (прид. места); *Ләазымды аннайасын, наанда аарамаа масалжыйкайы* (разг., Т-К) 'Нужно было узнать тебе, где искать сказительницу' (прид. дополнит.); *Буджаан гезәр йолу да вар, || Нердән гечәр безиргәннәр* (Н. Танасоглу) 'У Буджака есть и торная дорога, по которой (где) проезжают купцы' (прид. опред.); *Нередә олса доорулук, бана калса, хеп ләазым ону аарамаа* (С. Куруоглу) 'Где бы ни была правда, по мне, все равно искать ее надо'.

Слово *нере* в формах принадлежности¹⁵ вводит придаточные предложения места и дополнительные: *Нереси инжә, орадан ко-*

¹⁴ Местоимение *кач* употребляется и с аффиксами принадлежности и падежей — *качы, кача*, а также имеет производные — *качар* ('по сколько') и *качинжы* 'который (по счету)'.
¹⁵ Самостоятельно слово *нере* в современном гагаузском языке не употребляется. Оно служит основой для образования наречий места при помощи падежных аффиксов (*нерейи, нер(е)дә, нер(е)дән*) и аффиксов принадлежности: *нерем, нерен, нереси* ('какое место у меня?, у тебя?, у него?'). Из форм принадлежности наиболее употребительной является *нереси* 'где' (<'какое место', 'какой промежуток').

пэр (сөлеиш) 'Где тонко, там [и] рвется' (прид. места); *Гитти гезмйй, нересини гезмемииш таа* (разг., Карб.) 'Пошел [туда], где еще не ходил' (прид. места); *Бил ай дим, нереме уражам, корунажейдым* (Г. Гайдаржи) 'Знал бы я, где (букв.: 'какое место у меня') ударюсь, уберегся бы' (прид. дополнит.).

Наречие *некадар* 'сколько' оформляет придаточные предложения сравнительные, временные, дополнительные, меры и степени, обобщенно-уступительные: *Некадар ев, окадар адеет* (сөлеиш, ГФ, 10) 'Сколько домов, столько и обычаев' (прид. сравнит. со значением количественного тождества); [*Айы*]: ...*бйн некадар йашээрим бурада, таа гөрмедим ону [Котобаны]...* (масал, ГФ, 182) '[Медведь]: «Я сколько (времени) живу здесь [в лесу], еще не видел его [Кота]...»' (прид. времени); *И чер Петика, некадар верерляр, ийер, некадар койэрлар, чалэр Петика, дуйн даалынжа* (С. Куруоглу) 'Пьет Петика, сколько дают, ест, сколько насыпают, играет Петика, пока свадьба (т. е. люди со свадьбы) не разойдётся' (прид. меры и степени).

Наречия *незаман* || *невакыт* 'когда' соединяют с главным придаточные предложения времени, дополнительные, обобщенно-уступительные: *Незаман булунурса анахтарлар, озаман ачарыз капуйу...* (Мошков, 98) 'Когда найдутся ключи, тогда и откроем двери...' (прид. времени); *Попаз сорэжэк, невакыт гелсин* (масал, Карб.) 'Поп спросит, когда ему прийти' (прид. дополнит.); *Незаман да каршы гелирсам ону, таныйарым* (С. Куруоглу) 'Когда бы ни встретил его, узнаю' (прид. обобщенно-уступительное).

Наречие *нечин* (<не+ичин) 'почему', 'зачем' вводит дополнительные придаточные в составе косвенно-вопросительных конструкций и придаточные присоединительные: *Уч йыл гечти, сорам аннады Вера, нечин Коли йазмамыш озаман* (С. Куруоглу) 'Прошло три года, потом поняла Вера, почему Коля не написал тогда [письма]' (прид. дополнит.); *Саньерым, ки Митинин кырылды бишейи трактурунда; нечин озаман жележейди кузнейй уулен вакиды* (разг., Карб.) 'Думаю, что у Мити что-то сломалось в тракторе; (иначе) зачем бы он тогда приходил в кузницу в рабочее время' (прид. присоединительное).

Наречие *онуштан* 'потому', 'поэтому' присоединяет придаточные предложения следствия¹⁶: *Куртарды руслар бизи басыжылардан, ий йашамак гетирдилэр бизим тарафа, онуштан (онун ичин) сөрпешмеер чичек мезарларында* (С. Куруоглу) 'Нас русские освободили от угнетателей, хорошую жизнь принесли в наш край, потому (поэтому) не вянут цветы на могилах их [погибших]'.

Относительное, или релятное, подчинение в гагаузском языке, равно как и в других тюркских языках, имеет свою специфику. Эта особенность состоит в том, что союзные слова (реляты), в отличие от подчинительных союзов (и даже тех, которые в главном предложении имеют соотносительную часть — коррелят) сохраняют связь с относительными местоимениями и наречиями, используемыми в простом предложении, сохраняют свое лексическое значение, что и способствует их замедлен-

¹⁶ Такую же функцию выполняет придаточное предложение, вводимое лексикализированным сочетанием местоимения о 'он', 'тот' в притяжательном падеже (*онун*) с послелогом — *ичин* (>*онун ичин*).

ной грамматизации, переосмыслению в формальный синтаксический показатель. Связь относительных слов с местоимениями и наречиями проявляется и в том, что придаточное (особенно в живой речи) может редуцироваться до релята, то есть релят может стать единственным элементом структуры придаточного, остальная часть которого эллиптируется;

например: *Билерим, ки гидилежек йаарын касабайа. Ама билмеерим, нейлен хем незаман* (разг., Конг.) 'Я знаю, что завтра поедут (букв.: 'будет ехать') в город. Но не знаю, на чем и когда'.

Такое явление невозможно при союзном подчинении придаточных предложений. Редукция придаточного — особенность релятного подчинения. Результатом такой редукции являются, на наш взгляд, и некоторые несвободные, фразеологизированные, конструкции, в которых и главное, и придаточное предложения уже утратили свою синтаксическую самостоятельность, например: *билмäm не (ким, нāаны, нāанда, нижä, незаман)* 'не знаю что (кто, куда, где, как, когда)'; *аллаа билер не (ким, нāаны, нāанда, нижä, незаман)* 'бог знает что (кто, куда, где, как, когда)'; *не истāрсан (не лāазымса, не олурса)* 'что хочешь (что угодно, надо, попало)' и т. п.

Относительные слова обычно соотносятся с каким-то знаменательным словом — членом главного предложения, поэтому сложноподчиненное предложение с релятным подчинением чаще всего выступает как релятно-коррелятная структура: *ким — о* 'кто — тот'; *не — о* (ону) 'что — то'; *нижä — ölä (отурлү)* 'как — так'; 'какой — такой'; *нерейи — орайы* 'куда — туда'; *нер(е)дāн — орадан* 'откуда — оттуда'; *кач — окадар* 'сколько — столько'; *некадар — окадар* 'сколько — столько'; *незаман — озаман* 'когда — тогда' и т. п. Причем реляты соотносятся с коррелятом, в то время как при союзном подчинении употребление коррелятов мотивируется синтаксическими отношениями между частями сложноподчиненного предложения, и коррелят соотносится со всем придаточным предложением. Ср.: *Гелдим онуштаан, ки истедим гөрмāд сени* 'Я пришел потому, что хотел видеть тебя' (союзное подчинение); *Шофер машинаы хайдаарды орадан, нередā таа аз чамур варды* (ГД, С, 59) 'Шофер вел машину там (по тому месту), где было меньше грязи' (относительное подчинение).

Кроме того, союзные слова, выступая в качестве члена предложения, особенно в изъяснительных конструкциях, перетягивают на себя логическое ударение, поэтому они не могут быть опущены, как некоторые изъяснительные союзы. Ср., например: *Гөрерим, ни ж ä ишлеерсин* (Н. Танасоглу) 'Я вижу, как ты работаешь' (относит. подчинение); *Гөрерим, ки ишлеерсин ислāй* 'Я вижу, что ты работаешь хорошо' (союзное подчинение). Здесь союз *ки*, являющийся выразителем синтаксических отношений, может быть опущен или заменен синонимичными союзами *ани*, *аники* и др. При опущении подчинительного союза возникает синтаксическая синонимия союзной и бессоюзной конструкций (ср.: *Гөрерим: ишлеерсин ислāй*), что невозможно при относительном подчинении. Положение союза окажется устойчивым, если в главной части сложноподчиненного предложения употребить коррелят (ср.: *Билерим ону, ки...* 'Я знаю то (это), что...'). Невозможность опущения относительного слова объясняется, видимо, тем, что при релятном подчинении предложений придаточное менее самостоятельно как с точки зрения структуры, так и содержания.

Сложные предложения с релятным подчинением выражают различные отношения. Причем можно выделить определенные группы союзных слов, которые формируют тождественные конструкции тождественной семантики. Так, предметные реляты ким 'кто', не 'что' могут выражать субъектно-предикатные отношения, реализующиеся в сложноподчиненных предложениях с подлежащими и сказуемыми придаточными (см. примеры выше). Субъектную функцию придаточного порождает форма основного падежа коррелята, выполняющего роль подлежащего главного предложения. Грамматическое же значение релята для выражения субъектной функции придаточного роли не играет.

Такое же свойство имеет признаковый релят ангы 'который', могущий соотноситься с коррелятом в основном падеже. Сказуемые придаточные предложения вводятся как предметными (ким), так и признаковыми релятами (несой, ^vнижй||насыл). Они, подобно придаточным союзного подчинения, выступают как детерминаторы именного предиката главного предложения. Атрибутивные отношения (функция придаточного определительного) выражаются предметными релятами не и нашей 'что', признаковыми ангы и несой в значении 'какой', 'который', а также релятами со значением места — н а а ны||н е р е й и 'куда', н а а н д а н||н е р (е) д а н 'откуда', н а а н д а||н е р (е) д а 'где'. Но если при союзном подчинении предложений для появления атрибутивных отношений был необходим основной падеж контактного слова — члена главного предложения, то при относительном подчинении грамматические границы не маркированы: придаточное может выступать определением к любой форме существительного. Большая вероятность появления атрибутивных предложений связана со способностью релят (за некоторым исключением) к согласованию с контактным словом.

Как показывают языковые факты, все реляты в гагаузском языке, кроме *онуштан*, способны вводить дополнительные придаточные предложения. Выражаемые ими объектные отношения, основой которых являются изъяснительные отношения, реализуются в основном в косвенно-вопросительных конструкциях бескоррелятной структуры. Таким образом, как и при союзном подчинении придаточных, дополнительные придаточные вводятся глаголом-сказуемым главного предложения. Однако круг вводящих глаголов при релятном подчинении дополнительных придаточных намного уже, чем при союзном подчинении. Наблюдается своего рода специализация вводящих слов: в их роли выступают лишь глаголы, обозначающие побуждение к ответу, как *сормаа* 'спрашивать', *дүшүнмйй* 'думать', *билмйй* 'знать', *аннамаа* 'понимать' *танымаа* 'узнавать', *акыл вермйй* 'советовать', *гөстөрмйй* 'показывать' и некоторые другие. Названные глаголы способны иметь после себя придаточное с любым из союзных слов, кроме *онуштан* 'потому', 'поэтому', не являющимся по своей природе вопросительно-относительной лексемой.

Отсутствие союзов считается типичной особенностью тюркского сложноподчиненного предложения. Однако в современном гагаузском языке бессоюзные придаточные предложения занимают незначительное место по сравнению с союзным и относительным способами связи. Этим гагаузский синтаксис качественно отличается от синтаксиса других тюркских языков.

Система бессоюзного сложного предложения в гагаузском языке неоднородна. С одной стороны, в языке есть предложения, представляющие собой модели сложноподчиненных предложений с опущенным сою-

зом, выполняющим только стилистическую роль. Структурно-семантическая близость таких бессоюзных конструкций к соответствующим союзным очевидна; к последним, например, можно отнести бессоюзные сложные предложения, в подчиняющей части которых есть слова, способные к сильному фразовому управлению. Ср.: Деерсин, *бизӓ ени председател гетирдилӓр?* и Деерсин, ки (ани, аники) *бизӓ ени председател гетирдилӓр?* 'Ты говоришь, что нам нового председателя привезли?' Ясно, что здесь не может быть какой-то особой разновидности сложного предложения (вне системы сложноподчиненного), так как союз эллиптирован как признак, избыточно сигнализирующий о следующем за главным придаточном предложении. Такова же природа условных предложений с союзом *е ер* 'если' и соответствующих бессоюзных.

С другой стороны, в гагаузском языке, как и в других тюркских языках, есть бессоюзные конструкции, оформляемые особым образом, в которых главным показателем подчиненности придаточного является форма его сказуемого. Таким образом, рассматривать подобные конструкции следует прежде всего с позиций главного предложения, содержащего в себе основное действие.

К бессоюзным придаточным предложениям мы относим зависимые конструкции, вводимые частицей *-мы* при сказуемом; со сказуемым в формах повелительного, желательного-сослагательного, условного наклонений, выраженным модальными формами глагола, предикативно-модальными формами имен и неличными формами глагола:

1. Частица *-мы*, *-ми*, *-му*, *-му* вводит придаточные предложения дополнительные в составе косвенно-вопросительных предложений, придаточные условия и времени. Например: *Хасльйа чыкажӓк мы умуду, о [Олег] билмӓзди* (С. Куруоглу) 'Оправдается ли его надежда, он [Олег] не знал' (прид. дополнит.); *Софи саады мы инеклери, осаат тертип паклӓэр-йыкӓэр каплары* (Н. Танасоглу) 'Софи, как [только] подоит коров, тотчас [же] аккуратно чистит-моет посуду' (прид. времени); *Чекеттин ми йола, саусакланма, алатла вакытлан етишмӓй* (разг., Т-К) 'Если ты пустился в путь, не медли, спеша доберись вовремя' (прид. условия).

2. Придаточные предложения со сказуемым в повелительном наклонении бывают лишь дополнительными и условными: *Йалварэрым, дӓн геери, кенди евинӓ, беним ичин са унут* (С. Куруоглу) 'Умоляю тебя, вернись назад в свой дом, а обо мне забудь' (прид. дополнит.);

Атма Аач-Кыран карталын аазына бир парча йааны, хенси гери жендемӓ дӓшежеймишлӓр (масал, ГД, С, 67) 'Не бросил бы (букв.: 'не брось') Ломающий-Деревьѣ орлу в рот кусок мяса, все бы назад в ад свалились' (прид. условное).

3. Формы изъявительного наклонения вводят лишь дополнительные придаточные предложения, сказуемое которых может быть выражено глаголом настоящего, будущего определенного, прошедшего неочевидного времени: *Бӓн сандым, сӓн гӓтӓрӓмеерсин суважыйы* (Д. Карачобан) 'Я думал (мне показалось), [что] ты не можешь нести коромысло [с ведрами]' (сказ. в форме наст. вр.); — *Тӓ гӓрежӓн, хенси ислӓа олажек!* (С. Куруоглу) '— Вот увидишь, все будет хорошо!'

(сказ. в форме буд. опред. вр.); *Ишиттим, биркач киаат бизимжӓ* истемишин *сатын алмаа* (из письма) 'Я слышал, будто ты хотел купить

несколько книг на нашем языке' (в сказ. входит форма прош. неочев. времени).

4. Сочетание положительной и отрицательной формы глаголов изъявительного наклонения выражает подчинительную связь в сложном предложении с придаточным времени: *Кыз лафыны башары(р)-башармаз, хоп! Жендем-Бабусу одаѝа гирмиш* (масал, ГФ, 149) 'Не успела девушка проговорить, гоп! — Адова-Бабка вошла в комнату' (сочетание форм будущего неопр. времени); *Алдым-алмадым туфѝй елимѝ, таушам тыыды* (уст. расск., Конг.) 'Не (едва, лишь только) успел я взять ружье в руки, [как] заяц убежал' (сочетание форм прош. очевидн. времени); *Картал алмыш-алмамыш локмайы аазына, бирдѝан аннамыш, ани бу дѝил сыыр ети* (масал, Карб.) 'Едва лишь (как только) Орел взял в клюв кусок мяса, он сразу понял, что это не мясо животного' (сочетание форм прош. неочев. времени).

5. Продуктивно используются в системе бессоюзного подчинения формы желательного-сослагательного наклонения.

а) Прошедшее время желательного-сослагательного наклонения является сказуемым придаточного условного предложения: *Кайыпты Пидшун ишлери, олмай айды йакында достлары* (С. Куруоглу) 'Пидошу бы не поздоровилось (букв.: 'пропавшими были бы его дела'), если бы не были рядом его друзья' (ирреальное условие).

б) Настоящее-будущее время желательного-сослагательного наклонения вводит дополнительные придаточные предложения: *Саадыжым деди, кырмызы адама йанашмайым* (Мошков, 9) 'Мой посаженный отец сказал, чтобы я к рыжему человеку не нанимался [на работу]';

придаточные предложения цели: *Бир илкѝазын гелер она [сгырчыта] чок фукаара, илик етсин оннара пара да алсыннар тохум йекмѝй, кимиси ѝкуз алмаа, да о вермемеш* (Мошков, 31) 'Однажды весной пришли к нему [скупому] много бедняков, чтобы помог он им деньгами, чтобы купить семян для посева, а некоторым — волов купить, а он не дал';

придаточные предложения определительные: *Чаарэрлар Димитрашы, сѝлеерлѝр, ани гелди вакыт, кафадарлар айырылсын* (масал, ГФ, 134) 'Позвали Димитраша, сказали, что пришло время товарищам расстаться' (букв.: 'пришло время, чтобы товарищи расстались');

придаточные предложения условия: *Йок нѝпсын аскержи, кайылы олмасын, жаныны кайбедежеклѝр [хайдуглар]* (масал, ГФ, 198) 'Делать нечего солдату: (если) не согласится, погубят его [разбойники]';

6. Форма условного наклонения вводит придаточные предложения условия, а в сочетании с частицей *да* — уступительные предложения: *Ат ѝлсѝ, емдѝн ѝлсѝн! (сѝлеши)* 'Если конь умрет, то (пусть) умрет от корма' (прид. условное); *Верселѝр да, гитмейжѝм, || Ески йары беклейжѝм* (маани, ГФ, 95) 'Если и отдадут [замуж], не пойду: старого друга (любимого) подожду' (прид. уступит.).

7. а) Форма условной модальности будущего неопределенного времени вводит придаточные предложения условия (реальный случай): *Чекедирсѝ бир йаамур, дууѝмейжез бу харманжыы да аач калажѝз*

(Д. Карачобан) 'Если начнется дождь, [то] мы не сможем это обмолотить и останемся голодными'.

б) Условно-уступительное значение имеет придаточное предложение со сказуемым в форме условной модальности прошедшего очевидного времени: *Бйн кы й дый с а м сени*, || *Сйн кыйма бени* (түркү, Гр.) 'Если я [и] погубил тебя, [то] ты не губи меня' (Покр., Гр., 223).

в) Зависимые предложения со сказуемым в формах пересказочной модальности от основ будущего определенного и прошедшего неочевидного времени выполняют функцию дополнительного придаточного: — [*Чыраам*] *ишй чыкмаа истямеер, аз од ä р ми ш и м, деер* (С. Куруоглу) '— [Мой батрак] на работу не хочет выходить: мало плачү [будто], говорит'; *Аннадыйла(р)*, е в е р е ж ä ä м ы ш ы н ы с к ы з ы н ы з ы (разг., Вулк.) 'Рассказывают, [будто] вы собираетесь выдать замуж свою дочь'.

8. Предикативно-модальные формы имен также могут выражать подчинительную связь между компонентами сложноподчиненного предложения. Функцию союза берут на себя аффиксы сказуемости, способные выражать время, модальность и лицо.

а) Аффикс сказуемости прошедшего неочевидного времени, как и глагол в форме прошедшего неочевидного времени, вводит придаточные предложения дополнительные: *Аалем деер, хырсызмышын, безиргеннери коллармышын, бойарлары сойармышын* (түркү, Карб.) 'Люди говорят, будто ты вор, [будто] выслеживаешь купцов, [будто] ты обираешь бояр (помещиков)'.

б) Условная форма имени, как и аффикс условного наклонения *-сй*, вводит придаточные предложения условия: *Гиргинса, гидежек илери, коркакса, дбнежжк геери* (масал, Карб.) 'Если он смелый, пойдет вперед, если трусливый, вернется назад'.

в) Соотносительно-временная форма имен на *-кан(а)||-кйн, -кен*, как и соответствующее деепричастие, вводит временные придаточные предложения, в которых аффикс *-кан* имеет значение союзов «когда», «пока» или союзного речения «в то время как»: *Бобан иштййкана, сйн ен буусун евдй* (разг., Черв.) 'Когда (пока; в то время как) твой отец [находится] на работе, ты в доме самый старший'.

9. В организации бессоюзной связи частей сложноподчиненного предложения в современном гагаузском языке участвуют и неличные формы глагола. Это прежде всего деепричастные формы, которые с разной степенью продуктивности свойственны большинству тюркских языков в их современном состоянии, а также широко употребляются в памятниках древнетюркской письменности¹⁷. Придаточные предложения со сказуемым-деепричастием¹⁸ характеризуют одну из древнейших особенностей гагаузского языка, сближающую его с синтаксическим строем других тюркских языков. В современном гагаузском языке деепричастные конструкции выступают в функции придаточных предложений вре-

¹⁷ См. об этом: Н. З. Гаджиева. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке. М., 1963, стр. 87—140; *ее же*. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. Автореф. докт. дисс. М., 1970; Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, стр. 91—101, 159—181.

¹⁸ Подобные конструкции некоторые лингвисты не считают придаточными предложениями. Мы относим к придаточным предложениям лишь те деепричастные конструкции, которые имеют свое, отдельно выраженное подлежащее, отличное от подлежащего подчиняющего предложения.

мени, реже — условия. Во временном значении употребляются придаточные со сказуемым-деепричастием на *-ынжă*, *-дыжаан*, *-дыкча*, *-мадан*, *-кан*, *-дыйнан*.

Например: ...*На бу кемеңгейи да чал, бян* гелинжă (Мошков, 43) 'На [тебе] эту скрипку и играй, пока я [не] вернусь'; *Аач-Кыран топузу* алынжă, *Жендем-Бабусу тыымыш гитмиш* (масал, ГД, 59) 'Пока Ломаящий-Деревя взял булаву, Адова-Бабка исчезла' (букв.: 'дала стрекача, ушла'); *Кыз* гелинжек *гери, бу гене гидий пенчерей* (Аманжолов, КД, 242) 'Как только девушка возвращалась назад [в дом], этот [парень] снова шел к окну'; *Кенди Делижă, батұлары* гиттижă әненен, *гирмиш даа ичинă да чалмыш аач* кавалларлан (масал, ГФ, 137) 'Сам Дурачок, как только его старшие братья уехали, вошел в лес и проиграл [мелодию] на деревянных свирелях'; ...*Гун* дуудукчан, *бен гөреим* (түркү, Чешм.) 'Когда (в то время как) солнце взойдет, чтобы я видела'; *Чиш* дүштүкчән, *кокарсын, кокарсын* 'Как только падет роса, ты издаешь и издаешь аромат' (Покр., Гр.); *Таа* курулмадаан адын, || *Киада «йоксул» гирдин* (Д. Карачобан) 'Пока твое имя еще не было создано, в [церковную] книгу ты [уже] вошел как «бедняк»'; *Бен* казаныркан, *сен йатырдан... каба мендерде* (түркү, БС, 43) 'Пока я зарабатывал, ты леживал... на мягком диване'; *Сән* ишă гидежейкән, *маму хервакыт сорарды, гележән ми уулен екмеени алмоа* (из письма) 'Перед тем как идти тебе на работу, мать всегда спрашивала, придешь ли [домой] обедать'; *Гежă йарысы* олдуйнан, *титсиленер да евă гелер* (масал, ГФ, 135) 'Когда наступила полночь, ему [старшему брату] стало жутко (букв.: 'становится жутко'), и он вернулся (букв.: 'возвращается') домой'.

Как видно из примеров, временной оттенок придаточного не всегда одинаков: в одних случаях придаточное указывает на временной предел распространения действия главного предложения: «пока», «до тех пор пока» (конструкции с *-ынжă*, *-дыжаан*), в других — действие придаточного предшествует действию главного: «как только», «едва лишь» (конструкции с *-дыжаан*, *-дыкча*, *-ынжă*, *-мадан*), в третьих — действие главного происходит по мере осуществления действия придаточного: «по мере того как», «в то время как» (конструкции с *-дыкча*) и, наконец, действие главного происходит одновременно, параллельно с действием придаточного (конструкции с *-кан*).

Все названные конструкции типичны для большинства тюркских языков, за исключением предложений со сказуемым на *-дыжаан(ан)*. Последние — специфическая черта гагаузского языка, так как деепричастие на *-дыжаан(ан)* отсутствует в других тюркских языках, в том числе и близкородственных — турецком и азербайджанском.

Условную функцию выполняют лишь придаточные со сказуемым-деепричастием на *-мадан*, *-дыйнан*, *-кан*. Причем, деепричастие на *-кан* является сказуемым условного предложения, если оно образовано от основы прошедшего времени на *-мыш*. Условное значение осложнено легким уступительным оттенком («поскольку», «раз», «если уж»): *Сыырлары аула* капамышкан, *хадийин айыралым бузаалары да* (разг..

Карб.) 'Поскольку (раз, если уж) мы загнали скот во двор, давайте (заодно) и телят отделим'.

Придаточные же со сказуемым-деепричастием на *-мадан*, *-дыйнан* приобретают условное значение, если они относятся к вопросительному главному предложению: *Е њабажан, ба!*. *Генчлери йолламадаан ууренмай, кими йоллэйжан?* (разг., Конг.) 'А что же делать!.. Если молодежь не посылать учиться, [так] кого же пошлешь?'; *Ону да дуудуйн айн, каланна не калмыш?* (С. Куруоглу) 'Если и его [ординарца] бить, [то] что же с остальными?'

Деепричастия на *-мадан* и *-дыйнан* в таких конструкциях совпадают по значению с условной формой глагола, оформляющей подчинительную связь самостоятельно или же в сочетании с условным союзом *е е р* 'если'.

В формировании придаточных предложений в гагаузском языке участвует и послелог *ги би* в сочетании с именами действия — субстантивированными причастиями. По своей синтаксической функции такие конструкции являются придаточными предложениями времени, в составе

которых послелог *ги би* сочетается с формами на *-ды*, *-дыжа а*. Обе формы причастий выступают в значении имени действия, принимая аффиксы принадлежности, которые и являются формальными показателями подлежащего придаточной части. Сказуемое придаточного обозначает предшествующее действие, мгновенно сменяемое другим действием, выраженным сказуемым главного предложения, например: *Бени унуттуун ги би, чичайн сенежек* (туркү, Карб.) 'Как только ты забудешь меня, твой цветок завянет'; *Иван пинер бейгиря*. *Пиндиж ай ги би, бейгир донер да бир забун мырцогадан тууйан хем чимчирик ги би хызлы бир ат олэр* (масал, ГФ, 155) 'Иван сел на коня. Едва лишь он сел, конь преобразился и из худой клячи превратился в упитанного, быстрого, как молния, коня'.

Этот способ выражения сказуемого придаточного предложения времени непродуктивен в современном гагаузском языке. Предложения со сказуемыми-именами действия встречаются, в основном, в народных песнях, реже — в сказках и очень редко употребляются в разговорной и письменной речи.

Итак, мы рассмотрели три способа связи частей сложноподчиненного предложения — *союзный*, *относительный* и *бессоюзный*, которые и формируют основные семантико-синтаксические типы придаточных предложений.

Представленный в статье материал не претендует на полноту и кардинальное решение вопроса о специфике гагаузского сложноподчиненного предложения. Ограниченный объемом, автор стремился возможно полнее представить лишь те явления, которые еще не нашли отражения в научной литературе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

1. Источники

АД, I — И. Н. Чакир, Л. В. Славова. Ана дили. Гагауз башланкы школанын I-жи классы ичин. Кишинев, 1959.

Аманжолов, ҚД — А. С. Аманжолов. Семей облысында туратын гагауздардан жазылып алынған фольклор текстери. — В сб.: «Қазак диалектологиясы». Алма-Ата, изд. АН ҚазССР, 1965.

БС — «Буржактан сесләр». Литература йазылары. Кишинев, 1959.

ГД, С — Н. Бабоглу. Гагауз дили 7—8-жи класслар ичин (Синтаксис). Кишинев, 1962.

ГФ — Гагауз фольклору (сост. Н. Бабоглу). Кишинев, 1969.

Мошков — В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов (тексты). — «Образцы народной литературы тюркских племен», изд. акад. В. В. Радловым, т. 10. СПб., 1904.

Покр., Гр. — Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., изд. «Наука», 1964.

2. Названия населенных пунктов

Ал. — с. Александровка Болградского р-на Одесской области УССР.

Б-а. — с. Бешалма Комратского р-на МССР.

Вулк. — пос. Вулканешты МССР.

Дезг. — с. Дезгинже Комратского р-на МССР.

Дерм. — с. Дерменжи Вулканештского р-на МССР.

Дим. — с. Димитровка Болградского р-на Одесской области УССР.

Карб. — с. Карболия Вулканештского р-на МССР.

Комр. — г. Комрат МССР.

Конг. — с. Конгаз Комратского р-на МССР.

Т-К — с. Копчак (б. Татар-Копчак) Чадырлунгского р-на МССР.

Тр. — с. Тирасполь (Тришполи) Чадырлунгского р-на МССР.

Черв. — с. Червоноармейское (б. Кобей) Болградского р-на Одесской области УССР

Ч-Л — г. Чадыр-Лунга МССР.

3. Прочие источники

газ. — пример взят из газетного текста.

масал — сказка.

разг. — пример взят из разговорной речи.

сбдеиш — пословица, поговорка.

турку — песня.

уст. расск. — устный рассказ.

А. ДАУЛЕТОВ

КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАРАКАЛПАКСКИХ ГЛАСНЫХ ПОД УДАРЕНИЕМ

(НА ОСНОВЕ СПЕКТРОГРАММ И РЕНТГЕНОГРАММ)

Гласные каракалпакского языка исследовались в трудах Н. А. Баскакова¹, Е. Д. Поливанова², С. Е. Малова³, Ж. Аралбаева⁴, К. Убайдуллаева⁵, О. Бекбаулова⁶ и др. Однако в качественном отношении каракалпакские гласные до сих пор еще не были предметом специального экспериментального изучения.

В данной статье выясняется на основе спектрограмм расположение формантных областей гласных каракалпакского языка. Поскольку акустический эффект обусловлен определенным положением органов речи, с помощью рентгенограмм устанавливаются также артикуляционные особенности гласных⁷.

Спектральные характеристики гласных были получены путем исследования произношения трех дикторов в возрасте от 28 до 35 лет, хорошо владеющих литературным каракалпакским языком. С помощью тех же дикторов были сняты и рентгенограммы⁸.

Для выявления наиболее типичных областей усиления частот в спектре каждого гласного экспериментальный материал подбирался так, чтобы гласные находились под ударением, в соседстве с разными согласными и в различных позициях в слове (в начале, середине и конце). Всего исследовалось 264 слова. Все слова произносились с перечислительной интонацией и записывались на магнитофонную ленту. Спектрограммы снимались на спектрографе типа «Видимая речь». При анализе

¹ Н. А. Баскаков. Краткая грамматика каракалпакского языка. Турткуль, 1931; *его же*. Каракалпакский язык, т. II. М., 1953.

² Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — Труды хорезмской экспедиции. Ташкент, 1933.

³ С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — «Каракалпакия». Труды 1-й конференции по изучению производительных сил ККАССР, т. II. Л., 1934, стр. 200—207; *его же*. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966.

⁴ Ж. Аралбаев. Звуковая система каракалпакского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1949; *его же*. Қарақалпақ тілінің дауысты фонемалары. — «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, выпуск 1—2 (8—9), 1959, стр. 147—157.

⁵ К. Убайдуллаев. Хәзирги заман қарақалпақ тили. Фонетика. Неқис, 1965.

⁶ О. Бекбаулов. Фонетические особенности южного диалекта каракалпакского языка. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1966.

⁷ Рентгенограммы были сняты в поликлинике АН СССР в Ленинграде.

⁸ В съемке рентгенограмм гласного [y] участвовали шесть дикторов.

спектрограмм учитывались только наиболее постоянные и типичные для данного гласного признака. Измерялась квазистационарная часть гласного; его экскурсии и рекурсии не уделялось особого внимания. В задаче данной работы не входил анализ изменений формантной структуры гласных в зависимости от разных фонетических факторов.

При анализе спектрограмм особое внимание уделялось частотной характеристике первых двух формант, что вполне достаточно для установления акустических соотношений⁹.

Гласный переднего ряда. По данным спектрограмм, в спектре гласного переднего ряда [e] четко выделяются четыре формантные области, между которыми нет слабых составляющих (см. рис. 1). Характерной особенностью этого гласного является концентрация энергии в двух областях: в нижней части спектра с усилением в области F_1 , в верхней части спектра с усилением в области F_2 и расположенных выше формант.

В спектре гласного [e] форманта F_2 , характеризующая положение языка по горизонтали, выше, чем F_2 любого другого гласного и расположена на шкале частот в диапазоне 1800—2090 $гц$ ¹⁰. В спектре этого гласного ослабления F_2 никогда не происходит, напротив, она всегда устойчива и четко выражена.

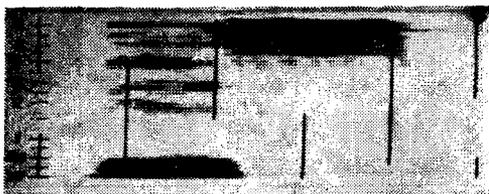

Рис. 1. Спектрограмма слова [bes]

F_1 гласного [e], соотносящаяся с подъемом языка по вертикали, занимает положение более или менее сходное с F_1 других гласных высокого подъема [i], [ü], [u]. Например, в произношении второго диктора она расположена в диапазоне 250—550 $гц$ для всех сравниваемых гласных. Однако в произношении первого и третьего дикторов F_1 гласного [e] расположена на шкале частот несколько выше по сравнению с другими гласными (ср. цифры табл. на стр. 62).

По-видимому, это связано с тем, что каракалпакский гласный [e] — самый передний, так как «перемещение верхней точки языка вперед по горизонтали ведет к повышению F_1 наряду с заметным повышением и F_2 »¹¹.

Таким образом, F_2 гласного [e] занимает на шкале частот самое высокое положение, в то время как F_1 характеризуется положением столь же низким, как и F_1 остальных гласных высокого подъема. Следовательно, расстояние между F_1 и F_2 следует считать максимальным.

Вышеуказанное расположение формант согласуется с объемом резонатора полости рта при артикуляции исследуемого гласного. По данным рентгенограмм (рис. 2), при произнесении гласного [e] масса языка устремлена вперед, при этом передне-средняя часть спинки языка приподнята к середине твердого нёба, задняя часть — опущена, кончик языка тоже опущен, корень языка значительно отодвинут от стенки зева. Такая конфигурация языка придает резонатору форму: в передней части ротовой полости узкую, а в задней — широкую. При таких условиях низ-

⁹ См.: Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 112.

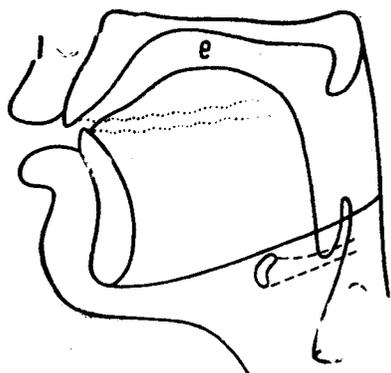
¹⁰ Эти цифры, соответствующие нижней и верхней границе формантных областей, являются средними для произношения трех дикторов.

¹¹ Г. Фант. Указ. раб., стр. 115.

Таблица формант гласных

Гласные	Дикторы	F ₁	F ₂
е	1	250—620	1830—2110
	2	250—550	1750—2020
	3	300—590	1820—2150
	средн.	265—585	1800—2090
і	1	250—580	1730—1970
	2	250—550	1700—1960
	3	250—570	1500—1850
	средн.	250—565	1640—1930
ä	1	500—900	1260—1710
	2	520—1000	1550—1910
	3	500—1000	1320—1890
	средн.	505—970	1380—1840
й	1	250—570	1290—1630
	2	250—550	1300—1500
	3	280—550	1300—1510
	средн.	260—555	1300—1550
ö	1	300—660	1210—1500
	2	330—720	1350—1550
	3	310—600	1320—1480
	средн.	315—660	1290—1510
у	1	250—650	1240—1450
	2	250—700	1230—1450
	3	250—700	1060—1375
	средн.	250—680	1160—1440
а	1	500—1000	1100—1300
	2	600—1100	1150—1420
	3	600—1100	1150—1460
	средн.	570—1070	1130—1390
и	1	250—550	850—1150
	2	250—550	800—1050
	3	300—580	850—1070
	средн.	270—560	835—1090
о	1	300—700	750—1100
	2	420—750	850—1130
	3	350—750	800—1100
	средн.	360—730	800—1110

кую формантную область (F_1) усиливает широкая часть резонатора полости рта, а высокие формантные области (в том числе и F_2) создаются в результате резонирующего действия узкой части полости рта.

e [вез]

Рис. 2

этом все форманты представлены широкой полосой (см. рис. 3а, б, в, г).

Гласные центрального ряда. Сопоставляя полученные рентгенографические и спектрографические данные, можно прийти к выводу, что [i], [ä], [ü], [ö] являются гласными центрального, а не переднего ряда, как утверждают многие исследователи каракалпакского языка.

В спектрах этих гласных выделяются четыре формантные области, между которыми встречаются слабые составляющие (это особенно заметно в спектре гласного [ä]). Высокие формантные области в спектре гласных [i] и [ü] выражены очень слабо, а в спектре гласных [ä] и [ö] — сильно. При

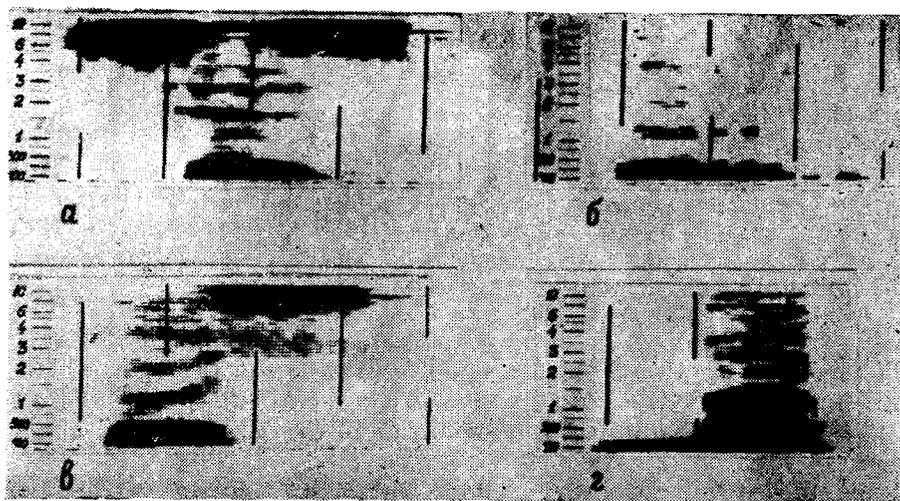
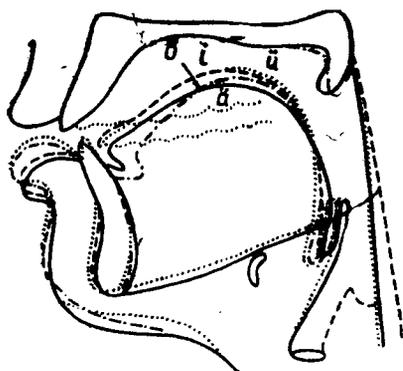

Рис. 3. Спектрограммы слов: а) [siz], б) [ür], в) [tös], г) [māp]

F_2 центральных гласных колеблется в пределах 1400—1800 *гц*. F_2 гласного [i] расположена на шкале частот в диапазоне 1640—1930 *гц*, гласного [ä] — 1380—1840 *гц*, гласного [ü] — 1300—1550 *гц*, гласного [ö] — 1290—1510 *гц* (см. табл.). Как видно из таблицы, F_2 губных гласных [ö] и [ü] расположена на шкале частот значительно ниже по сравнению с F_2 негубных гласных [ä] и [i]. Но несмотря на это, и губные, и негубные гласные относятся к одному центральному ряду.

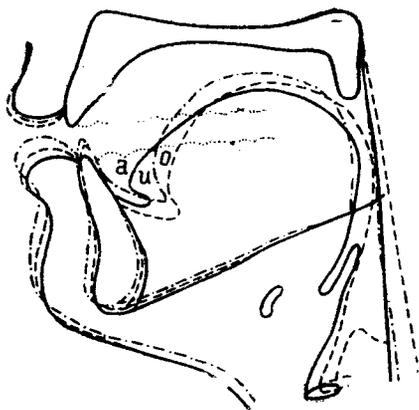
При произнесении [ü] особенно ослаблены высокие составляющие (см. рис. 3б). Понижение и ослабление высоких составляющих, в том числе и F_2 , в спектре губных гласных [ö] и [ü] связано с тем, что лабиализация на акустическом уровне выражается в ослаблении и понижении

высоких составляющих¹². Понижение F_2 гласного [ä] по сравнению с F_2 гласного [i] объясняется прежде всего тем, что при произнесении гласного [ä] язык несколько более отодвинут назад (см. рис. 4). Кроме того, большая открытость гласного [ä] связана не только с возрастанием F_1 , но одновременно и с некоторым уменьшением F_2 . Аналогичные факты характеризуют и F_2 губных гласных [ö] и [ü].

ä [pääz] —————
 i [viiz] - - - - -
 ö [vööz] - - - - -
 ü [vüüz] ········

Рис. 4

a [βa] —————
 o [βoʔ] - - - - -
 u [βuʔ] - - - - -

Рис. 5

Первые форманты центральных гласных, которые определяются прежде всего степенью подъема языка, занимают на шкале частот разные места: самая низкая — F_1 у гласных [i] и [ü] (в диапазонах 250—565 $гц$ и 260—555 $гц$), соответственно самая высокая — у гласного [ä] (505—970 $гц$), средняя — у гласного [ö] (315—660 $гц$).

По данным рентгенограмм, при артикуляции гласных [i], [ü], [ä], [ö] средняя часть спинки языка в той или иной степени поднимается к средней части нёба, то есть к границе между твердым и мягким нёбом, передняя же, а также отчасти и задняя опущены (см. рис. 4). Гласные, артикулируемые таким путем, относились Л. В. Щербой к центрально-рядным¹³. Как видно из рис. 4, при артикуляции негубного гласного [i] и губного [ü] язык более продвинут вперед по сравнению с негубным гласным [ä] и губным [ö] соответственно. Из этого ряда гласных язык наиболее отодвинут назад при артикуляции [ö]. Таким образом, исследуемые гласные, относясь к одному ряду — центральному, отличаются друг от друга по степени отодвинутости языка при их артикуляции. Это, как было указано выше, приводит на акустическом уровне к варьированию F_2 центральных гласных. По степени подъема языка самые высокие из этих гласных — [i] и [ü] (F_1 самая низкая), самый низкий — [ä] (F_1 самая высокая), средний — [ö] (F_1 средняя).

Гласные заднего ряда. К заднему ряду относятся гласные [a], [o], [u]. Как известно, эти гласные характеризуются понижением F_2 . Форманта F_2 гласного [a] расположена на шкале частот в диапазоне 1130—1390 $гц$, гласного [u] — в диапазоне 835—1090 $гц$, гласного [o] — в диа-

¹² Р. Якобсон, М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. — «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 257.

¹³ См.: М. И. Матусевич. Л. В. Щерба как фонетик. «Памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951, стр. 76.

пазоне 800—1110 *гц*, то есть F_2 губных гласных значительно ниже F_2 негубного гласного [a]. Что касается первой форманты, то [a] имеет самую высокую F_1 (570—1070 *гц*), [u] — самую низкую (270—560 *гц*), [o] — среднюю (360—730 *гц*).

Гласный [a] произносится с самым низким подъемом языка (см. рис. 5), что согласуется с его спектрограммой. В спектре гласного [a] F_1 занимает самое высокое положение, а F_2 — сравнительно низкое положение. Гласный [o] произносится с более низким подъемом языка, чем [u]. Такая артикуляция [o] повышает F_1 , а заднерядность и лабиализованность последнего максимально понижает F_2 . Таким образом, первая и вторая формантные области гласных [a] и [o] расположены на шкале частот очень компактно (см. рис. 6а, б).

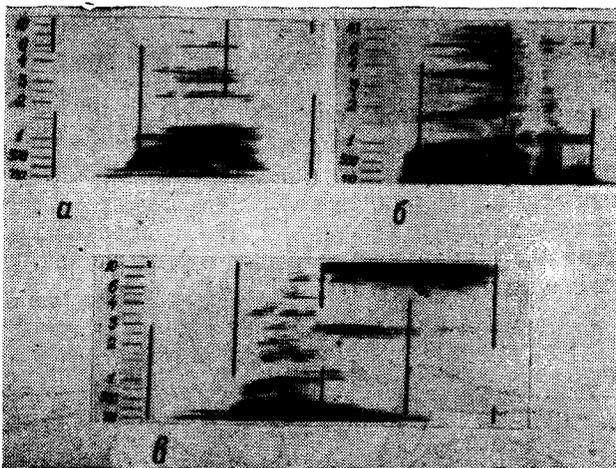

Рис. 6. Спектрограммы слов: а) [baq], б) [por], в) [bur]

Ослабление частот между первой и второй формантой незначительно, и на спектрограммах «Видимой речи» обе форманты сливаются в одну широкую полосу. Ослабление частот между F_1 и F_2 наблюдается в спектре [a] в области 1000—1100 *гц*, в спектре [o] — в области 700—800 *гц*. Все форманты (особенно F_1 и F_2) занимают довольно большое место на шкале частот, то есть отражаются широкой полосой, что характерно не только для [a] и [o], но также и для [ä] и [ö]. Это объясняется большой интенсивностью произнесения указанных гласных.

В спектре гласного [u] доминирующую роль играют F_1 и F_2 , а более высокие составляющие очень слабо выражены (см. рис. 6в).

Своеобразные спектральные характеристики вышеописанных гласных соответствуют их артикуляции. По данным рентгенограмм (см. рис. 5), для [a], [o], [u] характерна отодвинутость языка назад и подъем задней части спинки языка к мягкому нёбу. Следовательно, кончик языка отодвинут назад от нижних резцов, корень языка приближается к стенке зева. По подъему языка они отличаются друг от друга: [a] имеет самый низкий подъем, [u] — наиболее высокий, [o] — средний. Такая конфигурация языка создает большой резонатор в передней части полости рта и небольшой — в задней.

Гласный смешанного ряда. Артикуляция и спектральная характеристика гласного [y] требуют особого рассмотрения. Спектр гласного

[y] характеризуется концентрацией энергии в области F_1 и F_2 , а более высокие форманты, особенно F_3 , очень слабо выражены (см. рис. 7). Расположение F_2 в спектре гласного [y] (1160—1400 гц) приближается к F_2 гласного [a] (1130—1390 гц).

По значению F_2 в спектре гласного [y] наблюдается большое расхождение между дикторами: F_2 у третьего диктора (1060—1375 гц) ниже по сравнению с F_2 у первого и второго дикторов (соответственно 1240—1450 гц и 1230—1450 гц).

F_1 гласного [y] расположена на шкале частот в диапазоне 250—680 гц. Она занимает среднее положение по сравнению с F_1 гласного среднего подъема [o], с одной стороны, и F_1 гласного высокого подъема [u] — с другой. Надо отметить, что F_1 гласного [y] ближе к F_1 гласного высокого подъема [u], чем к F_1 гласного среднего подъема [o] (ср. данные табл.). Это говорит о том, что [y] относится к гласным высокого, а не среднего подъема. Вместе с тем из высоких гласных наиболее открытым является [y]. Следовательно, F_1 гласного [y] расположена на шкале частот выше по сравнению с остальными гласными высокого подъема [e], [i], [ü], [u].

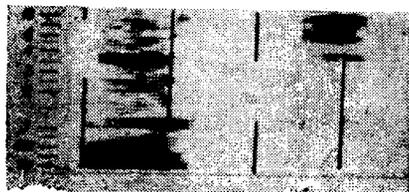

Рис. 7. Спектрограмма слова [yq]

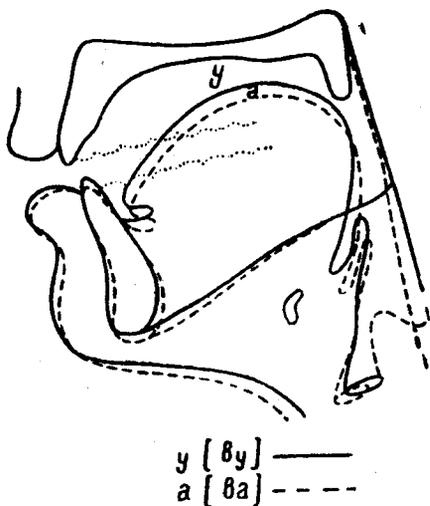

Рис. 8

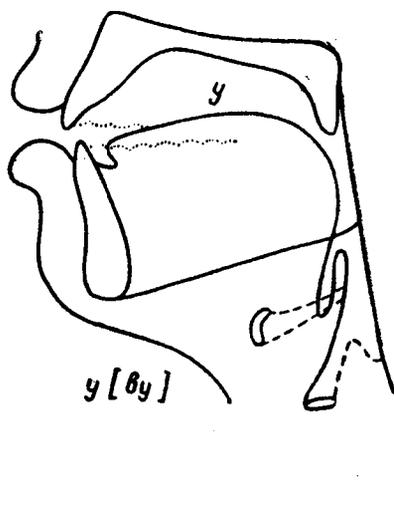

Рис. 9

По данным рентгенограмм, у двух дикторов артикуляция [y] напоминает артикуляцию гласного [a]: задняя часть спинки языка приподнята, кончик языка опущен. Но по сравнению с [a] при произнесении [y] спинка языка больше приподнята к нёбу (см. рис. 8). По данным этих двух дикторов [y] следует отнести к заднерядным гласным так же, как [a], но несколько более высокого подъема. У четырех других дикторов при произнесении [y] спинка языка вместе с кончиком в распластанном виде приподнята к нёбу. Следовательно, образуется довольно длинный резонатор, что характерно для гласных смешанного ряда (см. рис. 9).

Таким образом, в каракалпакском языке гласный [y] бытует в двух вариантах: заднерядного-дорсального и смешаннорядного-апикального. По степени подъема языка [y] занимает промежуточное положение между гласным среднего подъема [o], с одной стороны, и гласным высокого подъема [u] — с другой.

Резюмируя сказанное, можно сделать заключение, что гласные каракалпакского языка в артикуляционном отношении различаются:

а) по ряду: [e] является гласным переднего ряда; [i], [ä], [ü], [ö] — центрального ряда; [a], [o], [u] — заднего ряда; [y] — смешанного ряда (но возможен и заднерядный вариант);

б) по подъему языка: [e], [i], [ü], [u], [y] (последний в том случае, если он заднерядный) являются гласными высокого подъема; [a], [ä] — низкого подъема; [o], [ö] — среднего подъема;

в) по участию губ: [o], [ö], [u], [ü] являются губными гласными; [a], [ä], [e], [i], [y] — негубными.

Эти артикуляционные различия гласных выражаются на акустическом уровне следующим образом:

- а) F_2 переднего гласного — самая высокая;
 F_2 задних (и смешанного) гласных — низкая;
 F_2 центральных гласных — средняя.
- б) F_1 высоких гласных — самая низкая;
 F_1 низких гласных — высокая;
 F_1 средних гласных — средняя.
- в) F_2 губных гласных расположена на шкале частот ниже по сравнению с F_2 негубных гласных.

В. Я. ПИНЕС

О МОДЕЛИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Для тюркского языкознания представляет теоретический интерес установление общих принципов описания морфологических систем, что очень важно при типологическом изучении морфологии тюркских языков. Так, например, при достаточной близости глагольных систем языков тюркской группы между ними имеются и определенные расхождения, для оценки которых требуется единообразное описание глагола в различных тюркских языках.

Описание морфологии любого тюркского языка может основываться на том, что для языков тюркской группы характерна высокая степень упорядоченности аффиксов различного значения как относительно основы, так и относительно друг друга. Структурная же лингвистика располагает рядом средств, позволяющих дать сжатое описание порядка лингвистических единиц.

Общие замечания об идее упорядочения как лингвистическом методе, высказанные еще Л. Блумфилдом, были практически реализованы в так называемых «диаграммах порядка» [1, 2, 3, 4].

Построение диаграмм производится графически в двух измерениях: горизонтальное измерение показывает возможные последовательности лингвистических единиц (элементов), их совместную встречаемость и ограничения, накладываемые на сочетания элементов в цепочках; вертикальное измерение показывает взаимоисключаемость элементов в последовательностях.

Однако основное преимущество диаграмм порядка — наглядность много теряет с увеличением количества элементов и с усложнением межэлементных связей.

Впервые идею упорядочения применил к одному из языков тюркской группы (турецкому) Г. Глисон [5]. Из работ советских тюркологов в этой области необходимо отметить исследования Н. А. Баскакова и А. М. Щербака. В своей статье [6] А. М. Щербак рассматривает порядок следования морфем в связи с выделением морфологических типов в узбекском языке. Например, 2-й тип (глагол) им схематически изображается так:

$$B[A+x]+IV+III+II+I$$

В схеме символ I обозначает морфему первого «ряда», выражающую значение лица и числа; II — морфему второго ряда со значением накло-

нения; III — морфему третьего ряда (отрицание); IV — морфему четвертого ряда (залоговые значения); V — глагольная основа, которая может быть получена из именной A с помощью конвертирующей морфемы x.

Определив порядок следования аффиксов в тюркских словоформах, Н. А. Баскаков показал связь степени грамматичности аффикса с его местом в цепочках. Установлено, что наиболее близкое к корню положение занимают аффиксы лексико-грамматического словообразования, формирующие первую основу слова. Далее следуют аффиксы функционально-грамматического словообразования, формирующие вторую основу. Эта основа образует субстантивные и атрибутивные категории, еще связанные с лексическим значением слова, однако эта связь «имеет в большей степени грамматический, чем семантический характер» [7]. Затем следуют аффиксы словоизменения, выражающие наиболее абстрактные грамматические категории.

Указанные работы представляют надежную основу для формализованного описания структуры слова в тюркских языках¹.

Рассмотрим теорию упорядочения, которая близка к изложенной в статье И. И. Ревзина и Г. Д. Юлдашевой [10]. В общем виде она заключается в следующем.

Как обычно в работах по моделированию языка задается словарь, то есть множество исходных элементов и множество правильных последовательностей этих элементов. Однако отличие данной концепции состоит в дополнительном задании отношения порядка на множестве элементов словаря. Это позволяет упорядочить словарь, разбив указанное множество элементов на систему подмножеств, называемых **порядками**. Система порядков обладает тем свойством, что элементы 1-го порядка всегда предшествуют в цепочках элементам всех других порядков; 2-й порядок включает элементы либо следующие за элементами 1-го порядка, либо же занимающие первое место при отсутствии в цепочках элементов 1-го порядка; элементы 3-го порядка следуют за элементами 2-го порядка, либо занимают второе или третье место в отсутствие элементов 2-го или 1-го порядков соответственно и т. д. Взаимная неупорядоченность отдельных групп элементов не влияет на общую упорядоченность системы, так как при разбиении эти элементы попадут в один порядок.

Порядки разбиваются на **подпорядки**, являющиеся классами эквивалентных элементов, то есть элементов, взаимозаменяемых в цепочках без нарушения их правильности.

Словарь, разбитый на порядки и подпорядки, с приложением системы правил, ограничивающих сочетание элементов из определенных подпорядков, именуется **грамматикой порядков**. Грамматика порядков представляет собой вариант порождающей грамматики с заданным на исходном словаре отношением порядка. Порождение цепочек начинается с любого элемента первого порядка, к которому последовательно присоединяется по одному элементу из каждого последующего порядка².

¹ Первый шаг в этом направлении применительно к азербайджанскому и узбекскому языкам был сделан К. А. Велиевой [8] и Н. К. Якубовой [9].

² Математическая модель грамматики порядков с использованием понятий теории отношений дана в работе автора [11].

Для некоторых языков, например тюркских, такая модель при описании морфологических структур оказывается достаточно продуктивной. В этом случае в качестве исходного словаря берутся морфемы, а в качестве порождаемых последовательностей элементов — слова.

Рассмотрим применение грамматики порядков для описания структуры личных форм азербайджанского глагола.

Грамматика порядков может быть представлена в виде таблицы глагольных аффиксов, разбитой на порядки и подпорядки. К таблице прилагаются соответствующие правила, накладывающие некоторые ограничения на сочетания аффиксов из определенных подпорядков.

Ниже приводится система порядков для аффиксов глагольных форм азербайджанского языка. Используемые в таблице обозначения V^2 , V^4 , X определяют ряды алломорф аффиксов, отражающие явление сингармонизма в азербайджанском языке. Обозначения заменяются: первое — широкими гласными /a, ä/, второе — узкими гласными /y, i, u, ü/, третье — согласными /g, k/ (см. таблицу 1 на стр. 71—72).

Таблица порядков обладает тем важным свойством, что одно и то же значение выражается аффиксами, находящимися в одном порядке. В одном и том же порядке располагаются аффиксы, выражающие несовместимые, взаимоисключаемые значения. В некоторых случаях одно значение имеют сочетания аффиксов строго определенных порядков с определенным сочетанием значений.

Указанное свойство позволяет поставить в соответствие определенному порядку определенное значение и, соответственно, представить последовательность аффиксов глагольной словоформы в виде последовательности значений. Тогда наличие или отсутствие аффиксов того или иного порядка будет определять наличие или отсутствие соответствующего значения. Например, глагольная словоформа $ju+jun+a\ bil+ir+sin+iz+mi$ 'можете ли вы помыться?' (от корня $ju-$ 'мыть'), которая составлена из аффиксов порядков 1, 4, 6, 8, 9, 10, характеризуется следующей цепочкой значений: возвратность, возможность, настоящее время, второе лицо, множественное число и вопросительность. Отсутствие в цепочке аффиксов порядков 2, 3 и 5 говорит о том, что в словоформе не выражены значения каузативности, пассивности и отрицания.

Далее можно предложить лингвистическую интерпретацию нулевых символов, занимающих нулевые подпорядки. Рассматривая эти символы в качестве членов классов элементов, принадлежащих соответствующему порядку, мы интерпретируем их как нулевые аффиксы. В связи с тем, что значение нулевого аффикса зависит от занимаемого им в цепочке аффиксов словоформы места, можно воспользоваться записью, в которой над каждым нулем отмечается номер соответствующего порядка (см. [10]). Тогда рассмотренная выше словоформа будет представлена в виде: $ju+jun+\emptyset^2+\emptyset^3+a\ bil+\emptyset^5+ir+\emptyset^7+sin+iz+mi$.

Все порядки, за исключением шестого и восьмого, имеют нулевой подпорядок, содержащий нулевой аффикс. Если правила грамматики допускают возможность выбора нулевого символа, то это означает, что все элементы соответствующего порядка могут отсутствовать без нарушения правильности цепочки. На лингвистическом уровне наличие нулевого аффикса предполагает возможность отсутствия аффиксов данного порядка в глагольной словоформе, а следовательно, и соответствующего значения в последовательности значений, выражаемых словоформой.

Таблица 1

Распределение аффиксов азербайджанского глагола по порядкам

Порядки и подпорядки	Глагольные аффиксы	Значения	Примеры
1	2	3	4
1.0	∅		
1.1	-n-	возвратность	ju+jun+mag, al+yn+mag
1.2	^v -s-	взаимность и совместность	^v jaz+ys+mag
2.0	∅		
2.1	-dV ⁴ r-, -t- и другие алломорфы	каузативность	sev+in+dir+mäk'
3.0	∅		
3.1	-l-	пассивность	^v jap+ys+dyr+yl+mag
4.0	∅		
4.1	-V ² +bil'-	возможность	sev+in+dir+ä bil'+mäk'
5.0	∅		
5.1	-mV ² -	отрицание	sev+in+dir+mä+mäk'
6.1	-V ⁴ r-	настоящее время	sev+in+dir+m+ir+äm
6.2	-mV ² XdV ² -	настоящее длительное время	sev+in+dir+mäk'dä+dir
6.3	-V ² r-		sev+in+dir+är+sän
6.4	-z-	настоящее-будущее время	sev+in+dir+mä+z
6.5	^v -V ² ₃ V ² X-	определенное будущее время	^v sev+in+dir+äzäk'

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
6.6	-dV ⁴ -	прошедшее очевидное время	sev+in+dir+di+lär
6.7	-mV ⁴ s-	прошедшее перфективное время	sev+in+dir+mis+dir ^v
6.8	-V ⁴ b-		sev+in+dir+ib+sän
6.9	-V ² -	желательность	sev+in+dir+ä+siniz
6.10	-mV ² IV ⁴ -	долженствование	sev+in+dir+mäli+jäm
6.11	-V ² sV ⁴ -	необходимость	sev+in+dir+äsi+dir
6.12	-sV ² -	условность (специальная)	sev+in+dir+mä+sä+m
6.13	∅	повеление	sev+in+dir+∅+in
7.0	∅	сложные формы прошедшего времени в сочетании с аффиксами шестого порядка	
7.1	idi (-dV ⁴ -)		sev+in+dir+mis+di+m ^v
7.2	-mV ⁴ s-		sev+in+dir+ib+mis+äm ^v
7.3	-imis-		sev+in+dir+sä imis+äm ^v
8.1	1P	1-е лицо	al+yr+am, al+dy+m
8.2	2P	2-е лицо	al+yr+san, al+dy+n
8.3	3P	3-е лицо	al+magda+dyr, al+yr+∅
9.0	∅	множественное число	
9.1	P1		al+yr+lar, al+dy+n+yz, al+yr+syn+yz
10.0	∅		
10.1	-mV ⁴	вопросительность	sev+in+dir+mis+sän+mi ^v
10.2	isä (-sV ²)	условность (общая)	sev+in+dir+är+lär+sä

Примечания к таблице 1:

1. Во всех тюркских языках юго-западной группы наблюдается полисемия аффиксов -п- и -l-, выражающих как возвратное, так и пассивное значение. В таблице -п- и -l- можно рассматривать в качестве абстрактных символов, обозначающих соответственно возвратность и пассивность, которые в определенных фонетических или семантических условиях манифестируются в виде соответствующих алломорф. Причем полисемия наблюдается только при отсутствии в цепочке каузативного аффикса.

2. При распределении аффиксов азербайджанского глагола по порядкам предпринята попытка выделить в отдельный порядок аффикс множественного числа. Аффиксы подпорядков 8.1—8.3 (личные аффиксы) и 9.1 (множественное число) даны в виде абстрактных символов, которым соответствуют алломорфы этих аффиксов. На стр. 79 приводится исчисление указанных алломорф.

При построении системы ограничительных морфологических правил учитывается тот факт, что появление в словоформах аффиксов первых трех порядков в значительной мере зависит от семантики основы. Поэтому все глаголы должны быть разбиты на классы по признакам возможности/невозможности присоединения к основе аффиксов -п-, -š-, -l- и сочетания -п+dV⁴r-.

Синтез глагольной формы осуществляется присоединением к основе не более чем одного аффикса из каждого порядка. Исключение составляет каузативный аффикс, который может удваиваться и утраиваться. При этом должен учитываться ряд ограничений. Например:

1) Аффикс неопределенного будущего времени -V²r- (подпорядок 6.3) в глагольных формах с отрицательным аффиксом -mV²- (подпорядок 5.1) употребляется только в том случае, если в этих формах выражается значение первого лица (подпорядок 8.1).

Например, существует форма *baх+m+ar+am* 'не посмотрю', но запрещена — **baх+m+ar+saп*. Вместо последней формы употребляется цепочка аффиксов, где -V²r- заменяется аффиксом того же значения -z- (подпорядок 6.4) — *baх+ma+z+saп* 'не посмотришь'.

2) Непосредственно после аффикса прошедшего перфективного времени -V⁴b- (подпорядок 6.8) не может быть выбран аффикс первого лица.

Возможна форма *al+yb+saп* 'ты купил', но запрещена — **al+yb+am*, вместо которой употребляется форма с заменой -V⁴b- на -mV⁴š- (подпорядок 6.7) — *al+muš+am* 'я купил'.

3) Аффикс -V²sV⁴-, выражающий необходимость, не употребляется в одной цепочке с отрицательным аффиксом.

Существует форма *ver+äsi+dir* 'он должен дать', но запрещена — **ver+mä+jäsi+dir*.

4) После аффикса -V⁴b- (подпорядок 6.8) не могут следовать аффиксы -dV⁴- (*idi*) или *imiš* (подпорядки 7.2 и 7.3).

Значение плюсквамперфекта при выборе аффикса -V⁴b- выражается с помощью форманта -mV⁴š (подпорядок 7.2) — *bat+yb+muš* 'он утонул'.

Всего устанавливается 12 правил, подобных вышеприведенным.

Описанный «механизм» порождения цепочек аффиксов, являясь фрагментом грамматики азербайджанского языка, должен порождать все грамматически правильные глагольные формы и не образовывать ни одной неправильной.

Таблица 2

Распределение аффиксов турецкого глагола по порядкам

Порядки и подпорядки	Глагольные аффиксы	Значения	Примеры
1	2	3	4
1.0	∅		
1.1	-п-	возвратность	gör+ün+mek
1.2	-ş-	взаимность-совместность	bak+iş+mak
2.0	∅	каузативность	
2.1	-dV ⁴ r-, -t- и другие алломорфы		yika+n+dır+mak koş+uş+tur+mak
3.0	∅	пассивность	
3.1	-l-		yap+iş+dır+l+mak
4.0	∅	возможность	
4.1	-V ² bil-		yap+iş+dır+abil+mek
4.2	-V ² -		gid+e+me+di
5.0	∅	отрицание	
5.1	-mV ² -		yap+tır+ma
6.1	-yog-	настоящее время данного момента	gid+e+me+yor
6.2	-r-	настоящее-будущее время	gid+ebil+ir+sin
6.3	-z-		gid+me+z
6.4	∅		gid+me+∅ ^{6.4} +m

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
6.5	-mV ² ktV ² -	настоящее длительное время	yaz+a+ma+makta+dir
6.6	-mV ⁴ ṡ-	прошедшее субъективное время	gid+e+me+miṡ+sin
6.7	-V ² cV ² k-	будущее категорическое время	gid+ebil+mi+yacak+sin
6.8	-mV ² lV ⁴ -	долженствование	yaz+iṡ+ma+mali+sin
6.9	∅	повеление	gö: +me+∅ ^{6,9} +sin
6.10	-dV ⁴ -	прошедшее категорическое время	söyle+me+di+niz
6.11	-sV ² -	условность	gel+ebil+se+n
6.12	-V ² -	желательность	gel+e+sin
7.0	∅	вопросительность	
7.1	-mV ⁴ -		gel+meli+mi+yim
8.0	∅	сложные формы прошедшего времени (8.1) и субъективной модальности (8.2) в сочетании с аффиксами 6-го порядка	
8.1	idi (-dV ⁴ -)		yaz+makta+mi+ydi+n
8.2	imiṡ (-mV ⁴ ṡ-)		yaz+acak imiṡ+im
9.0	∅	условная модальность	
9.1	ise (-sV ² -)		gel+meli+ydi+ise
10.1	1P	1-е лицо	gel+iyor+um, gel+di+m
10.2	2P	2-е лицо	gel+ecek+sin, gel+di+n
10.3	3P	3-е лицо	gel+mekte+dir, gel+iyor+∅ ^{10,3}
11.0	∅	множественное число	
11.1	P1		gel+mekte+dir+ler, gel+me+z+sin+iz

Действительно, грамматика порядков строит все правильные (зафиксированные в текстах и нормативных грамматиках) азербайджанские глагольные формы. Однако эта модель не просто суммирует эмпирические данные. Она порождает не только наблюдаемые формы, но и те, которые принципиально допустимы, но не употребляются в речевой практике. Причем грамматика порядков строится на основании неизмеримо меньшего количества наблюдаемых цепочек аффиксов, чем то, которое она может породить.

Экспериментальная проверка модели показала, что заведомо неправильные цепочки ею не выдаются. Но некоторые, построенные грамматикой порядков, но практически не употребляемые глагольные формы, хотя и могут быть легко поняты и переведены, не воспринимаются как нормальные формы азербайджанского языка. Это прежде всего относится к цепочкам аффиксов длиной более семи порядков. Так, например, от глагольной основы *agala* 'разнимать (дерущихся)' можно образовать форму *agala+š^{1.2}+dyr^{2.1}+yl^{3.1}+a bil^{4.1}+mä^{5.1}+mš^{6.7}+di^{7.1}+Ø^{8.3}+lär^{9.1}+sä^{10.2}* 'если они не смогли (давно) быть разнятыми'. Здесь последовательность формантов содержит аффиксы из всех десяти порядков системы, причем довольно четко ощущается искусственность этой формы. Однако структурные законы, ограничивающие появление форм, подобных указанной, отсутствуют. Следует заметить, что, если возникает необходимость достижения большей адекватности модели, дополнительные ограничения легко формулируются.

Азербайджанский язык отличается почти идеальной упорядоченностью глагольных аффиксов. Описанная система порядков не отражает лишь весьма ограниченного числа форм, в которых наблюдается некоторая неупорядоченность аффиксов последних порядков; причем это не нарушает всю систему. Кроме того, опущенные формы являются альтернантами некоторых цепочек, порождаемых грамматикой порядков. Например, форма *gajtar+ar+sa+g* 'если возвратим' существует наряду с *gajtar+ar+yg+sa*.

Однако в других языках, например в турецком, неупорядоченность затрагивает значительную часть системы порядков, и не принимать это во внимание, исключив из рассмотрения большое число форм, не представляется возможным.

Из распределения турецких глагольных аффиксов по порядкам (таблица 2) можно видеть, что грамматика порядков применима здесь лишь при отсутствии в цепочках элемента подпорядка 7.1 (аффикса вопроса *-mV⁴⁻*). Что касается цепочек с элементом 7.1, то они часто оказываются неправильными. Так, вместо последовательности **gel+di+mi+uim*, порождаемой таблицей порядков, в турецком языке функционирует цепочка *gel+di+m+mi*. В то же время существует правильная последовательность *gel+iyor+mi+uim*. Налицо явная неупорядоченность вопросительного и личных аффиксов.

Уже отмечалось, что можно избежать нарушения общей упорядоченности, поместив взаимно неупорядоченные элементы в один порядок. Так, объединение неупорядоченных элементов с успехом осуществлено [10] для залоговых аффиксов узбекского глагола. В рассматриваемом же случае турецкого глагола нам пришлось бы для этого собрать в один порядок не только аффиксы 7-го, 10-го и 11-го порядков, но также аффиксы промежуточных 8-го и 9-го порядков. Кроме того, нужно было бы сформулировать десятки дополнительных правил для сочетаний элемен-

тов внутри этого порядка, что предельно усложнило бы модель, сделало бы её гримоздкой и неудобной для использования.

В подобном случае следует отказаться от указанных усложнений грамматики порядков, дополнив ее системой трансформаций, т. е. преобразований, которым подвергаются некоторые порождаемые грамматикой порядков цепочки. Это столь же необходимо, как известное дополнение модели непосредственно составляющих трансформационной моделью. При этом следует различать:

а) обязательные трансформации, которые необходимо применять всякий раз, когда грамматика порядков порождает определенные цепочки;

б) возможные (факультативные) трансформации, применяемые для расширения множества цепочек, которые порождаются грамматикой.

Очевидно, что возможные трансформации применяются только к правильным цепочкам, тогда как обязательные — лишь к неправильным.

Например, для описания турецкого глагола в рамках грамматики порядков необходимо ввести следующие обязательные трансформации:

$$(1) \quad \left. \begin{array}{l} 6.9 \\ \dots \\ 6.12 \end{array} \right\} \&7.1\&8.0\&10\&11 \longrightarrow \left. \begin{array}{l} 6.9 \\ \dots \\ 6.12 \end{array} \right\} \&10\&11\&7.1\&8.0$$

$$*gel+di+mi+yim \longrightarrow gel+di+m+mi$$

$$(2) \quad \left. \begin{array}{l} 6.1 \\ \dots \\ 6.8 \end{array} \right\} \&7.1\&8.0\&10.3\&11.1 \longrightarrow \left. \begin{array}{l} 6.1 \\ \dots \\ 6.8 \end{array} \right\} \&10.3\&11.1\&7.1\&8.0$$

$$*gel+ecek+mi+\emptyset^{10.3}+ler \longrightarrow gel+ecek+\emptyset^{10.3}+ler+mi$$

$$(3) \quad 6.12\&7.1\&8.1\&10\&11 \longrightarrow 6.12\&8.1\&10\&11\&7.1$$

$$*gel+e+mi+ydi+m \longrightarrow gel+e+ydi+m+mi$$

Что касается азербайджанского глагола, то поскольку соответствующая грамматика порядков не порождает неправильных форм, обязательные трансформации в системе грамматики отсутствуют. Однако, если требуется получить исчерпывающее описание всех личных форм глагола, применяется ряд факультативных трансформаций. Например, приведенная выше форма *gajtar+ag+sa+g* образуется с помощью трансформации:

$$6.3\&7.0\&8\&9\&10.2 \longrightarrow 6.3\&7.0\&10.2\&8\&9$$

В азербайджанском языке насчитывается шесть различных парадигм для глагольных аффиксов, объединяющих значения лица и числа. В соответствии с парадигматическим описанием этих аффиксов следовало бы разделить восьмой порядок на шесть подпорядков, которые заполнились бы аффиксами по такой схеме:

Подпорядки	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
8.1	V ² m	V ⁴ X	sV ² n	sV ⁴ nV ⁴ z	∅	IV ² r
8.2		»	»	»	dV ⁴ r	dV ⁴ rIV ² r
8.3	m	X	»	»	∅	IV ² r
8.4	»	»	n	nV ⁴ z	»	»
8.5	V ⁴ m	V ² X	∅	V ⁴ n	sV ⁴ n	sV ⁴ nIV ² r
8.6	—	—	sV ² n	sV ⁴ nV ⁴ z	∅	IV ² r

Примечания:

8.1. Парадигма личных аффиксов, употребляемых непосредственно после аффиксов времени и наклонения подпорядков 6.1, 6.3, 7.2 и 7.3: *вах+уг+ам* 'я смотрю', *вах+уг+∅* 'он смотрит', *вах+уг+лаг* 'они смотрят'.

8.2. Личные аффиксы, употребляемые после аффиксов подпорядков 6.2, 6.5, 6.7, 6.10 и 6.11: *вах+mys+ам* 'я посмотрел', *вах+malу+dуг* 'он должен посмотреть', *вах+asy+dуг+лаг* 'им нужно посмотреть'.

8.3. Личные аффиксы, употребляемые после аффикса подпорядка 6.9: *вах+а+тм* 'посмотреть бы мне', *вах+а+supуз* 'посмотреть бы вам'.

8.4. Аффиксы, следующие за аффиксами подпорядков 6.6, 6.12 и 7.1: *вах+dy+∅* 'он посмотрел', *вах+sa+пуз* 'если вы посмотрите'.

8.5. Парадигма личных аффиксов, употребляемых с подпорядком 6.13: *вах+∅^{6.13}+∅* 'смотри', *вах+∅^{6.13}+sup* 'пусть он посмотрит'.

8.6. Личные аффиксы, следующие за аффиксами подпорядков 6.4 и 6.8. Аффиксы этих подпорядков не употребляются для 1-го лица единственного и множественного числа: *вах+та+z+∅* 'он не посмотрит', *вах+yb+лаг* 'они смотрели'.

В приведенной таблице можно заметить значительное сходство некоторых парадигм. Так, разница между группами аффиксов 8.1 и 8.2 заключается лишь в добавлении *-dV⁴r-* в 3-ем лице. Группа аффиксов 8.4 отличается от 8.3 только усеченной формой 2-го лица. Аффиксы же парадигм 8.1 и 8.3 различает лишь огласовка в первом лице.

Такое описание является неэкономным и в значительной мере увеличивает число правил, ограничивающих сочетание аффиксов шестого и седьмого порядков с различными парадигмами личных аффиксов. С точки зрения компактности описания более целесообразно отделить аффикс личивает сложность грамматики порядков, так как приходится вводить множественного числа от личных аффиксов. Для третьего лица очевидным показателем множественности является аффикс *-IV²r-*. Нетрудно выделить в качестве такого показателя фонологическое единство *-V⁴z-*.

и во втором лице. Только для первого лица осуществление этой операции представляет определенную трудность. Однако фонетическое сходство аффиксов соответствующих лиц и довольно очевидные закономерности изменений их структуры позволяют построить исчисление алломорф личных аффиксов (восьмой порядок) и аффикса множественного числа (девятый порядок) достаточно простым способом³.

(1) 1-е лицо (подпорядок 8.1)*

$$8.1 \longrightarrow \left\{ \begin{array}{l} V^2 \\ \emptyset \\ V^4 \end{array} \right\} m \quad \left. \begin{array}{l} \text{окр.: } 6.1V6.2V6.3V6.5V6.7V6.10V6.11V7.2V7.3 \text{ ---} \\ 6.6V6.9V6.12V7.1 \text{ ---} \\ 6.13 \text{ ---} \end{array} \right\}$$

(2) 2-е лицо (подпорядок 8.2)

$$8.2 \longrightarrow \left\{ \begin{array}{l} sV^2 \\ \emptyset \\ \emptyset \end{array} \right\} n \quad \left. \begin{array}{l} \text{окр.: } 6.1V...V6.5V6.7V6.8V6.10V6.11 \text{ ---} \\ 6.6V6.9V6.12V7.1 \text{ ---} \\ 6.13 \text{ ---} \end{array} \right\}$$

(3) Дополнительное правило для подпорядков 8.1 и 8.2

$$\left. \begin{array}{l} m \longrightarrow X \\ V^2 \longrightarrow V^4 \\ V^4 \longrightarrow V^2 \end{array} \right\} \text{окр.: --- } 9.1$$

(4) 3-е лицо (подпорядок 8.3)

$$8.3 \longrightarrow \left\{ \begin{array}{l} dV^4r \\ \emptyset \\ sV^4n \end{array} \right\} \left. \begin{array}{l} \text{окр.: } 6.2V6.5V6.7V6.10V6.11 \text{ ---} \\ 6.1V6.3V6.4V6.6V6.8V6.9V6.12V7.1V7.2V7.3 \text{ ---} \\ 6.13 \text{ ---} \end{array} \right\}$$

(5) Множественное число (подпорядок 9.1)

$$9.1 \longrightarrow \left\{ \begin{array}{l} \emptyset \\ V^z \\ IV^z \end{array} \right\} \left. \begin{array}{l} \text{окр.: } 8.1 \text{ ---} \\ (6.1V...V6.12) \& 8.2 \text{ ---} \\ 6.13 \& 8.2 \text{ ---} \\ 8.3 \text{ ---} \end{array} \right\}$$

Простота исчисления алломорф личных аффиксов и аффикса множественного числа присуща далеко не всем тюркским языкам. Однако, если можно усомниться в целесообразности выделения в отдельный порядок аффикса множественного числа в том же азербайджанском языке, то в таких языках, как турецкий, гагаузский или крымско-татарский, возможность выделения аффикса множественного числа представляется столь очевидной, что пренебрегать ею не следует.

³ Подобный подход к анализу личных морфем турецкого языка был впервые предложен в работе Р. Лиза [12]. Ясные особенности структуры этих морфем дали возможность легко выделить аффикс множественного числа и построить простое исчисление всех алломорф личных аффиксов в терминах непосредственно составляющих. Там же дана сравнительная оценка двух систем описания — парадигматической и «компактной». Результат сравнения — в пользу последнего метода. Оказалось, что для традиционного описания требуется 479 синтаксических формативов (символов) и фонологических различительных признаков, тогда как при выделении аффикса множественного числа достаточно всего 180.

* V — символ логической связи «или» (взаимоисключающей дизъюнкции). Например, xVu означает «либо x, либо u».

В описании азербайджанского глагола мы ограничились только личными формами. Если включить в рассмотрение также неличные формы, то можно легко убедиться, что в системе азербайджанского глагола имеются аффиксы, место которых не определено строго в цепочках морфем, составляющих любую глагольную словоформу. К таким аффиксам принадлежит показатель инфинитивности $-mV^2X$, причастные и деепричастные аффиксы $-V^2n$ -, $-dV^4X$ -, $-V^2rV^2X$ - и др. Все эти аффиксы должны располагаться после аффиксов пятого порядка. Однако сочетание показателя инфинитивности и причастных аффиксов порядков 6, 7, 10 запрещено: да и личные аффиксы, присоединяясь к этим показателям, претерпевают некоторые изменения (здесь используется еще одна парадигма личных аффиксов — аффиксы принадлежности). Деепричастные аффиксы не появляются в одной цепочке со всеми аффиксами последующих порядков.

И. И. Ревзин и Г. Д. Юлдашева [10] высказывают мысль, что в случае, когда значение какого-либо показателя несовместимо со значением аффиксов ряда последующих порядков, этому показателю могут быть приписаны номера последних. Таким образом, следовало бы приписать, например, деепричастному аффиксу $-V^2rV^2X$ - порядки 6—10, то есть те порядки, с аффиксами которых этот аффикс не соединяется: *bağ+ta+jağag* 'не смотря'. Как видно из примера, аффикс $-V^2rV^2X$ - следует за аффиксом пятого порядка $-mV^2$ -, а за ним запрещено следование всех других аффиксов. Показателю инфинитивности и причастным аффиксам могут быть приписаны порядки 6 и 7 (в том случае, если в исчисление личных морфем введена парадигма аффиксов принадлежности): *oxu+ta+tağ* 'не читать', *oxu+duy+um kitab* 'прочитанная мною книга'.

Нам же кажется, что нет смысла искать место для указанных аффиксов в той системе порядков, которая была описана. Гораздо удобнее пользоваться несколькими системами порядков, однако такими, в которых каждый аффикс располагается в строго определенном порядке. Можно выделить три такие системы для азербайджанского языка, характеризующиеся довольно высокой степенью общности правил грамматики:

а) первая система отличается наличием личных аффиксов и отсутствием падежных. Она порождает личные формы глагола;

б) вторая система имеет в качестве отличительной черты наличие порядка для падежных аффиксов. Здесь порождаются имена, формы инфинитива и причастия;

в) в третьей системе отсутствие личных морфем характеризует грамматику порядков для деепричастий.

Безусловно, у всех этих трех систем будут общие части. Однако такого рода пересечение систем порядков неизбежно и в случае соответствия грамматики порядков определенному классу основ, поскольку нельзя, исходя только из одних формальных признаков, разделить основы на именные и глагольные.

Особое место в системе тюркского глагола занимают так называемые перифрастические формы. Перифрастические формы глагола, аналитически выражающие видо-временные и модальные значения, состоят из двух компонентов: первым компонентом являются причастные формы исходных основ, вторым — некоторые формы глаголов *ol*-, *hol*-, *bulup*- и др. Для перифрастических форм азербайджанского глагола грамматика порядков должна состоять из двух систем порядков: 6-порядковой системы для первого компонента и системы порядков для глагола *ol*-, в которой отсутствуют залоговые аффиксы. Что касается аффиксов при

глаголе *ol-*, то их число ограничено, а применение зависит от аффиксов первого компонента. Следует отметить, что при этом формулируется значительное число ограничительных правил, связывающих обе системы порядков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Harris Z. S.* Structural linguistics. Chicago, 1961.
2. *Ferguson Ch.* A Chart of the Bengali Verb. — «Journal of the American Oriental Society», v. 65, 1945, № 1.
3. *Уокояма М.* The Inflection of 8-th Century Japanese. Baltimor, 1950, 46—47.
4. *Brodde B., Karlgren H.* Relative position of elements in linguistic strings. — «Statistical methods in linguistics», 1964, № 3.
5. *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, 164—169.
6. *Щербак А. М.* О методике морфологического описания языка. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.
7. *Баскаков Н. А.* Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика). — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, 27—32.
8. *Велиева К. А.* Формальное описание расстановки морфем азербайджанского слова. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова», серия языка и литературы, 1968, № 1.
9. *Якубова Н. К.* Правила формального синтеза узбекских словоформ. — «Система и уровни языка». М., 1969.
10. *Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д.* Грамматика порядков и ее использование. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1.
11. *Пинес В. Я.* Об одной модели автоматического синтеза (на материале личных глагольных форм азербайджанского языка). — «Научно-техническая информация», серия 2, 1970, № 1.
12. *Lees R. B.* A compact analysis for turkish personal morphemes. — «American Studies in Altaic Linguistics». Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, v. 13, 1962.

Ш. АТЕНОВ

ОБОСОБЛЕНИЕ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)

В отличие от русского языкознания, в котором широко представлены работы об обособленных членах предложения¹, в тюркологии эта проблема является совершенно новой и почти неразработанной. Поэтому, приступая к ней, тюркологи широко и успешно используют труды русских лингвистов, ибо целый ряд выдвинутых в них методологических положений по проблемам обособления, такие, например, как интонационная выделенность обособленных членов предложения (А. А. Потебня), относительная самостоятельность членов обособления (А. А. Потебня), предикативный (А. А. Шахматов), полупредикативный характер обособленных членов предложения (В. В. Виноградов) и, наконец, сам термин «обособленные члены предложения» вполне применимы и к языкам тюркской группы.

Конструкции с обособленными приложениями по классификации А. А. Потебни относятся к группе аппозитивного атрибута. А. А. Потебня считал, что аппозитивный атрибут отличается от обычного атрибута тем, что имеет большую самостоятельность в предложении. Он выполняет промежуточную функцию между собственно атрибутом (определением) и определительным предложением с глагольным сказуемым. Поэтому, хотя аппозиция и не составляет предложения, но самостоятельнее простого атрибута и заключает в себе известную степень предикативности, которой нет в собственно атрибуте.

«Обособленные члены предложения и обособленные конструкции, — пишет В. В. Виноградов, — представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения, выделяемые средствами инверсии и интонации, — с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике. Обособленные члены предложения обычно наполнены живой экспрессией, подчеркиваются логически или эмоционально»². Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой о «полупредикативности» обособ-

¹ А. Х. Востоков. Сокращенная русская грамматика. СПб., 1848; Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1837; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1881; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. 1—2. Харьков, 1881; Д. Н. Овсянко-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941; В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955; Е. В. Кротевич. Обособление второстепенных членов предложения в современном русском языке. Алма-Ата, 1941; А. М. Земский, С. Е. Крючков и М. В. Светлаев. Русский язык, ч. II. М., 1953; А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения. Л., 1947.

² В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 418.

ленного приложения можно говорить лишь в сравнении с необособленным приложением. Обособленное приложение, обладая некоторой смысловой самостоятельностью, имеет значение дополнительного побочного сообщения, даваемого как уточнение или напоминание. Иначе говоря, «полупредикативность» обособленного приложения является ничем иным как коммуникативной нагрузкой этого члена предложения, универсальным средством выражения которой является интонация³.

Элементы предикативности (хотя и несколько ослабленные в связи с наличием в предложении основного предиката — сказуемого) в той или иной мере присущи почти всем обособленным приложениям. Они возникают в зависимости от утверждения или отрицания того или иного признака, обозначенного приложением. В предложениях с обособленными приложениями всегда содержится не менее двух утверждений признаков определяемого слова — первое утверждение принадлежит сказуемому, второе — обособленному приложению.

Впервые вопрос об обособлениях в тюркских языках был затронут в исследованиях Н. К. Дмитриева по башкирскому языку⁴. Одним из приемов обособления Н. К. Дмитриев считает изменение обычного порядка слов. «Для тюркских языков вообще и башкирского в частности, — пишет он, — прием обособления связан не только с принципом смыслового выделения частей фразы путем интонационных средств, но и с нарушением твердого порядка слов в предложении». Далее он особо подчеркивает, что «обособление часто применяется тогда, когда в составе фразы имеется приложение». Таким образом, Н. К. Дмитриев, изучая грамматические особенности приложений, одним из первых в тюркологии поставил вопрос об обособлении второстепенных членов предложения и выдвинул в качестве одного из основных условий обособления в тюркских языках нарушение естественного порядка слов. Однако утверждение Н. К. Дмитриева, что «обособление, как определенный синтаксический прием, относится к новейшему периоду в развитии башкирского языка»⁵, является недостаточно обоснованным, так как факты истории тюркских языков, в том числе и башкирского, показывают на существование в них обособленных конструкций еще с глубокой древности.

Некоторые тюркологи⁶ считают, что обособленное приложение стоит за уточняемым им членом предложения. Они расширили понятие приложения в современных тюркских языках, допуская возможность включения в эту грамматическую категорию не только имен существительных, но и прилагательных и других частей речи. В качестве основного признака, отличающего обособленные второстепенные члены предложения от необособленных, ими выдвигается свойство обособленных приложений иметь добавочное (разъясняющее и уточняющее) значение, близкое к значению придаточных предложений.

К наиболее важным признакам обособления А. Н. Кононов вслед за Н. К. Дмитриевым относит: 1) нарушение обычного порядка слов в предложении и 2) синтаксическую несочетаемость слов, связанных по смыслу.

В казахском языкознании вопрос об обособлении относится к числу почти неисследованных. Термин «обособленные члены предложения»

³ К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, стр. 201.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.

⁵ Там же, стр. 224.

⁶ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М., 1950, стр. 181—191; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 427.

был введен в школьную грамматику С. Аманжоловым⁷. Подчеркивая уточняющий характер обособленного приложения, С. Аманжолов дает следующее подразделение: а) обособленное подлежащее; б) обособленное определение; в) обособленное дополнение; г) обособленное обстоятельство.

Все обособленные члены предложения, по мнению С. Аманжолова, являются подвидами обособленного приложения и поэтому именуются им «обособленные приложения». В основе данной классификации лежит только синтаксическая функция членов предложения и поэтому считать обособленное определение и обособленное обстоятельство (за исключением некоторых видов обстоятельств) обособленным приложением нам представляется неверным.

Авторам «Граматики казахского языка» и школьных грамматик, рассматривающим обособленное определение, обособленное подлежащее, обособленное дополнение и обособленное обстоятельство только в функционально-грамматическом плане, они представляются в качестве обычных подлежащего, дополнения и обстоятельства. Даже из того немногочисленного, что сделано в данной области у казахских лингвистов, видно отсутствие у них единого мнения в вопросе классификации обособленного приложения.

М. Балакаев об обособленном приложении пишет: «В другом случае приложение употребляется в качестве обособленного члена предложения для уточнения принадлежности, возраста, профессии и др. Обособленное приложение, как особый синтаксический прием, в основном заимствовано из русского языка и употребляется главным образом в переводной литературе для уточнения и разъяснения значения определяемых слов. Приложение этого типа ставится после местоимений, существительных, наречий, выступающих в качестве как главных, так и второстепенных членов предложения»⁸.

Следует подчеркнуть, что подобная трактовка вопроса об обособленном приложении не раскрывает грамматической сущности обособления в современном казахском языке, а объяснение существования обособленного приложения в современном казахском языке заимствованием из русского языка представляется необоснованным, так как оно бытует и в устной казахской речи.

В некоторых тюркских языках, в частности в современном чувашском, для подчеркивания смысловой роли атрибута одиночное обособленное определение употребляется с прибавлением к нему аффиксов *-sker*, *-maš*, *-meš*⁹. Например: *asla kartiše* 'просторный огород'; *kartiše*, *aslasker* 'огород, просторный'.

В первом случае определяемое и определение сочетаются по способу примыкания, а во втором — определение, занимая по отношению к определяемому слову постпозитивное положение, согласуется с ним в числе и падеже (способ согласования). Такое явление наблюдается и в современном турецком языке, где определение, нарушая обычный порядок слов, обособляется, например: *Gözleri, kararsız ve ürkek, üzerimde dolaşıyordu* 'Ее глаза, робкие и пугливые, блуждали по мне'. Без обособления это предложение имело бы вид: *Kararsız ve ürkek gözleri üzerimde*

⁷ С. Аманжолов, И. Уйыкбаев, И. Эбілжаев. Қазақ тілі грамматикасы. II — бөлім. Синтаксис. Алматы, 1959, стр. 73—76.

⁸ М. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959, стр. 181—183.

⁹ Н. П. Петров. Обособленные определения и приложения. — «Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXI. Чебоксары, 1962, стр. 275.

dolaşıyordu. Как видно из приведенных примеров, обособление определения в турецком языке образуется проще (нарушением обычного порядка слов), чем, скажем, в чувашском языке. По своей структуре такое обособленное определение ближе к обособленному определению в современном русском языке.

Для казахского же языка обособление определений, как уже отмечалось, является нехарактерным. Оно очень редко встречается в художественной литературе и в весьма ограниченном числе в языке прессы; обособляются только однородные определения (путем нарушения обычного порядка слов), а одиночные определения почти не обособляются. Например: Ахмет ағаж, аш, жалаңаш, ағук, ауылға кетіп бара жатты 'Дядя Ахмет, голодный, голый, худой, идет в направлении аула'. Данное обособленное определение в упомянутой выше «Грамматике казахского языка» рассматривается как обособленное приложение, что ни одно и то же.

В тюркологии обособлением называют такие смысловые и интонационные отрезки речи, которые образуются путем выделения того или иного главного или второстепенного члена предложения как вместе с относящимися к нему или зависящими от него словами, так и без них, но в любом случае составляющими грамматически связанное целое. Обособления выделяются особой интонацией, паузой и темпом речи. Благодаря интонационному выделению обособленные члены предложения приобретают большую самостоятельность и выразительность. Специфика обособленного приложения заключается в том, что признаки или особенности названного в предложении предмета или лица выявляются при помощи другого существительного или субстантивированной части речи, выступающих в качестве второго названия. И оба эти названия (определяемое слово и собственно приложение) относительно равноценны¹⁰.

Многочисленные примеры из художественной литературы показывают, что в современном казахском языке обособленные приложения широко распространены при местоимениях. Это объясняется самой грамматической природой местоимений, их лексико-семантическими и синтаксическими особенностями. Местоимение — часть речи, персонализирующая предмет или указывающая на обобщенные предметы в связи с их определенностью, неопределенностью, количественной и качественной сущностью и т. д., — всегда испытывает грамматическую потребность в атрибутивной конкретизации своей семантики с помощью других поясняющих слов. В силу того, что местоимениям в современном казахском языке не свойственно выступать вместе с определениями и необособленными приложениями, последние при местоимениях употребляются только обособленно. Чаще всего в качестве определяемых выступают личные местоимения.

Обособленное приложение в современном казахском языке, как и в других тюркских языках, в отличие от русского встречается только в постпозиции. Например: тур. Biz, talebeleler, arkadan yürüdük, каз. Bizder, okuşılar, sonında kele žattık 'Мы, ученики, шли позади'; тур. Onu, bu adamı, Siz bilir misiniz? каз. Ony ol adamdy, Siz bilesiz be? 'Его, этого человека, Вы знаете?'

Следует отметить, что приложение более склонно к обособлению, нежели собственно определение. Данное явление связано со спецификой и характером самого приложения, с особенностями его морфологической структуры и грамматического оформления. Своеобразный вид паралле-

¹⁰ М. А. Ванслова. О связи слов в предложении. — Журн. «Русский язык в школе», 1952, № 1, стр. 29.

лизма форм согласования приложения с определяемым словом приводит к ослаблению их синтаксической связи. Такого рода синтаксическая связь, являясь менее тесной, чем связь собственно определения с определяемым, способствует тому, что приложение подвергается обособлению больше определения-прилагательного. Обособленное приложение является ярким выражением семантико-стилистического назначения обособления в речи, заключающегося в уточнении и конкретизации предмета. По своей структуре обособленные приложения могут быть распространенными и нераспространенными. Распространенные обособленные приложения состоят из разнообразных словосочетаний с именем существительным в роли главного, конструктивно ведущего слова. В качестве нераспространенных обособленных приложений выступают одиночные имена существительные. В современном казахском языке распространенные обособленные приложения употребляются чаще, чем нераспространенные. Классифицируя обособленные члены предложения в современном казахском языке, следует исходить из следующих признаков: синтаксических, морфологических и лексико-семантических.

В **синтаксическом** отношении все обособленные члены предложения делятся на:

- 1) обособленное определение;
- 2) обособленное приложение:
  - а) при подлежащем,
  - б) при дополнении,
  - в) при обстоятельстве (времени и места),
  - г) при определении-существительном в род. пад.;
- 3) обособленное обстоятельство.

В **морфологическом** отношении обособленное определение должно выражаться только прилагательными, а обособленное приложение — именем существительным или субстантивированными частями речи.

В **лексико-семантическом** отношении собственно приложение обозначает: 1) имя, отчество; 2) родственные связи; 3) национальность; 4) принадлежность к партиям и общественным группам; 5) титул; 6) профессию, должность, звание и т. п.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. МАХМУТОВ

ТАТАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КУМАНСКИХ ЗАГАДОК

Систематическое собрание и публикация татарских народных загадок начались лишь с середины прошлого столетия. Отдельные образцы этого жанра были зафиксированы еще в некоторых древнетюркских рукописных памятниках, что свидетельствует о его широкой популярности. Наибольшую ценность в этом отношении представляет «Кодекс Куманикус» (1303 г.), включающий 46 загадок, известных в тюркологии под названием куманских.

«Кодекс Куманикус» справедливо считается общим достоянием тюркоязычных народов. Фольклорный материал Кодекса имеет самое непосредственное отношение к устному поэтическому творчеству казахов, башкир, азербайджанцев, татар, туркмен и многих других тюркоязычных народов, в обиходе которых до сих пор сохранилась значительная часть куманских загадок. Однако пока еще этот вопрос изучен недостаточно. На наш взгляд, важно выяснить, какие именно загадки из Кодекса встречаются в современных фольклорных сборниках; претерпели ли они какие-либо изменения в тематическом, языковом и художественном отношении. Попытаемся ответить на эти вопросы, обращаясь к материалам татарского народно-поэтического творчества. Исследователи куманских загадок В. В. Радлов, В. Банг, Ю. Немет, С. Е. Малов и многие другие, за исключением американского ученого А. Титце, в своих работах почти не пользовались материалами татарских загадок, а в татарской фольклористике загадки Кодекса до сих пор еще не стали предметом специального исследования. Достаточно сказать, что из 46 куманских загадок до недавнего времени в научной литературе упоминалось лишь около десяти. Несколько шире освещается эта проблема в работе автора настоящей статьи «Коман мәжмугасындагы табышмактар» (Загадки «Кодекс Куманикус»)¹. Составитель сборника татарских загадок Н. Исанбет² приводит к некоторым загадкам сборника параллели из Кодекса, сопровождая их содержательным комментарием.

Большинство куманских загадок (33 из 46) имеет стихотворную форму с преобладанием двустрочных и четырехстрочных строф, написанных четырех-, пяти-, семи- и восьмисложными размерами. Для языка загадок характерны разнообразные художественные приемы поэтической речи: тропы, рифма, анафора, аллитерация, ассонанс. При сравнении стилистических особенностей современных татарских и куманских

¹ Журн. «Казан утлары», 1969, № 11, стр. 157—164.

² Н. Исанбет. Татар халык табышмактары. Казан, 1970.

загадок обращает на себя внимание наличие преемственности между ними. Убеждает нас в этом и существование в татарском народном творчестве близких параллелей загадкам Кодекса. В одних случаях древние и современные тексты почти идентичны, в других — наблюдаются некоторые отклонения, чаще всего относящиеся к лексике и к отгадкам загадок.

ЗАГАДКА VI³

Ak k'üjmäniñ avzu jok.
Ol jumurtka⁴.

В чтении и толковании тюркологами этой загадки имеются существенные расхождения. В части текста, находящейся между словами *ak* и *avzu*, Ю. Немет склонен видеть два слова: *küj* и *mämi*. Он предлагает такой перевод: «Es ist weiß, hat keinen Bart und Mund»⁵ 'Само белое, бороды и рта не имеет'⁶. Сопоставление подобных признаков вызывает недоумение: из чего должен исходить отгадчик в поисках правильного ответа?

С. Е. Малов слово *küj*, как и Ю. Немет, понимает в значении «форма», но вместо *mämi* он по факсимиле читает *mätä* и дает следующий перевод: «По виду белая грудь, но без соска (отверстия)»⁷.

Имеется ещё вариант перевода, принадлежащий В. В. Радлову: «Ак üjütä avzu joq»⁸. Но здесь из текста выпадает буква «к». По справедливому замечанию Ю. Немета и С. Е. Малова, в этой редакции возникает «затруднение со словом «avzu» в значении «дверь» в применении к дому — üj...»⁹

На наш взгляд, наиболее приемлемой интерпретацией является вариант А. Титце. В слово *k'üjmä*, которое, кстати, и сейчас употребляется в татарском языке, он вкладывает обобщенный смысл: vaulted structure¹⁰ 'сводчатое сооружение'. В загадке могут подразумеваться или фургон со сводчатой крышей, или навес кочевника (шатер, юрта), имеющие некоторое внешнее сходство с яйцом.

В современном татарском фольклоре имеется целый ряд загадок, однотипных с упомянутой куманской¹¹:

Ак тирмәнән, ишеге юк.
'У белой юрты нет двери'.

Бер ак өй бар, керергә ишеге юк.
'Есть белый дом, нет двери для входа'.

Ак гәмбәзле бер таш мәчет бар, керергә ишеге юк...
'Есть каменная мечеть с белым куполом, нет двери для входа...'

Ак сарайнын, ишеге дә юк, тишеге дә юк.
'У белого дворца нет ни двери, ни отверстия'.

Кечкенә генә ак таш пулат, ишеге дә юк, тишеге дә юк.
'Маленький белокаменный дворец, не имеет ни двери, ни отверстия'.

³ Порядковые номера соответствуют расположению загадок в Кодексе.

⁴ Транскрипция текстов загадок выполнены нами на основе чтения их А. Титце в его монографии «The Koman Riddles and Turkic Folklore». University of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1966. — X. М.

⁵ J. Nemet. Die Rätsel des Codex Cumanicus. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1913, т. 67, стр. 582.

⁶ Здесь и в дальнейшем подстрочный перевод на русский язык наш. — X. М.

⁷ С. Е. Малов. К истории и критике Codex Cumanicus. — «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук», 1930, стр. 355.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ А. Титце. Указ. монография, стр. 28.

¹¹ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 211, 492.

Хотя приведенные загадки полностью не совпадают с куманской, однако между ними много общего. Во всех случаях в качестве метафорического образа использовано жильё, сооружение.

ЗАГАДКА VIII

K'ün altundan älcı k'elijrır,
K'ömis byryy tar[ta] k'elijr.
Aj altunda[n] eici k'elijr,
Altun byryy t[arta] k'elijr.
Ol...

Из-под солнца идет вестник,
Идет, играя на серебряном горне.
Из-под луны идет вестник,
Идет, играя на золотом горне.
Это...

В этом тексте неразборчиво написанные слова второй и четвертой строк, стоящие между k'ömiš — k'elijr и altun — k'elijr, Ю. Немец предлагал читать как kargitän (mit pfeile¹² 'со стрелой'), а В. Банг читал как «birgitän»¹³. Его поддерживал С. Е. Малов, который под этим словом понимал музыкальный инструмент — трубу¹⁴.

Основываясь на современных тюркских загадках, А. Титце восстанавливает неразборчивую часть строки, читая ее как byryy tarta. Для подтверждения своей гипотезы он приводит следующую загадку сибирских татар (дается в нашей транскрипции. — Х. М.):

Aj artyñnan juyrtkan jeg'et,
K'ön artyñnan juyrtkan jeg'et,
Altyn kuraj tartkan jeg'et,
K'ömes kuraj tartkan jeg'et.

'За луной бежал джигит,
За солнцем бежал джигит.
Играл на золотом курае¹⁵ джигит,
Играл на серебряном курае джигит'.
[Разновидность белого лебедя]¹⁶.

В упомянутом сборнике Н. Исанбета (стр. 480) мы встречаем такой вариант этой загадки:

Ай астыннан кайткан, Алтын курай тарткан, Көн астыннан кайткан, Көмеш курай тарткан. Сабан сөрү.	'Вернулся из-под луны ¹⁷ , Играл на золотом курае. Вернулся из-под солнца, Играл на серебряном курае. Пахота'.
--	---

Эти татарские загадки очень близки к их куманским вариантам. Однако еще большую ценность для правильного чтения и толкования древ-

¹² Ю. Немец. Указ. соч., стр. 583—584.

¹³ Там же, стр. 583.

¹⁴ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 357.

¹⁵ Курай — старинный музыкальный инструмент из полого стебля растений.

¹⁶ Загадка и ее подстрочник впервые были опубликованы в монографии Г. Х. Ала-това «Диалект западносибирских татар». Уфа, 1963, стр. 191—192.

¹⁷ Здесь, пожалуй, по смыслу более подходит такой перевод: «Вернулся, найдя-сь под луной», то есть работал ночью, при луне.

него текста представляет татарская народная песня «Чи камыш» («Зеленый камыш»), первые четыре строки которой почти слово в слово воспроизводят загадку из Кодекса. Там мы находим и выражение *byruu tarta*:

— Ай астыннан үткәндә,
Алтын быргы тартканда,
Көн астыннан үткәндә,
Көмеш быргы тартканда,
Безнен, уллар туганда¹⁸... и т. д.

ЗАГАДКА XV

Акса kajda kyslamys?	‘Беловатый где перезимовал?’
Kanly jerdä kyslamys.	На кровавом месте перезимовал.
Kany necik’ jukmamys?	Как не пристала [к нему] кровь?
Kap ortada kyslamys.	Перезимовал в самой середине.
Ol karyn javdyr.	Это нутряное сало’.

В этом тексте, зафиксированном почти 700 лет назад, нет ни одного слова, непонятного современному татарскому читателю. Единственный архаизм — *jav*, однако и он сохранился в татарском языке в диалектах и идиоматических выражениях: *Авызына бал да жау* ‘мед с маслом в твои уста’, *куз йавы* ‘глазное масло’, *баллы йау* ‘масло с медом’ и т. п. Что касается архаического причастия прошедшего времени на *мыш*, то эта форма была распространена в литературном языке дооктябрьского периода. Например:

Нәм дә Мәскәүдән дә маллар алмышым,
Сумына туксан тиенне чәлмешем¹⁹.

А вот современный вариант загадки, записанный в 1940 г. Н. Исанбетом от жителя села Байряки Ютазинского района Татарской АССР Г. Валиева:

— Қаны кайда кышладың?
— Агыйделдә кышладым.
— Қаны ничек тимәде?
— Уртасында кышладым.
Жилек²⁰.

Основное отличие данного варианта от древнего текста состоит в том, что словосочетание *kanly jerdä* ‘на кровавом месте’ заменено словом *Агиделдә* ‘на реке Белой’. Это, по-видимому, связано с изменением отгадки. *Жилек* ‘костный мозг’ находится внутри кости. Отсюда аналогия: белая кость — река Белая.

ЗАГАДКА XXI

К’ök’cä ulayum k’ög’endä semirrir.
Ol kuun.

‘Мой зеленоватый козленок жиреет на привязи.
Это дыня’.

¹⁸ Татар халык жырлары. Лирик жырлар. Йола жырлары. Казан, 1965, стр. 288.

¹⁹ Г. Тукай. Әсәрләр, т. 1. Казан, 1955, стр. 201.

²⁰ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 503.

В татарском фольклоре имеется очень близкая параллель этой загадки, основанная на той же метафоре и том же эпитете. Отгадки почти аналогичные:

Күк ылагым күк үлэндә ятып симерде.
Карбыз²¹.

'Мой зеленый козленок разжирел на зеленой траве.
Арбуз'.

ЗАГАДКА XXV

v v v v v v
Сарсасык үстүндә сарсасык.

Ol kamysdyg.

'Бочонок на бочонке.
Это камыш'.

ТАТАРСКАЯ ЗАГАДКА

Тустак естендә тустак,
Иң өстә — пәсәй койрыгы.
Жикән камыш²².

'Деревянная чаша на деревянной чаше,
На самом верху — кошачий хвост.
Рогозовый камыш'.

Куманская загадка и первая строка татарской загадки композиционно тождественны. В обоих случаях камыш изображен аналогичными образами. Интересно заметить, что слово *чапчак* в татарском языке более употребительно, чем *тустак*. Последнее теперь встречается лишь в некоторых диалектах.

ЗАГАДКА XXVI

Jäzdä jänj k'elin juyunadyg.

Ol kamys basydyg.

В толковании этой загадки исследователи в основном единодушны. Перевод, предложенный В. Бангом:

Auf der Ebene verbeugt sich die neue Schwiegertochter.
Auflösung: die Schilffähre²³.

'На равнине кланяется молодая невестка.
Отгадка: головка камыша'.

Интересен перевод слова *juyunadyg* в варианте В. В. Радлова: *kokettiert* 'кокетничает' или *dreht sich*²⁴ 'вертится'.

А. Титце в своей монографии к каждой загадке Кодекса находит в сборниках современных тюркских загадок десятки параллелей. В данном случае он ограничивается ссылкой лишь на одну туркменскую загадку, отгадка которой отличается от куманской (стр. 83). Приведенная

²¹ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 484.

²² Там же, стр. 138.

²³ Цит. по указ. соч. Ю. Немета, стр. 594.

²⁴ Там же.

ниже татарская загадка может рассматриваться как единичный пример подобного рода:

Су буенда яшь килен сырлана.
Камыш²⁵.

'На берегу (реки, озера и т. п.) прихорашивается
(кокетничает) молодая невестка.
Камыш'.

Нам думается, что смысл глагола *сырлана*, употребляемого в некоторых диалектах татарского языка²⁶, более соответствует значению глагола *juçupa* в толковании В. В. Радлова.

ЗАГАДКА XXVIII

Jäzdä javly kajys jatyr.
Ol jylandyr.

'В степи лежит жирный (масляный) ремень.
Это змея'.

ТАТАРСКАЯ ЗАГАДКА

Яланда майлы каеш ятыр.
Елан²⁷.

'В степи лежит жирный (масляный) ремень.
Змея'.

ЗАГАДКА XXIX

lcer, jer,
İninä kirer.
Ol bysakdyr.

'[Он] пьет, ест,
[Затем] идет в свою берлогу.
Это нож'.

ТАТАРСКАЯ ЗАГАДКА

Эчәр-жияр, ененә керер.
Кылыч²⁸.

'[Он] пьет-ест, [затем] идет в свою берлогу.
Сабля'.

В этих двух примерах татарские загадки идентичны с куманскими. Нужно сделать лишь две небольшие оговорки. В первой загадке место архаических слов *jäzdä* и *javly* занимают их современные адекваты «яланда» и «майлы». Во второй имеется незначительное расхождение в отгадке.

²⁵ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 138.

²⁶ Татар теленен диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, стр. 28, 154, 382.

²⁷ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 488.

²⁸ Там же, стр. 536.

ЗАГАДКА XXXV

Tüma tüd'im
Tütg'äng'ä saldym.
Ol usdyr.

Перевод А. Титце:

I tied a knot,
I put it on the smoking one.
That is the mind²⁹.

'Я завязал узел,
Я положил его на дымящий узел.
Это память (мысль, ум).'

Слово tütg'äng'ä из второй строки толкуется исследователями по-разному. У В. Банга: Und auf das Geknotete gelegt³⁰ 'И на завязанного положил'; у Ю. Немета: Und auf den Rauchfang gelegt³¹ 'И положил на дымоход'; у С. Е. Малова 'И бросил на спорщика'³².

Заслуживает внимания татарская параллель этой загадки:

Төймә тейдем,
Төпкә салдым.
Ис, хәтергә алу³³.

'Набил (утрамбовал) пуговицу,
(И) положил на дно.
Сознание, запоминание'.

Н. Исанбет, комментируя эту загадку, указывает, что пуговицы татары изготавливали из кожи или шерстяной ткани путем «набивки и утрамбовки». У татар-мишарей и сейчас встречается выражение «түмә түдем», которое, кстати, абсолютно тождественно с первой строкой куманской загадки. В татарской фразеологии имеется поговорка «Агачтан төймә төя» 'Из дерева набивает пуговицу', переносный смысл которой — «мастер на все руки»³⁴.

Эта же загадка встречается с отгадкой *кендек*³⁵ 'пупок'.

ЗАГАДКА XL

Avzum acsam öpk'äm k'örünir.
Ol: esik acsa ot k'örüng'ändir.

'Если открою рот, покажутся мои легкие.
Это: если открывают дверь, показывается огонь'.

В данной куманской загадке отразилось поэтическое описание юрты кочевников. Как известно, очаг в юрте располагался против входа в нее. Заходящего в полутемную юрту ослепляло ярко-красное пламя очага. Содержание этой загадки давно устарело, однако она сохранилась в татарском фольклоре в форме пословицы (Авызын ачса, үпкәсе күренә³⁶)

²⁹ А. Титце. Указ. монография, стр. 145.

³⁰ Цит. по указ. соч. Ю. Немета, стр. 599.

³¹ Там же.

³² С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 365.

³³ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 504.

³⁴ Татарско-русский словарь. М., 1966, стр. 573.

³⁵ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 255.

³⁶ Татар халык мәкальләре һәм әйтемләр. Составитель Х. Ярми. Казань, 1960, стр. 208.

и обычно используется для характеристики тощего человека, или бедняка. Переход загадки в пословицу и, наоборот, пословицы — в загадку в фольклоре наблюдается довольно часто.

ЗАГАДКА XLVI

Beltirdäg'i bes kuvluk^v
 Besibile kulunlamys.^v
 Ol: jil k'elg'ändir.^v
 Sarajdayy sare ajyug^v
 Savlavlati k'isnämis.^v
 Ol: kazdyr.

Перевод А. Титце:

The five mares on the tethering — rope
 Have all five of them foaled.
 That is the coming of wind.
 The yellow stallion in the shed
 Whinnied, causing them to scurry away.
 That is the goose³⁷.

‘Пять кобылиц на привязи (связанные веревкой),
 Все пятеро из них ожеребились.
 Это приход (дуновение) ветра.
 Желтый жеребец в сарае
 Тихо заржал, заставив их разбежаться.
 Это гусь’.

В специальной литературе встречаются довольно противоречивые объяснения текста и отгадок этой загадки. Конечно, нет достаточных оснований считать перевод А. Титце бесспорным, однако, на наш взгляд, в толковании слова *beltirdäg'i* прав он, а не его предшественники. (У В. Банга — *an der Flüßmündung* ‘в устье реки’; у Ю. Немета — *von vorigen Jahre*³⁸ ‘прошлогодние’ и т. п.). В чистопольском говоре татарского языка слово «*билтерле*» употребляется в значении «*чылбырлы*», то есть «имеющий цепь»³⁹.

В татарском фольклоре имеется ряд загадок, аналогичных упомянутой куманской. Приводим две из них:

Сакмардагы сарайгыр
 Сагынып торып кешнидер.
 Билтердәге биш биям
 Бишесе дә колыллы.
 Колынар сарала,
 Ян-ягына тарала,
 Аны күргән кешенен,
 Зиһеннәре тарала.
 Күкрәп-яшнәп яңгыр килү⁴⁰.

‘Желтый жеребец на Сакмаре
 Тоскливо ржет.
 Пять кобылиц на привязи
 Все пятеро жеребятся.
 Их жеребята желто-пегие,
 Расходятся по сторонам.

³⁷ А. Титце. Указ. монография, стр. 146.

³⁸ Ю. Немец. Указ. соч., стр. 607—608.

³⁹ Татар теленен диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, стр. 86.

⁴⁰ Н. Исанбет. Указ. сборник, стр. 472.

Кто их увидит,
Тот потеряет разум (становится рассеянным).
Идет грозовой дождь'.

Сакмарда сары алашам бар,
Питердә биш биям бар.
Берсе торып кешнәсә,
Бишесе дә колынлар.
Күк күкрәү һәм янгыр яву⁴¹.

'Есть (у меня) на Сакмаре желтый мерин,
Есть (у меня) в Питере пять кобылиц.
Если первый заржет⁴²,
Все пятеро жеребятся.
Гром и дождь'.

* *
*

Идентичность многих куманских и татарских загадок свидетельствует о существовании между ними непосредственной преемственности. Признав, таким образом, загадки Кодекса ранними вариантами ряда татарских загадок, мы можем судить по ним о более древнем этапе в истории развития этого жанра. Интересно отметить тот факт, что в течение почти 700 лет, прошедших со времени составления «Кодекса Куманикуса», тематика татарских загадок не претерпела каких-либо существенных изменений. Классификация куманских загадок по их отгадкам выглядит следующим образом: небесные тела; птицы; животные; растения; человек; жилище; орудия труда и инструменты. Здесь налицо тематические группы, встречающиеся и в современных сборниках.

«Кодекс Куманикус» свидетельствует о том, что жанр загадки издавна тяготеет к поэтическому изображению конкретных вещей и явлений. Из 46 куманских загадок только две посвящены абстрактным понятиям: XXXV с отгадкой *us* 'ум, память' и XI с отгадкой *kuş süti* 'птичье молоко', то есть нечто несуществующее.

В области эвфонии, как уже было сказано, между куманскими и татарскими загадками также много общего. В частности, у них идентичный ритмический строй. В то же время наблюдаются некоторые различия в использовании таких стилистических приемов, как анафора и концевая рифма. Во многих загадках Кодекса в смежных стихах обязательно присутствует анафора (по схеме *a — a* или *a — a — б — б*), а концевая рифма в них находится еще в зародышевом состоянии: либо повторяются одни и те же слова (тавтология), либо у рифмующихся слов созвучны только окончания. Например (загадка II):

Biti bitı bitıdim,
v v
Bes ayaça bitıdim.
K'öne suum jıvurdım,
v
K'ök' jıbek'im sıymadım.

В татарских загадках концевая рифма получила дальнейшее развитие, и сейчас она в сочетании с различными видами звуковых повторов несет основную нагрузку в создании благозвучности стиха.

⁴¹ Фольклорный фонд ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР, материалы экспедиции 1955 г.

⁴² Эту строку можно перевести и так: «Если одна (из кобылиц) заржет». Но по смыслу ясно, что в ней речь идет о мерине.

В этой статье мы ограничились сопоставлением куманских загадок лишь с татарскими. Такую односторонность можно оправдать, во-первых, тем, что она дает возможность наглядно судить об отношении загадок Кодекса к фольклору одного конкретного, в данном случае татарского народа; во-вторых, она способствует более тщательному анализу материала и выявлению большего количества соответствующих фактов и примеров. Надеемся, что наши наблюдения окажутся небесполезными в деле создания обобщающих работ о загадках «Кодекса Куманикуса» и древних связях устного поэтического творчества тюркских народов.

Л. СЕРИКОВА

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ АЛИШЕРА НАВОИ

(О ЯЗЫКЕ КЫТЪА ИЗ «ХАЗОИИН УЛ-МАОНИЙ»)

За последние годы в узбекском литературоведении заметно возрос интерес к изучению классической поэзии, и в первую очередь поэзии Алишера Навои¹. Характерно при этом обращение исследователей к средневековой теории поэтического искусства, обобщившей многовековой опыт арабской, персидской и тюркской поэзии.

Изошренность поэтической формы в эпоху Навои обуславливала необходимость четко разработанной теории стиха. Многие из поэтов, в том числе Джами и Навои, немало сделали для создания теории поэтического искусства.

Оценка классического наследия с точки зрения современной ему теоретической мысли дает возможность исследователю определить основные вехи развития поэтического творчества, установить степень мастерства и специфику поэтической речи того или иного поэта, дать объективную оценку каждому литературному явлению.

Разумеется, литературоведческий анализ художественных достоинств произведений классической литературы ни в коем случае нельзя ограничивать рамками средневековой поэтической теории. Подлинная ценность и значимость любого классического произведения может быть установлена только при объективном историческом подходе с позиций современной науки. «...Изучая литературное произведение, как памятник искусства, с точки зрения поэтики исторической или теоретической, мы должны рассматривать каждый элемент этого произведения как эстетически направленный акт, производящий определенное художественное воздействие»².

До последнего времени язык произведений Навои изучался прежде всего с лингвистической точки зрения, художественные достоинства его почти не исследовались. Одним из немногочисленных исследований, посвященных художественным особенностям языка Навои, является работа Алибека о поэме «Сабъаи саёра». Автор обнаруживает глубокое зна-

¹ М. Шайхзода. Алишер Навоийнинг баъзи усуллари ҳақида. — «Ўзбек адабиёти масалалар». Тошкент, 1959, стр. 238—254; А. Хайитметов. Навоий лирикаси. Тошкент, 1961; Алибек. «Сабъаи саёра» тилининг бадий хусусияти. — ТошГУ илмий ишлари, 240—чиқиши, 1964, стр. 22—76; Е. Исхороков. Алишер Навоий илк лирикаси. Тошкент, 1965, стр. 104—119; Э. Умаров. Ибораларда ийхом санъати. — XI традиционная конференция навоиведов (11 февраля 1970 г.); Х. Мамадов. Лексико-стилистические особенности художественной прозы Алишера Навои. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969.

² В. М. Жирмунский. К вопросу о «формальном методе». — В кн.: «Вальцель. О проблеме формы в поэзии». Пг. Academia, 1923, стр. 9.

комство со средневековой литературой по теории поэзии и тонкое лингвистическое чутье. При всех своих несомненных достоинствах эта работа, по существу, представляет собой изложение средневековой поэтики — в той мере, в какой она нашла художественное воплощение в поэме Навои — с использованием ее терминологии, толкованием терминов и иллюстрированием их цитатами из поэмы.

Большим вкладом в изучение художественного наследия Навои явились статьи известного узбекского поэта и ученого М. Шейхзаде, в которых впервые анализируются изобразительные возможности языка классической поэзии с точки зрения их художественного, эмоционального воздействия на читателя.

Большое значение для понимания специфики творчества Навои имеет работа кокандского литературоведа Л. Захидова, посвященная исследованию характерного для Навои приема *муаммо* и его трактата по теории этого приема³.

Изучение и осмысление специфики поэтической речи Алишера Навои имеет особо важное значение для переводческой практики, благодаря которой творчество поэта становится доступным советскому и мировому читателю.

Настоящая работа представляет собой попытку исследования поэтического языка Навои на материале одного из жанров его лирики — кытъя, представленного во всех четырех его узбекских диванах, объединенных под общим названием «Хазойин ул-маоний».

В. В. Виноградов совершенно справедливо отмечает, что «любое языковое явление при специальных функционально-творческих условиях может стать поэтическим. Следовательно, основная задача теории поэтической речи состоит именно в изучении и раскрытии всех функционально-творческих условий, которые сообщают языковому явлению качества поэтического. Эти признаки и качества поэтического составляют основной предмет науки о поэтической речи»⁴.

Структурные признаки поэтической речи, содействующие ее образности, многочисленны и разнообразны. Они могут основываться на использовании фонетических, грамматических, композиционно-синтаксических, ритмико-мелодических и других средств языка; при исследовании их «прежде всего необходимо выяснить условия, приемы, принципы и нормы, в свете и аспекте которых самые различные и разнообразные элементы общественно-бытовой речи становятся поэтическими»⁵.

Характерная черта языка Навои, общая для всей восточной классической поэзии, — распространенность определительных сочетаний, в которых сближаются понятия, не имеющие реальной связи. Художественный образ возникает путем совмещения определяемого слова со зрительным образом, создаваемым определением. Эти словосочетания, оформленные персидским или тюркским изафетом, типа: *kujoš čağoyi* 'светильник солнца', *durri ašk'* 'жемчуг слез', *azal sajli* 'поток смерти', *k'öngül maxzanı* 'сокровищница сердца', *gulšanı xulk* 'цветник хорошего поведения', *ta'n toši* 'камень упрека', *oh barkı* 'молния вдоха', *pihop gavhari* 'жемчуг тайны', *toši ozog* 'камень обиды' придают речи яркую стилистическую окраску, делают ее образной и возвышенной, что соответствовало одному из обязательных требований поэзии той эпохи. С

³ Л. Захидов. *Муаммо Навои и его трактат «Рисолаи муфрадот»*. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970.

⁴ В. В. Виноградов. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963, стр. 139.

⁵ Там же, стр. 162.

помощью этих словосочетаний общий смысл одного понятия обогащается реальными чертами второго, причем грамматически превалирует слово, являющееся определением. Это позволяет поэту обращаться с общим понятием как с конкретным явлением и строить фразу на основе связанных с ним ассоциаций:

^v Tussa ^vzonim ^vazal ^vsajliga, ^vārur ^vxubrok
^vyariklikk'i, ^vxalos ^völmok ^vosno ^vbirla⁶.

'Если попадет моя душа в поток смерти,
лучше утонуть, чем быть спасенным приятелем'.

Здесь общий смысл словосочетания ^vazal ^vsajli определен словом «смерть» — ^vazal, но фраза опирается на конкретное значение второго слова, создавая реальный зримый образ потока, попав в который, можно и утонуть, и спастись.

Сочетания этого типа необходимо отличать от сочетаний с реальной определительной связью типа: ^vpadomat ^vašk'i 'слезы раскаяния', в которых определяемое не только грамматически, но и по смыслу остается ведущим словом. В сочетаниях же первого типа наличествует, по существу, обратная определительная связь. Это один из самых распространенных у Навои способов создания поэтического образа:

^v...sah ^vk'öngli ^vkusini ^vajlamis ^vsajd⁷.

'...он поймал птицу сердца шаха';

^vAj ^vk'öngul, ^vtan ^vtaxtasini ^vbu ^vka'ri ^vjök ^vgirdobdin
^vIstasang ^vsohilya ^vcek'mak', ^vbilk'i ^vbu ^voson ^vāmas⁸.

'О сердце, если хочешь вывести к берегу плот тела
из этого бездонного омута, знай, это нелегко'.

Сближение двух различных понятий позволяет поэту подчеркнуть в явлении какую-то одну определенную его сторону или черту и сделать тем самым ощутимо зримым, достигая при этом достоверности и убедительности выражаемой в стихе авторской мысли. Это особенно важно в тех случаях, когда автор оперирует отвлеченными понятиями. Используя этот прием, Навои свои рассуждения о требованиях шариата, например, наполняет конкретным реальным смыслом, призывая к утверждению высоких моральных человеческих качеств. Сочетая отвлеченные понятия с конкретными, Навои не только создает в представлении читателя реальный образ, но и характеризует его, четко определяя собственную позицию и склоняя к ней читателя. Говоря: ^vfano ^všarbatī 'шербет тленности, то есть земного преходящего существования', ^vganzi ^vkanoat 'сокровище воздержанности, богатства, удовлетворения малым', ^vtozi ^vhidojat 'венец, корона праведности', ^vvikor ^vgavhari 'жемчуг терпеливости' — поэт дает нам почувствовать свое отношение к этим понятиям. Почти во всех сочетаниях этого типа проявляется экспрессивно-оценочная семантика определяющего слова — положительная или отрицательная, — придающая соответствующую окраску художественному образу, созданному на основе сопоставления с его конкретным смыслом («камень упрека», «ка-

⁶ Алишер Навоий. Хазойин ул-маоний, т. IV, кытъя 19. Тошкент, 1960, стр. 731.

⁷ Там же, т. II, кытъя 48. Тошкент, 1959, стр. 711.

⁸ Там же, т. I, кытъя 5, стр. 722.

мень обиды» означают жестокость; «жемчуг тайны» — ее ценность; «птица сердца» — трепетность, порывистость и т. п.).

Перенесение отвлеченного понятия в плоскость конкретных представлений осуществляется Навои и на основе использования одновременно двух разных значений одного и того же слова:

Lazzoti nafs tark'i samari ofijat berur,
^{v v}
 Lek'ul sazarni ak'k'ali farzonalik k'erak'⁹.

'Плод отказа от услаждения тела — здоровье, благополучие,
 Но чтобы посадить это древо, необходима мудрость'.

Здесь в первой строке слово *samar* 'плод' приводится в своем отвлеченном значении — «итог», «результат», однако вторая строка построена с учетом прямого значения этого слова, то есть высказанная мысль подкрепляется путем сопоставления с конкретной, бытовой реальностью.

Сближение прямого и переносного значений слова в одном контексте позволяет Навои раскрыть создаваемый им поэтический образ, оживить традиционные символы перенесением их в аспект реальных человеческих переживаний и отношений:

^v
 Manga onca ot soldi har bajtik'im, tab'
 Gar obi hajot ol'sa andin osongoj.
 Tilarmen ani men doyi otka solsam,
 K'i kajdink'i k'eldi ham ul sori jonvoj¹⁰.

'Столько огня вложил в меня каждый бейт поэзии,
 Что естественно, если живая вода будет бессильна перед ним,
 Я бы хотел бросить их в огонь:
 Откуда пришли, туда пусть и возвращаются'.

Традиционный образ огня — поэтического горения души — соотнесен здесь с конкретным значением слова *ot* 'огонь', что позволяет противопоставить его другому традиционному образу — *obi hajot* 'живая вода', в котором тоже обнажается его первоначальное основное значение. Употребление в данном контексте слова *jonvoj* 'возвратиться' благодаря соседству *ot* 'огонь' вызывает по ассоциации значение «гореть, сгорать».

Говоря об образности языка Навои, необходимо подчеркнуть его изобразительную точность, что, безусловно, составляет одну из сильнейших сторон его поэтического таланта. Приемы создания внутренней мотивировки того или иного образа у Навои весьма разнообразны и оригинальны. Часто Навои использует совпадение грамматических форм двух слов или их одинаковый буквенный состав, например:

'Ajni riik ajla gumon fakrni, aning birdur,
^v
 Harf ham ik'k'isiya jaxsi gar atsang taxkik,
^v
 Zam'i ham birdurur ijnak'fukaron rufako,
 Sijyaj mufradi ham ajni fakir oldi raik¹¹.

'Рассуди, настоящая мягкость то же самое, что бедность,
 Если хорошенько разберешься, и буквы в этих двух [словах]
 одни и те же,

И вообще одно и то же — бедняки и приятели,
 И грамматическая форма одинакова у слов *факир* и *рафик*'.

Еще один показательный пример:

⁹ Алишер Навоий. Хазойин ул-маоний, т. I, кытба 6. Тошкент, 1959, стр. 723.

¹⁰ Там же, т. II, кытба 13, стр. 697.

¹¹ Там же, т. II, кытба 22, стр. 701.

^v
 Jaxsi хотунлар safojj zuhdidin
^v
 Olam icra gar joruyluk bōlsa fos,
^v
 Jōk azab, cunk'im arab alfozida
^v
 Istislox icra muannasdur kujos¹².

'От чистоты и благочестия хороших женщин
 Если становится светло в мире,
 Неудивительно, так как в арабском языке
 Солнце — женского рода'.

Сравнение женщины с солнцем основано на общности грамматической категории рода этих слов в арабском языке.

Объяснение этой внутренней мотивировки не всегда дается поэтом непосредственно в стихе, как в приведенных выше примерах. Для Навои чрезвычайно важна доходчивость созданного им образа, его доступность читателю. Когда условно-поэтическая мотивировка недостаточно прозрачна, он объясняет ее в предпосланном кытъя заголовке: K'ōrubmen anča yami dard ošnolardin¹³ 'Я видел много печали и страданий от друзей-приятелей'; он не случайно выбирает слово ošno, сопоставляя его с синонимами yam и dard, из сочетания начальных букв которых складывается ošno. Вот приведенный им в заголовке комментарий: Ošnoliy bobidakim, avvali va oxiri alam va ofat ibtidosidur va šin va nuni šajp ibtido va intihosi¹⁴ 'О слове «друзья», первая и последняя буква которого есть начальные буквы слов alam «печаль» и ofat «бедствие», а буквы «ш» и «н» — начало и конец слова šajp «позор», «стыд»'. Здесь налицо использование Навои распространенного в литературе Востока приема *муаммо*.

С замечательным мастерством добивается Навои впечатления целостности и поэтического единства образов, используя внутреннюю логическую связь и обусловленность всех элементов. Это возможно лишь при виртуозном владении потенциальными возможностями языка, при умении наполнить живым смыслом те его элементы, которые самостоятельного значения не имеют или же утратили его.

«Эта поэтическая рефлексия оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное... Не только отдельные слова или словосочетания, вообще не только элементы языка, которые передают вещественное содержание, но также и грамматические средства языка в художественной речи могут служить предметом художественной рефлексии... Но в плане рассмотрения языка как искусства это будет не просто «стилистические фигуры», а воплощения второй, образной действительности, которую искусство открывает в действительности реальной»¹⁵.

Эта поэтическая рефлексия позволяет Навои создавать удивительные по своей насыщенности поэтические строки:

^v
 Isida fard ārur Mahmud Sajod,
^v
 K'i k'ōpdur sahbozlar̄ya domidur kajd,
^v
 Dengiz sajodlarning sohi oni,
^v
 K'i soh k'ōngli kusini ajlamis sajd¹⁶.

¹² Алишер Навоий. Указ. соч., т. III, кытъя 14. Тошкент, 1960, стр. 695.

¹³ Там же, т. IV, кытъя 19, стр. 731.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Г. О. Винокур. Об изучении языка литературных произведений. М., 1959, стр. 247, 249, 250.

¹⁶ Алишер Навоий. Указ. соч., т. II, кытъя 48. Тошкент, 1959, стр. 711.

‘В своем деле единственный Махмуд Сайёд,
Который стал силком для многих соколов.
Назовите его шахом охотников,
Так как он поймал птицу сердца шаха’.

Исходя из буквального значения прозвища *sajod* ‘охотник’, Навои изобретательно подбирает слова того же семантического ряда. При этом для выражения своего отношения к изображаемому явлению он использует положительно-экспрессивную окраску слова *šahboz* ‘сокол’. Благодаря соотносению этого образа со значением следующей строки оживает семантика составляющих его частей. В результате вторая его составная часть может быть воспринята в своем этимологически-первоначальном значении как «играющий», а в данном контексте — «ведущий игру с шахом», то есть ‘приближенный’. За поэтической образной стороной стиха зримо проступает реальная жизненная основа образа, его второй семантический пласт. Раскрывая оба бейта в одном образном ключе, Навои создает исполненную иронии и сарказма блестящую эпиграмму на одного из своих современников. Эффект достигается перенесением признака с одного предмета на другой, на основе их внешней близости и логической несовместимости: шах охотников, так как поймал птицу сердца шаха. Мысль последней строки переносится в плоскость реальной образности путем обратной определительной связи, о которой мы уже говорили выше.

Этот прием у всех современных исследователей языка классической поэзии назван *таносуб* или *таносиб*. Средневековая классическая поэтика не анализирует возможности этого приема и характеризует его чисто формально, поэтому оперировать ее терминологией при исследовании художественных достоинств языка классической поэзии с точки зрения современного развития литературоведческой науки не всегда целесообразно.

Поэтическая рефлексия Навои разрывает узы фразеологических сочетаний, воскрешая лежащие в их основе грамматические функции. Так, говоря: *k'im k'i maxluk' xizmatiya k'amar čust ätar — jaħširok' ušolsa bel*¹⁷ ‘кто верно служит тварям, — лучше бы переломилась его поясница’, путем использования слова *bel* ‘поясница’ как синонима *k'amar* он оживляет первичное его значение в составе словосочетания *k'amar čust ätmok'* ‘приступить к чему-нибудь’ и этим мотивирует свой выбор проклятия. Восстановление первоначального значения слов, входящих в состав устойчивого фразеологического сочетания, происходит в прямой зависимости от создаваемого поэтического образа:

Ul turfa kus havosida k'öz tök'ti durri ask',
Zop joldi ristasin anga ajlab havoji kajd¹⁸.

‘В страсти к той диковинной птице глаз рассыпал жемчуг слез,
Душа распустила свою нить. чтобы поймать их’.

Словосочетание *zop rištasi* ‘нить души’ здесь не имеет устойчивого характера, а входящие в него слова настолько обособились, что обычная определительная связь членов изафета стала выражать отношения между субъектом и объектом, закрепленные и синтаксически благодаря наличию между ними глагола и аффикса *-n* прямого дополнения во

¹⁷ Алишер Навоий. Указ. соч., т. I, кытба 9, стр. 725.

¹⁸ Там же, кытба 37, стр. 734.

втором слове этого сочетания. Нарушение привычных отношений между словами раскрывает новые возможности их поэтического восприятия и создания художественных образов. Это один из самых общих и объективных критериев оценки самобытности поэтического языка.

Словосочетание *zop gištasi* весьма характерно для лексики всей восточной классической поэзии (персидский вариант: *gištai zop*). Однако хотелось бы отметить неясность его этимологии, а также возможность аналогии с вошедшим в русскую поэзию из античности выражением «нить жизни» (например, у А. С. Пушкина: «Страдалец мыслит жизни нить в волнах чудесных укрепить»), связанным с мифологическим образом парок. Чрезвычайно интересно было бы проследить за однородными по своей структуре и внутренней логике традиционными поэтическими формулами, бытующими в разных языках, установить их происхождение, возможность преемственности. Явное смысловое и интонационное совпадение чувствуется в таких выражениях, например, как «*İano daštida*» у Навои и «... в степи мирской, печальной и безбрежной...» у Пушкина, не говоря уже о множестве подобных аналогий в персидской и классической тюркской поэзии, находившихся в тесном контакте. Разрешение этого вопроса имело бы неоценимое значение для переводческой практики.

Навои свойственно использование многозначности слова, благодаря чему одна и та же фраза может быть воспринята по-разному в одном и том же контексте. Это создает богатые возможности для обозначения второго смыслового пласта в стихе и способствует его предельной насыщенности поэтической информацией. Классическая поэтика называет такой прием «ийхом»¹⁹. Вот пример использования его в кытъя:

Mening yazolai musk'in tavobi'in k'örk'im,
Kaddim nigundurur ul xajl mehnatidin²⁰.

Называя свою поэзию *yazolai muşk* 'мускусная газель', Навои подразумевает два значения слова *yazal* — 'вид животного' и 'стихотворный жанр'. Он так строит фразу, что оба значения этого слова сохраняются в равной мере благодаря их сочетаемости по смыслу со словом *tavobi* 'преследование'. В качестве субъекта действия вполне возможно предположить как первое, так и третье лицо, причем вторая строка также согласуется с любым из этих вариантов:

- 1) 'Посмотри на преследование мною мускусных газелей,
Мой стан согнулся от тягот погони за этим стадом'.
- 2) 'Посмотри на преследование моих мускусных газелей,
Мой стан согнулся от груза бедствий от той своры'.

Оба эти варианта равноправны, что представляет почти непреодолимую трудность для осуществления адекватного перевода.

Создание новых художественных образов достигается Навои путем использования для характеристики явления таких признаков, которые возникают по ассоциации со значениями слов, употреблявшихся ранее в качестве сравнений:

¹⁹ См.: Э. А. Умаров. Прием *ийхом* в произведениях Алишера Навои. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 76—81.

²⁰ Алишер Навоий. Указ. соч., т. III, кытъя 15, стр. 695.

K'özguni gujok'i suxon ajlading,
 Topkoli osiklaring k'öngli xaros²¹.

'Ты превратил зеркало (то есть лицо) в подобие напильника,
 Чтобы влюбленные в тебя обрели сердечную муку'.

Здесь хагoё 'поцарапать', 'ободрать' употреблено как синоним к словам, обозначающим страдание, мучение. Вне контекста такое словоупотребление вряд ли возможно, здесь же оно правомерно, так как продолжает и развивает сравнение предыдущей строки.

Изменяя порядок слов в строке, Навои добивается замечательного художественного эффекта, выражая одними и теми же словами противоположные мысли:

Ospolardin tilarmen ajlasam begonaliy,
 Kajda mumk'in bölmoyum begonalarga osno²².

'Я хотел бы стать чужим для друзей
 И быть другом чужим, где бы я ни оказался';

Cun sijosat birla k'öp tök'ti haromi konini,
 Iktisob ajlab tök'ar bu lahza k'öp koning harom²³.

'Так как ради строгости он пролил кровь преступников,
 Привыкнув, он пролил много крови преступно'.

Повторение тех же слов лишь подчеркивает смысловой контраст.

Основной принцип организации поэтического материала в кытъя — это проведение аналогии между явлениями духовного и физического мира.

В связи с этим интересна закономерность, подмеченная Р. О. Якобсоном: «Поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний. Симметрическая повторность и контраст грамматических значений становятся здесь художественными приемами» (доклад «Поэзия грамматики и грамматика поэзии») ²⁴. Подобная же закономерность свойственна большинству стихов жанра кытъя. Проиллюстрируем это соответствующими примерами:

Pok'lar zoni bölmur ozurda tazvir ask'idin,
 K'özgu ruksori necuk'k'im, zang tutkaj nam bila.
 Rostlar k'önglini ajlar tijra nodon jovadin,
 Sam'ni ul nav'k'im, zohil öcürgaj dam bila²⁵.

'Душам чистых причиняют страдание слезы обмана,
 Так же, как зеркало ржавеет от влаги.
 Сердца правдивых становятся темными от невежественной
 болтовни

Подобно тому, как невежда гасит свечу дыханием'.

Параллельное, синтаксически однородное построение фраз создает их интонационную близость; сходство смежных понятий предполагает эквивалентность выводов, сделанных на их основе. Контраст служит здесь дополнительным средством характеристики явления:

²¹ Алишер Навоий. Указ. соч., т. IV, кытъя 24, стр. 733.

²² Там же, кытъя 20, стр. 732.

²³ Там же, кытъя 17, стр. 720.

²⁴ См.: В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 148.

²⁵ Алишер Навоий. Указ. соч., т. I, кытъя 20, стр. 729.

Tönni zarbaft ajlabon xiffatdin uckon har taraf,
 Jök azab gar bor äsa dunjo matoi k'om anga.
 Ul cibink'im, k'özda oltun jangliy isnor xil'ati,
 K'öpraki bilk'im, nazosat uzradur orom anga²⁶.

'Сделавший халат из парчи от легкомыслия бросается во
 все стороны,
 Не удивительно, что есть у него страсть к наживе.
 Та муха, которая кажется глазам золотой,
 Знай, в большинстве случаев находит удовольствие в навозе'.

Рассмотренные здесь особенности поэтического языка Навои дают лишь некоторое представление о творческой манере великого поэта.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть необходимость изучения классической поэзии Востока на основе теоретических принципов современного литературоведения, с привлечением богатейшего материала средневековой теории поэтического искусства, учитывая при этом историческую ограниченность последней и формальный характер ее методологии.

²⁶ Алишер Навоий. Указ. соч., т. I, кытъя 22, стр. 729.

СООБЩЕНИЯ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, В. А. ЛИВШИЦ

СЭВРЭЙСКИЙ КАМЕНЬ

Летом 1948 г. в Гоби работала Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР. Начальником экспедиции И. А. Ефремовым было получено сообщение об обнаруженных местным учителем на крайнем юге пустыни близ Сэврэй-сомона двух камнях с надписями, знаки которых «походили на европейские буквы». И. А. Ефремов предположил, что речь могла идти о древнетюркских рунических надписях¹. Это было первое, хотя еще и не проверенное, сообщение о рунической эпиграфике в Гоби. До того зона ее распространения в Монголии связывалась только с северной частью страны. Годом позже (1949), в другом месте Гоби, у подножия Арц Богдо (Гобийский Алтай), А. П. Окладников обнаружил камень с одиннадцатью руническими знаками². Таким образом, наличие древнетюркской эпиграфики в Гоби получило подтверждение.

В 1968 г. академик Б. Ринчен опубликовал рисунок нескольких знаков Сэврэйской надписи и слепую фотографию камня, на который они были нанесены³. Предположение И. А. Ефремова оправдалось — знаки действительно оказались руническими. В 1969 г. одному из авторов этой статьи (С. Г. Кляшторному) удалось обследовать памятник на месте⁴. Камней оказалось не два, как сообщил И. А. Ефремову его информатор, а один, но надписей действительно было две. Лежащая на равнине в 6 км к юго-востоку от Сэврэй-сомона стела из крупнозернистого, трещиноватого мрамора, прямоугольная в сечении, имеет лишь одну затесанную и подшлифованную грань, на которую нанесен текст. Остальные грани и оба основания грубо обколоты. Размеры стелы: высота 0,8 м, ширина по затесанной плоскости 0,45 (0,47) м, толщина 0,7 м (рис. 1).

¹ И. А. Ефремов. Дорога ветров. Гобийские заметки. 2-е изд. М., 1962, стр. 229.

² А. Н. Бернштам. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. — «Эпиграфика Востока», т. XII, 1958, стр. 68—69. Ныне камень с надписью находится в кабинете археологии Института истории АН МНР и подготовлен к публикации В. Н. Наделяевым.

³ Rintchen. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les steles en Mongolie. Oulan-Bator, 1968, стр. 42.

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить за содействие научных сотрудников АН МНР Х. Лубсанбалдана, М. Шинэху, Б. Базылхана и шофера эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции Я. И. Здонова. — С. Кляшторный.

Памятник не раз повреждался; видимо, сколота его верхушка, а вся лицевая грань покрыта крупными шербинами, совершенно испортившими знаки. На лицевой грани строго симметрично, занимая равные доли поверхности, расположены две надписи, каждая из семи строк: по одну сторону согдийская и по другую — руническая. Рунические знаки размещены необычно далеко друг от друга — несомненно с целью сохранения внешней симметрии расположения текстов (рис. 2 и 3). Визуальное изучение памятника, эстампаж и фотографии позволяют с трудом установить очень небольшую часть согдийской и немногие знаки рунической надписей.

Согдийская надпись⁵:

- (1) . . . . . s(r)δ (nwkr) [β?]γ[y] . . . . . ('wy)γ(wr) γ(')
 [γ'п . . . . .]
 (2) (rtu pyštr 'kw? 'y) [n] ('δ t) [r] (γ'n) (s'r) . . . . .
 (3) (p'r) s'r (')kw 'w(y) [γwr γ'γ'] (n 'YK) . . . . .
 (4) (pyš) trw . . . . . wδ(y) . . . . .
 (5) . . . . . (γ'γ'n s'r) w'nkw ntyš/kwy/ . . . . .
 (6) . . . . . (. . . t)δ'r (nt) [r] (tpy) [štr? . . .] . . .
 (7) . . . . . pс . . . . .

Перевод:

- (1) . . . . . год. Тогда господин уйгурский каган (?) . . . . .
 (2) и затем к (?) Иналь-тархану . . . . .
 (3) и затем (он обратился) к уйгурскому кагану, де мол: . . . . .
 (4) Потом . . . . . там . . . . .
 (5) . . . . . к кагану он так обратился . . . . .
 (6) . . . . . они . . . . . И затем (?) . . . . .

Тюркская надпись:

- (1) . . . . . p . . . . . s²(?)nt . . . . .
 (2) . . . . . t²mr¹ . . . . . mis² t¹n² . . . . .
 (3) . . . . . k² . . . . . z . . . . . on . . . . . nčl¹a: b¹ . . . . . muj¹γ(a?) . . . . .
 (4) . . . . . igü(?) . . . . . s² . . . . . ur¹γ . . . . . ü . . . . .
 (5) . . . . . k²ü(l) t¹r¹ . . . . .
 (6) . . . . . n¹l¹ qut¹l¹(γ) . . . . . b¹ . . . . .
 (7) inj j¹γ¹l¹ay(r) . . . . .

Перевод:

- (3) . . . . . десять (?) . . . . . мятеж(ный?) . . . . .
 (4) . . . . . род (?) . . . . .
 (5) Кю(ль)-тар(кан) . . . . .
 (6) . . . . . (ы)нал Кутлу(г) . . . . .
 (7) Инги Яглага (р) . . . . .

Памятник не содержит никаких прямых указаний на даты. Тем не менее попытка его датирования отнюдь не безнадежна. Судя по начер-

⁵ В транслитерации надписи в круглые скобки заключены частично поврежденные буквы, квадратные скобки указывают на восстановление разрушенных букв.

таниям согдийских букв, надпись сделана не ранее, чем в конце VIII—IX вв. Рунический дуктус, более развитый в сравнении с кошоцайдакским,

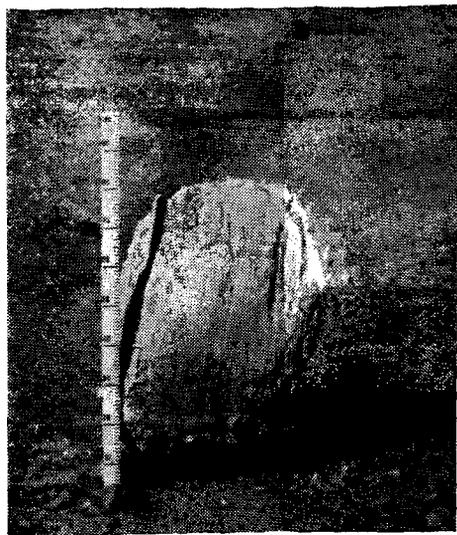

Рис. 1. Общий вид Сэврэйского памятника

ближе к варианту Селенгинского памятника (около 759 г.), нежели к чрезмерно вычурным начертаниям конца уйгурской эпохи, столь характерным для Карабалгауской стелы (821 г.). Палеографическую датировку подтверждает упоминание в согдийском тексте некоего уйгурского кагана, а в тюркском тексте⁶ — родового имени уйгурской династии. Общая датировка Сэврэйского камня не выходит, таким образом, за пределы времени существования Уйгурского каганата в Монголии (744—840 гг.). Основанием для более точной датировки памятника может стать: а) рассмотрение обстоятельств, связанных с местоположением и назначением памятника; б) наличие параллельного тюркскому согдийского текста; в) атрибуция имен и титулов в обоих текстах.

Вблизи камня нет никаких следов погребальных сооружений, что исключает предположение об эпитафии и заставляет думать об ином назначении стелы. В Селенгинской надписи (памятник Баян-чора) содержится сообщение о сооружении первыми уйгурскими каганатами триумфальных памятников. Так, завоевав территорию нынешней Тувы, каган Баян-чор приказывает сочинить и вырезать в камень его «знаки и письмена». Вслед за тем, подчинив татар, Баян-чор вновь приказывает «сочинить на плоском камне» его «вечные письмена»⁷. Вряд ли существовала иная причина для сооружения Сэврэйского памятника. Его местоположение близ южной границы каганата, в прорыве между хребтами Дзолэн и Сэврэй, на прямой дороге тюркских и уйгурских походов в Китай, как будто указывает и на возможное содержание надписи. Белая мраморная глыба, резко выделявшаяся на бурой поверхности щебенчатой пустыни, установлена в горловине широкой межгорной долины, от-

⁶ Это имя теперь трижды зафиксировано в рунических текстах: в Суджинском памятнике (стк. 1), в исследованном нами (1969 г.) и еще неопубликованном тексте Тарьятской стелы (западная сторона, стк. 2) *jaɣlaqar*; в Сэврэйской надписи *jaɣlaya(r)*. Ср.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, стр. 84—87; С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 162—164. О формах того же имени в китайских, среднеперсидских и хотано-сакских текстах см.: F. W. K. Müller. Uigurische Glossen. — «Festschrift für F. Hirth». Berlin, 1920, стр. 310—311; P. Pelliot. A propos des Comans. — «Journal Asiatique». Paris, 1920, t. XV, № 2, стр. 142; H. W. Bailey. The Staël-Holstein Miscellany. — «Asia Major». Leiden, 1951, vol. II, pt. 1, стр. 17; J. R. Hamilton. Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, стр. 160.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 40.

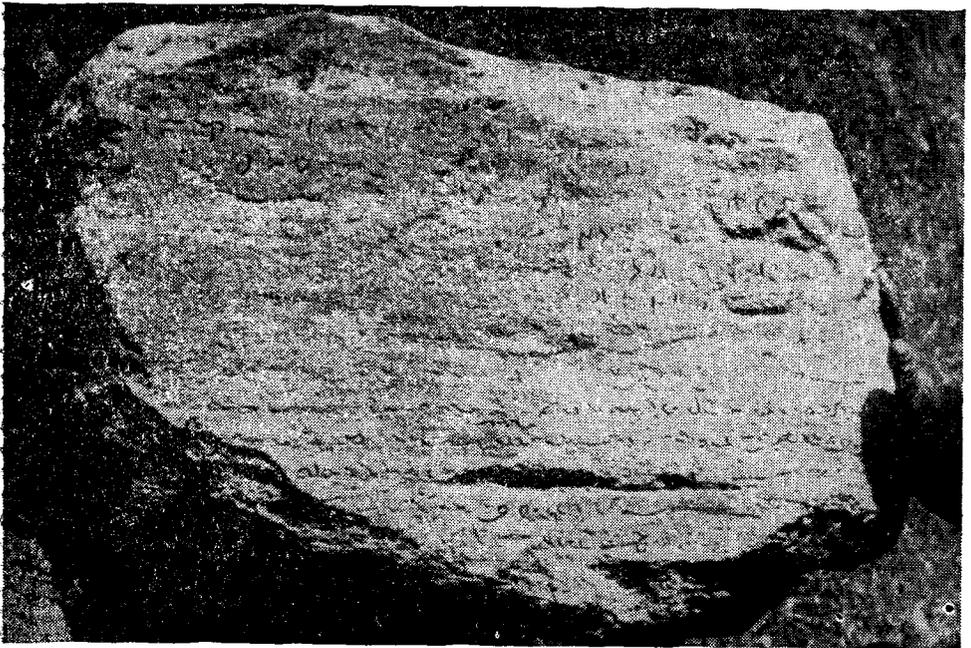

Рис. 2 и 3. Согдийский и древнетюркский рунический тексты

крытой на юг, к обширной дельте р. Эдзин-гол, удобному пути через Алашаньские пески к Великой стене⁸.

Предполагая, что Сэврэйский камень один из триумфальных памятников, воздвигнутых по приказанию упоминаемого в тексте уйгурского кагана в честь победоносного уйгурского войска, возвратившегося из похода в Китай, мы получаем возможность сузить хронологический диапазон обеих надписей. Все сколько-нибудь значительные уйгурские походы в Китай, отмеченные источниками, относятся к периоду между 757—791 гг.⁹ Собственно, речь идет о четырех походах (конца 757 г., конца 762 г., 765 г., 790—791 гг.), последний из которых следует исключить, так как в этом случае местом действия была Джунгария, где уйгуры сражались против тибетцев¹⁰. Лишь один из этих походов (конца 762 г.) возглавлялся непосредственно уйгурским каганом.

Другим обстоятельством, помогающим датировать памятник, является наличие наряду с тюркским согдийского текста. Теперь уже достаточно проявилась значительная роль согдийцев в политической, экономической и культурной жизни Тюркского и Уйгурского каганатов¹¹. Первый тюркский историко-биографический памятник — мемориальная стела одного из членов тюркского каганского рода Ашина (начало 80-х годов VI в.) — написан на согдийском языке, очевидно достаточно распространенном среди тюркской аристократии той эпохи¹². Однако уже памятники второго Тюркского каганата (682—744 гг.) писались только на тюркском языке¹³. Ничем не отличается от рунических текстов тюркского времени и первая большая уйгурская надпись, выполненная руническим письмом, — памятник кагана Баян-чора. Иное дело трехязычный Карабалгасунский памятник, тюркский текст которого сохранился лишь во фрагментах. Две его другие версии, китайская и согдийская, рассказывают не только о военных победах и политических успехах уйгурских каганов, но и о событии, которое стало центром повествования — обращении уйгурского кагана и его окружения в манихейство под влиянием согдийских миссионеров. Именно смена веры и сделала согдийский язык, язык новой религии уйгуров, вторым государственным языком каганата¹⁴. Принятие новой веры произошло в 762 г.

В согдийской версии текста Сэврэйского памятника несколько раз упомянут «господин уйгурский каган», о словах и делах которого повествует надпись. Имя кагана здесь не сохранилось. В тюркской версии не-

⁸ По мнению А. Германа, маршрут через Сэврэй-Эдзин-гол вообще был единственным достойным обозначения путем из Отюкенской ставки в Хангае в Китай (через Ганьчжоу). См.: *A. Herrmann. An historical atlas of China. New edition. Amsterdam, 1966*, стр. 29. Следует, однако, иметь в виду и другой путь, совпадающий с позднейшим Ургинско-Калганским тележным трактом.

⁹ *C. Mackerras. Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744 to 840)*. — «*Central Asiatic Journal*», vol. XIII, № 3. Wiesbaden, 1969, стр. 216.

¹⁰ *H. Essted. Uighurs and Tibetans in Pei-t'ing (790—791 A. D.)*. — «*Acta Orientalia Hungarica*», t. XVII, fasc. 1. Budapest, 1964, стр. 83—104. Маршруты набегов 778 и 806 гг. (последний вместе с тагабы) на Хэдун (восточнее Ордоса) также оставляли далеко в стороне путь через Сэврэй.

¹¹ *С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964*, стр. 78—122.

¹² *С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута*. — В сб.: «Страны и народы Востока», т. X. М., 1971, стр. 121—146.

¹³ Китайские тексты памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, содержащие соболезнования императора Сюаньцзуна, непосредственно с содержанием и назначением тюркских надписей не связаны. Ср.: *С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники*, стр. 56—57.

¹⁴ *E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine*. — «*Journal Asiatique*», ser. XI. Paris, 1913, стр. 201—223; *Jes P. Asmussen. Xuastuanifit Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965*, стр. 146.

сохранилась каганская титулатура, но читается имя *Инги Яглакар*. Вторая часть имени хорошо известна и означает принадлежность к правящему роду (династии) уйгурских каганов. Первое же слово является адекватной передачей китайского *ин-и* (танское *iəŋŋie)¹⁵, встречающегося среди имен и титулов уйгурских каганов дважды: в именовании уйгурского правителя Ганьчжоу (Яньмэй Ин-и-кэхань, ум. в 924 г.)¹⁶ и третьего уйгурского государя в Монголии, Идигянь Мэуюй-кэханя (Иди-кен Бёгю-каган, 759—779 гг.)¹⁷. Первый случай выпадает из рассмотрения. Что же касается Бёгю-кагана, то он стал именоваться Инги в 762 г.

В 755 г. китайский военачальник, выходец из знатного тюрко-согдийского рода, Ань Лу-шань, поднял восстание в Фаньяне¹⁸. Его армия, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала над императорскими войсками победу за победой. Император Сюаньцзун бежал на юг, а обе столицы, Лоян и Чанань, перешли в руки восставших. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к уйгурскому кагану Баян-чору (747—759)¹⁹. Уйгурская конница, возглавляемая наследником каганского престола, носившим титул *ябгу*²⁰, нанесла поражение войскам Ань Лу-шаня. Получив обещанное вознаграждение, уйгуры вернулись обратно, чтобы принять участие в походе против кыргызов (758)²¹.

Однако внутренняя война в Китае продолжалась. В 757 г. Ань Лу-шань был убит своими приближенными. Его сын Ань Цин-суй, сменивший отца, также стал жертвой заговора (759), и восстание возглавил опытный полководец, соратник Ань Лу-шаня, согдиец Ши Сы-мин, а с апреля 761 г. — его старший сын Ши Чао-и²². Северо-восточный Китай был опустошен военными действиями, имперские войска терпели неудачи, но и их противник уже не был способен одержать решающую победу. В возникшей обстановке внешнее вмешательство могло окончательно склонить чашу весов в пользу той или иной стороны.

Первым понял это Ши Чао-и. Его послам удалось было привлечь Бёгю-кагана на сторону мятежной армии, но более эффективные действия танской дипломатии изменили положение. «В первый год Бао-ин (762), Тайцзун, который только что вступил на престол..., послал евнуха Лю Цин-тана (к кагану) просить уйгурского войска и укрепить прежний

¹⁵ Консультация С. Е. Яхонтова.

¹⁶ *J. Hamilton. Les Ouighours*, стр. 69, 143. Дж. Гамильтон переводит *ин-и* как «храбрый и справедливый».

¹⁷ *J. Hamilton. Les Ouighours*, стр. 139. В Карабалгасунском памятнике он именуется «Достигший небесной благодати, правящий государством, мужественный, славный и мудрый каган» (tāŋridā qut bulmys il tutmys alp külüg bilgā qaγan). См.: *E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen*, стр. 211.

¹⁸ О происхождении Ань Лу-шаня см.: *E. G. Pulleyblank. The background of the rebellion of An Lu-shan*. London, 1955, стр. 7—23. (London, Oriental series, vol. 4).

¹⁹ Правильное чтение этого имени, вместо традиционного Моюн-чур, предложено П. Пельо. См.: *P. Pelliot. A propos des Comans*. — «Journal Asiatique». Paris, 1920, стр. 153.

²⁰ *C. Mackerras. The Uighur Empire (744—840) according to the T'ang dynastic histories*. Canberra, 1968, стр. 5 (Australian National University. Centre of Oriental Studies. Occasional paper, № 8).

²¹ Там же, стр. 21.

²² Основные источники, освещающие ход восстания Ань Лу-шаня — Ши Чао-и, теперь переведены и подробно комментированы. См.: *H. S. Levy. Biography of An Lu-shan*. Berkeley and Los Angeles, 1960 (University of California. Chinese dynastic histories translations. № 8); *R. des Rotours. Histoire de Ngan Lou-chan*. Paris, 1962 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, vol. XVIII).

союз»²³. Застав уйгурский отряд уже вблизи границы, «в местности севернее Трех крепостей» (Ордос), танский посол сумел склонить кагана к выступлению против мятежников²⁴. С четырьмя тысячами основного и десятью тысячами вспомогательного войска каган двинулся к Шаньчжоу, где соединился с императорской армией. В ноябре 762 г. с мятежом было покончено, а в январе 763 г. был казнен Ши Чао-и. «Эти двое согдийцев (Ань Лу-шань и Ши Чао-и) опустошили весь Китай и только к исходу восьмого года (восстания) в стране... воцарился мир», — заключает автор «Жизнеописания Ань Лу-шаня»²⁵. По справедливой оценке Р. де Ротура, восстание Ань Лу-шаня — Ши Чао-и стало началом конца Танской империи, которая так и не смогла оправиться от потрясений²⁶.

Решающую роль в разгроме мятежных армий сыграли уйгуры. Но после подавления восстания дальнейшее пребывание уйгурского отряда в окрестностях столицы стало для танского двора не только дорогостоящим, но и опасным. Принимались все меры, чтобы с почетом и как можно скорее выпроводить союзников. Военную помощь щедро оплатили. Бёгю-каган, его супруга и военачальники получили почетные титулы. Отныне в каганский титул Бёгю были введены слова «ин-и цзянь-гун». В марте — апреле 763 г. уйгуры покинули Китай²⁷.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увозил в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения. — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне. Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках²⁸. В этой рукописной литературе сохранилась память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины. В одном из тюркских манихейских фрагментов, найденных в Турфанском оазисе, Бёгю-каган именуется «великим государем», «мудрым уйгурским каганом», «эманацией Мани»²⁹.

У границы своих земель, на пути возвращающегося войска, каган установил победную стелу, на которой рядом с тюркской надписью, за шестьдесят лет до создания Карабалгасунской трилингвы, впервые появилась надпись на согдийском языке — языке новой веры. Сэврэйский камень стал первым свидетельством новой ориентации культурно-идеологической политики последней из тюркских империй Центральной Азии, ориентации на согдийский Запад.

²³ С. Mackerras. The Uighur Empire, стр. 25.

²⁴ Там же, стр. 27. Возможно, что упоминаемый в 5-й строке тюркского текста Сэврэйской надписи Кюль-таркан — то же самое лицо, что и Кан А-и Кюль-таркан китайских источников. Он родился в 690 г. в знатной согдийской семье, служившей тюркским каганам. В 712 г. занимал пост советника Капаган-кагана. В 742 г., накануне падения второго Тюркского каганата, бежал с семьей в Китай и получил назначение в Пинлу (см. подробнее: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, стр. 121—122). Во время восстания Ань Лу-шаня стал его сподвижником, но уже в 757 г. перешел на сторону императорских войск. Вместе с двумя своими сыновьями занимал высокие посты в армии, сражавшейся против Ши Сы-мина и Ши Чао-и. Умер в 766 г. Его эпитафия сохранилась (Янь Лу-гун. Собрание сочинений, сер. «Сы бу цун кань», № 1787, т. 3, цз. 9, лл. 7а—10б), и мы смогли ознакомиться с ней благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова.

²⁵ R. des Rotours. Histoire de Ngan Lou-chan, стр. 352.

²⁶ Там же, стр. 2.

²⁷ E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen, стр. 214; С. Mackerras. The Uighur Empire, стр. 38.

²⁸ A. v. Gabain. Das Uigurische Königreich von Chotscho (850—1250). Berlin, 1961; — там же. Die alttürkische Literatur. Manichaica. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. II. Wiesbaden, 1964, стр. 231—237.

²⁹ F. W. K. Müller. Uigurica II. Berlin, 1911, стр. 95; E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen, стр. 213.

М. АДИЛОВ, З. САДЫХОВ

ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Как известно, в антропонимии находят косвенное отображение исторический путь, пройденный народом, особенности его духовной культуры, склада ума, образа мыслей.

В народных сказаниях — дастанах, в том числе и в древнейшем письменном памятнике азербайджанского языка «Книге моего деда Коркута» (XI—XII века), постоянные имена даются детям не сразу при рождении, а после совершения ими подвига¹. Только тогда они получают право на ношение собственного имени². «В таких случаях новое, постоянное имя могло заменить старое, временное, данное в младенчестве»³.

По древнему обычаю у азербайджанцев имя новорожденному давалось почетными членами племени.

Героям эпоса «Книга моего деда Коркута» имя дает старейшина племени Коркут. Например, после того как пятнадцатилетний сын Дерсе-хана ударом кулака убивает быка, дед Коркут, обращаясь к отцу молодого героя, говорит:

«О Дерсе-хан!... Этот юноша сражался на белом ристалище Баюндур-хана, убил быка; пусть имя твоего сына будет Богач» (Слово *богач* || *бугач* происходит от *буга* и означает «бычок»).

Древние азербайджанцы в детстве носили одно имя, в молодости — другое, и вполне вероятно, что в старости — третье. Это соответствует особенностям древнетюркской ономастики, отмеченным Л. Н. Гумилевым: «Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей — чин, мужем — титул, а если это был хан — то титул менялся, согласно удельно-лестничной системе»⁴.

До XII века, да и много позднее арабская ономастика не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на систему азербайджанских имен собственных.

¹ См.: Китаби-Дәдә Горгуд. Бақы, 1962, стр. 5.

² В современном азербайджанском языке выражения *ад газанмаг* (досл.: 'заслужить имя'), *ад алмаг* 'получить имя', *ад чыхармаг* 'сделать имя известным' употребляются также в значении «получить известность, прославиться».

³ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». — «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 151.

⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 21.

Правда, в «Книге моего деда Коркута» огузы являются мусульманами, они ведут войны с «гяурами» (неверующими); там часто упоминаются имена пророка Мухаммеда, его сподвижников и последователей (Осман, Али, Хасан, Хусейн). Однако все эти имена не имеют прямой связи с общей идеей и содержанием дастанов. Герои эпоса носят имена, восходящие к доисламскому кочевому образу жизни огузов.

В средние века благодаря усилиям мусульманского духовенства (мулл) приток арабских имен в азербайджанскую ономастику заметно усилился. И все же арабские имена, особенно в первый период, среди местного населения распространялись очень медленно. Вот что пишет по этому поводу акад. В. А. Гордлевский:

«Официально огузы — мусульмане, но это внешняя оболочка, и долго еще у них сосуществовали два имени: новое, мусульманское, и старое, родовое имя, или прозвище. Сохраняя старое имя, огузы-мусульмане инстинктивно вспоминают народное наставление: «Брать чужое имя — значит уподобиться чужой нации». Двойное имя наблюдается даже у придворной или служилой верхушки (куда, конечно, ислам должен был глубже проникнуть). Например: Зияэддин Кара Арслан (начальник войскового арьергарда), Фахреддин Арслан Догмуш, Мубаризеддин Эртокуш...

У простых воинов власть старых имен, конечно, была еще сильнее»⁵.

Двойные имена были и у таких известных исторических лиц, как Алаэддин Карасунгур (правитель Мараги — XIII в.), Шамседдин Турган (правитель Табриза — XIII в.), Ибрагим Янал (брат Тогрул-бека — XII в.)⁶.

В последующие века, по мере укрепления влияния ислама и при содействии духовенства, число арабских имен в азербайджанской ономастике увеличивается. Особенно часто использовались имена пророков и других святых: *Мәһәммәд, Абдулла, Әли, Осман, Өмәр, Әбубәкир, һәсән, һусейн, Иса, Муса, Ибраһим, Исмајыл, Јагуб, Јусиф, Јунис, Сүлейман* и др.

Такие библейские имена, как Иисус (Иса), Моисей (Муса), Аврам (Ибраһим), Соломон (Сүлейман), Иаков (Јагуб), Иосиф (Јусиф), Ионис (Јунис) и так далее стали распространяться в Азербайджане в трансформированной арабами форме.

Широкими народными массами чужеродные (пусть даже «святые») имена воспринимались плохо. Об этом свидетельствуют имена многочисленных персонажей фольклора. В народных сказках явно преобладают имена, в основе которых лежат нарицательные слова азербайджанского языка.

В эпосе «Кероглы» (XVII в.) отсутствуют имена религиозного происхождения. Основу имен героев «Кероглы» в большинстве случаев составляют азербайджанские слова: *Короғлу* 'сын слепого' (*кор* 'слепой', *оғул* 'сын'), *у* — притяжательный аффикс третьего лица единственного числа), *Курдоғлу* 'сын курда', *Дәмирчиоғлу* 'сын кузнеца', *Танрытанымаз* 'не признающий бога' (*танры* 'бог', *танымаз* 'не признающий'), *Топдағыдан* 'разрушающий сборища (врага)', (*топ* 'сборище', 'куча', *дағыдан* 'разрушающий'), *Бәлли Әһмәд* 'знаменитый, известный Ахмед', *Гарахан* 'черный хан', *Теллиханым* (*телли* 'с челкой, с подрезанными на лбу волосами') и т. д.

Вместе с тем в азербайджанскую ономастику вошли и многие арабо-персидские имена, прижившиеся в ней и обогатившие ее. Это прежде

⁵ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 83—84.

⁶ См.: *Ибн-эл-Әсир*. Эл-Камил-фит-тарих. Баку, 1959, стр. 135, 160, 170.

всего имени, полностью подчинившиеся фонетико-морфологическим законам азербайджанского языка и поэтому почти не отличимые от исконно «своих» имен. К ним относятся: женские имена *Дилбэр, Зивэр, Сара, Сэнэм, Гәчэр, Јагүт, Исмет*; мужские имена *Әкрәм, Чамал, Чәлил, Никмәт, Ләтиф, Јунис, Мирзә* и др.

При наречении ребенка муллы обязательно прибавляли к азербайджанским именам имя какого-нибудь святого. Этим объясняется появление сложных имен, таких, как *Дурсунәли* (*дурсун* 'пусть проживет'), *Әлибала, Исабала, Балаһүсејн, Баламәммәд* (*бала* 'дитя, ребенок, малыш'), *Һүсејнғара* (*ғара* 'черный').

Так формировалась модель сложных имен. Иногда оба компонента последних представляли собой заимствованные имена. Например: *Әлиһәсән, Мәһәммәдәли, Әлимухтар, Әлиһејдәр, Ибраһимхәлил, Мәһәммәдһәсән, Мәммәдрәсул, һачыәһмәд, һејдәрәли* и др.

Большие возможности для создания новых имен открывало соединение двух (и даже трех) полнозначных слов, а также перестановка компонентов сложных имен: *Дашдәмир — Дәмирдаш* || *Темурташ, Ағабәј — Бәјаға, Ағәәли — Әлиаға, Ағаһәсән — Һәсәнаға, Балабәј — Бәјбала, Баламирзә — Мирзәбала, Бәјдәмир — Дәмирбәј, Бәјмәммәд — Мәммәдбәј, Әһмәдхан — Ханәһмәд, Анаханым — Ханымана, Бачыханым — Ханымбачы, Гызана — Анагыз, Гызханым — Ханымғыз, Бибикул — Күлбиби, Назханым — Ханымназ, Мирзәчан — Чанмирзә* и т. п.

Часть собственных имен образуется на основе свободных словосочетаний. Переход описательного сочетания в имя — специфический словообразовательный процесс, характерный для ономастики. Например: *Шәһнәјат* (*шәһ нәјат* 'радостная жизнь'), *Атамоғлан* (*атам оғлан* 'мой отец мальчик'), *Гарабала* (*ғара бала* 'черный малыш'), *Бөјүккиши* (*бөјүк киши* 'большой мужчина'), *Гараоғлан* (*ғара оғлан* 'черный парень'), *Гарјағды* (*гар јағды* 'снег шел'), *Ағкул* (*ағ кул* 'белый цветок'), *Дајандур* (*дајан дур* 'остановись, стой'), *Алмаханым* (*алма ханым* 'яблоко ханум'), *Анагыз* (*ана гыз* 'мать дочка'), *Балачабачы* (*балача бачы* 'младшая сестра').

Превращение словосочетания в сложное слово сопровождается фонетическими изменениями: обычно первый компонент сочетания теряет свое ударение (в азербайджанском языке место ударения в основном на последнем слоге слова), а гласные звуки видоизменяются соответственно закону сингармонизма.

В XIX—XX веках с ростом национального самосознания многие заимствованные азербайджанцами имена отвергаются и создаются новые, соответствующие духу языка и времени. В этом процессе значительную роль сыграла передовая национальная интеллигенция. Имена многих героев произведений выдающихся драматургов Джафара Джаббарлы, Гусейна Джавида и других получили широкое распространение в народе (*Жүндүз, Севил, Севинч, Күлүш, Орхан, Тоғрул, Дәнмәз* и др.).

Победа Советской власти в Азербайджане открыла новые перспективы в развитии ономастики.

Культурный подъем во всех областях духовной жизни, обучение на родном языке, развитие советской демократии и другие факторы дали мощный толчок к возникновению и распространению новых имен, более лаконичных, удобопроизносимых, гармоничных и благозвучных. Роль духовенства в наречении имен постепенно сошла на нет. Многие имена религиозного происхождения стали выходить из употребления.

Уменьшилось и количество сложных имен типа: *Ағачаһанкир, Һаһыноврузэли, Һызанаханым, Дурнисэханым, Ширинкулбану* и др. Этот процесс связан также с повсеместным введением в Азербайджане фамилий, отсутствие которых прежде способствовало распространению сложных имен.

Большинство новых имен состоит из однокоренного нарицательного слова, в основном двусложного, например: *Азэр, Азад, Баһар, Елчин, Тэрлан, Севэр, Севинч, Чичэк, Лалэ, Уғур, Елдар, Елјаз, Елшад, Өткүн, Полад, Инчи, Ипэк, Сөкмэз, Сүрмэ* и т. д.

Свобода выбора и стремление к оригинальности привела в ряде случаев к возникновению нелепых имен, таких, как *Трактор, Кукла, Кнјаз, Червон, Комбајн, Војна, Кимсанджан* 'носящий значок КИМ' и др.

Возникновение некоторых азербайджанских имен связано с народными традициями и обрядами, древними поверьями. Известную роль в этом играет и поэтическая фантазия народа. Остановимся на некоторых примерах:

Во многих семьях братьям и сестрам даются созвучные (*Физзэ, Фазил, Фэридэ; Давуд, Бейбүд, Мабүд*) или рифмующиеся имена (*Огтај, Сурхај, Елхај; Ханлар, Чанлар, Јанлар*).

В погоне за созвучностью имен своих детей родители выдумывают новые «слова», отсутствующие в лексическом составе языка (*елхај* или *јанлар*).

Иногда из начальных слогов имен отца (*Ајдын*) и матери (*Култэкик*) образуют новое имя для дочери (*Ајкул*) «аналогично древнегерманским сложносокращенным собственным именам людей»⁷.

Иногда при наречении ребенка исходят из принципа своеобразного табу. Так, например, мужчина 1930 года рождения был наречен явно «не советским» именем *Мүлкэдар* ('помещик'). Оказывается, родители руководствовались желанием «обмануть злого духа; ведь он не возьмет неприятного».

В отдельных местностях (особенно в деревнях) все еще сохранились отголоски веры в магическую силу слова. То или иное имя как бы закрепляется за одной семьей, переходя из поколения в поколение.

В азербайджанском языке отсутствует грамматическая категория рода. Имена мужские и женские различаются в основном по традиции употребления. Существует немало общих имен — мужских и женских.

Вместе с тем некоторые заимствованные арабские имена сохраняют формальные показатели пола. Так, с помощью суффиксов *-э, -ијјэ* образуются женские имена: *Һэмид — Һэмидэ, Чэмил — Чэмилэ, Азэр — Азэрэ, Рамиз — Рамизэ, Лэтиф — Лэтифэ, Халид — Халидэ, Рэһим — Рэһимэ, Сабир — Сабирэ, Таһир — Таһирэ, Фэрид — Фэридэ, Фируз — Фирузэ, Һэбиб — Һэбибэ, Шәмси — Шәмсијјэ, Сәфи — Сәфијјэ, Вәли — Вәлијјэ, Зәби — Зәбијјэ, Зәки — Зәкијјэ, Зүлфи — Зүлфијјэ, Лүтфи — Лүтфијјэ* и др.

Исторически феодальные титулы *бэј, хан* и производные от них *бэјим, ханым* (также *баны, бикэ*) в настоящее время употребляются в функции родо-половых маркеров: первые образуют мужские, вторые — женские имена.

Имена с прозрачной внутренней формой со временем теряют мотивировку. Вследствие различных фонетических законов образуются все

⁷ См.: «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. (Тезисы докладов)». М., 1962.

новые и новые формы имен, которые функционируют в речи параллельно со своими первоосновами. Можно привести ряд примеров:

а) ассимиляция — *Дурнисә*||*Дуррисә*, *Шаһгулу*||*Шаггулу*, *Гәндан*||*Гәннан*; б) диссимиляция — *Зинданбәј*||*Зилданбәј*, *Гәнимәт*||*Гәлимәт*, *Иғрар*||*Илғар*; в) метатеза — *Зәринтач*||*Зәрнитач*, *Әсилбаһар*||*Әслибаһар*, *Жүлүмназ*||*Жүлмүназ*; г) диреза (и гаплогология) — *Танрыверди*||*Тарверди*, *Кичикмирзә*||*Кичмирзә*, *Дадашбала*||*Дашбала*; д) аферезис — *Әлиага*||*Әлага*, *Әлиабас*||*Әлаббас*; е) эпентеза — *Наиб*||*Најиб*, *Шучавәт*||*Шучавәт*, *Фачиә*||*Фачијә* и др.

Особо следует отметить усеченные (уменьшительно-ласкательные) формы имен, порою резко расходящиеся с полными формами и образующие новые гнезда имен: *Ибраһим*||*Иби*||*Ибиш*, *Исмајыл*||*Исми*, *Исабала*||*Исаб*, *Мехрибан*||*Мехри*, *Дилшад*||*Дилиш* и др.

Написание азербайджанских собственных имен не унифицировано. Часто встречаются орфографические параллели, среди которых очень трудно выделить основные варианты. Так, например, имя *Абдурәһман* можно написать (и так действительно пишут) в 24-х вариантах.

Как справедливо пишет А. В. Суперанская, «некоторым организующим началом для написания имен собственных является написание имен нарицательных, с которыми исторически связаны имена собственные»⁸.

В передаче на русском языке азербайджанских собственных имен, содержащих специфические гласные (*ә*, *ө*, *ү*), наблюдается разноречивость: передача их не унифицирована. Традиционно (а роль традиции в языке существенна) эти гласные передаются следующим образом:

звук [ә]: а) в начале слов — посредством букв *а*, *э* (*Әли* — *Али*, *Әнвәр* — *Анвер*||*Энвер*); б) после согласных — посредством букв *а*, *е*, *я* (*Сәмәд* — *Самед*, *Лалә* — *Лале*, *Нәркиз* — *Няргиз*||*Наргиз*);

звук [ө]: а) в начале слов — посредством букв *о*, *у* (*Өмәр* — *Омар*||*Умар*); б) после согласных — посредством букв *е*, *о* (*Бөјүкаға* — *Беюкага*, *Сөһраб* — *Сохраб*);

звук [ү]: а) в начале слов — посредством *у* (*Үлкәр* — *Улькар*||*Улькер*); б) после согласных — посредством *у*, *ю*, *и* (*Мүшфиг* — *Мушфик*, *Бүлбүл* — *Бюльбюль*, *Фүзули* — *Физули*).

Специфические согласные азербайджанского языка *к*, *ғ*, *һ*, *ч* традиционно передаются в русском языке следующим образом:

звук [к] — посредством *г* (*Күлнарә* — *Гюльнара*); звук [ғ] — посредством *г* (*Ағабәј* — *Агабек*, *Ноғул* — *Ногул*); звук [һ] — посредством *г*, *х* (*Һасән* — *Гасан*||*Хасан*, *Әһмәд* — *Ахмед*); звук [ч] — посредством *дж* (*Чавад* — *Джавад*, *Минач* — *Минадж*).

Вопросы азербайджанской ономастики в связи с общим подъемом речевой культуры приобрели в последнее время актуальное значение. Предстоит проделать огромную работу по сбору бытующих в народе имен, по их систематизации. Ждут своего разрешения и многие вопросы правописания, орфоэпии, передачи азербайджанских имен на русском языке и др.

⁸ А. В. Суперанская. Имена собственные в чужой языковой среде. — В сб.: «Топонимика и транскрипция». М. 1964, стр. 38.

ПУБЛИКАЦИИ

И. А. АБДУЛЛИН

«ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА» АГОПА НА АРМЯНО-КЫПЧАКСКОМ ЯЗЫКЕ (1620)

Памятники армяно-кыпчакского языка разнообразны по характеру: судебные акты, финансовые документы, исторические сочинения, словари, религиозная литература, художественные произведения. Особняком в этом ряду стоят весьма малочисленные памятные записки.

Первая такая памятная записка на кыпчакском языке была опубликована в 1957 г. польскими ориенталистами М. Левицким и Р. Коновой¹. Вторая — была обнаружена нами в феврале 1967 г. в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Рукопись Агт. 2. представляет собой объемистую книгу в кожаном переплете с тиснением и деревянными створками. Размер рукописи 41 × 28 см. В ней 610 листов толстой бумаги (листы 607—610 чистые). Это — «Најстамурк» («Синаксарь» или «Житие святых»). Книга написана почерком нотрагир черной тушью на древнеармянском языке. На листах 605 об. (правая колонка) и 606 (обе колонки) имеется памятная записка на кыпчакском языке переписчика Агопа дер Крикор оглы. Дата (1620) и место переписки (г. Каменец-Подольский) указаны самим писцом.

Как видно из содержания записи, рукопись была продана Агопом армянскому войту Каменец-Подольска пану Лукашу Хрицковицу, который в свою очередь подарил ее армянской церкви св. Николая (г. Каменец-Подольский). Еще в 1830 г. ее видел там известный армянский ученый и путешественник М. Бжишкян (Медичи)². В 1891 г. этот «Синаксарь» в числе 44 армянских рукописей был перевезен из Каменец-Подольска в Санкт-Петербург и передан Министерством внутренних дел в Императорскую публичную библиотеку (ныне Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина)³.

Памятные записки «являются незаменимым первоисточником для изучения истории социально-экономических отношений и гражданской истории Армении и сопредельных с ней стран XIV—XVI и последующих веков»⁴. Данная записка представляет историческую ценность, так как содержит весьма определенные указания на время поселения армян в

¹ М. Lewicki, R. Kohnova. La version turque-kipchak du Code des lois des Armeniens polonais d'après le ms. № 1916 de la Bibliothèque Ossolineum. — «Rocznik Orientalistyczny», t. XXI. Warszawa, PWN, 1957, стр. 157—162.

² М. Бжишкян. Путешествие в Польшу. Венеция, 1830, стр. 140 (на арм. яз.).

³ «Отчет Императорской публичной библиотеки за 1891 год». СПб., 1894, стр. 11—16.

⁴ Л. С. Хачикян. Памятные записи армянских рукописей XV века. Автореф. докт. дисс. Ереван, 1961, стр. 4.

Каменец-Подольске — около 1320 г. Слова Агопа еще раз подтверждают сведения о создании армянской колонии в Каменце в первой половине XIV в.⁵

Свидетельство Агопа дает некоторые основания полагать, что массовое переселение армян из Ак-Сарая (столица Золотой Орды) в Кафу (Крым) и Каменец шло одновременно или почти одновременно⁶, то есть армянская колония в Каменце была основана не кафскими армянами (овладевшими кыпчакским языком в Крыму), а, по всей вероятности, непосредственно кыпчакоязычными армянами — жителями Ак-Сарая⁷.

Что касается самого автора памятной записки, то сведения о нем чрезвычайно скудны. По данным Э. Шютца, Агоп родился в знатной семье в 1582 г. и умер в 1621 г.⁸ Его дед Ованес Педрос оглы (1526—1610) был судьей (или старшиной) армян г. Каменец-Подольска⁹, а впоследствии стал старшим священником (авакерецом). Отец Агопа Крикор долгие годы вел протоколы того же суда, где служил дед Ованес¹⁰, а в 1618 г. также стал авакерецом. Сам Агоп несколько раз упоминается в «Каменецкой хронике» как церковный деятель¹¹ (одиннадцать лет был священником)¹².

По сообщению польского историка, «ксендз Якуб Крикорович (Григоревич) был человеком довольно сведущим в письменном армянском языке»¹³. Кроме «Синаксаря» им в 1613 и 1619 гг. были переписаны еще две рукописи, хранящиеся ныне в Матенадаране¹⁴. Однако самая большая заслуга Агопа дер Крикор оглы заключалась в том, что он был одним из авторов «Каменецкой хроники». Им была написана вчерне часть «Каменецкой хроники» за 1611—1621 гг., позднее отредактированная и дополненная его братом Аксентом¹⁵. Таким образом, данная «Памятная записка», написанная прекрасным знатоком истории армянской колонии на Украине, должна представлять определенный научный интерес.

«Записка» Агопа представляет ценность и как памятник своеобразного жанра исторической научной литературы. Примечательно и то, что, несмотря на краткость, она содержит слова, отсутствующие даже в «Армяно-кыпчакско-польско-французском словаре» и в глоссариях Ж. Дени,

⁵ Е. Сецинский. Город Каменец-Подольский. Историческое описание. Киев, 1895, стр. 6—7.

⁶ О переселении армян из Ак-Сарая в Крым в 1330—1331 гг. см.: В. А. Микаелян. История армянской колонии в Крыму. Автореф. докт. дисс. Ереван, 1965, стр. 7, 22.

⁷ T. Mańkowski. Orient w polskiej kulturze artystycznej. Warszawa — Wrocław — Kraków, 1959, стр. 33.

⁸ См. некролог об Агопе, помещенный его братом Аксентом в «Каменецкой хронике». — S. Vásáry. Armeno-Kipchak parts from the Kamenets Chronicle. — «Acta Orientalia», tom XXII, fasc. 2. Budapest, 1969, стр. 149. См. также: E. Schütz. An Armeno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620—1621. Budapest, 1968, стр. 23—28.

⁹ ЦГИА УССР (Киев), ф. 39, оп. 1, д. 8, л. 131 об.

¹⁰ ЦГИА УССР (Киев), ф. 39, оп. 1, д. 12, л. 1 об.; д. 11, л. 1 об.; д. 15, л. 1 об.; д. 17, л. 1.

¹¹ J. Denny. L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamienec (1604—1613). Wiesbaden, 1957, стр. 26—27, 32, 34.

¹² S. Vásáry. Armeno-Kipchak., стр. 149.

¹³ A. Pawiński. Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z Kościołem rzymskim w XVII wieku, z dwóch rękopisów włoskiego i łacińskiego w przekładzie polskim. Warszawa, 1876, стр. 20—21.

¹⁴ А. С. Анасян. Армянская библиография, т. I. Ереван, 1959, стр. 97 (на арм. яз.).

¹⁵ Я. Р. Дашкевич. Вірмено-половецькі джерела з історії України. — «Науково-інформаційний бюлетень Архів. Управ. УРСР». Київ, 1965, № 2, стр. 70. См. также: S. Vásáry. Armeno-Kipchak., стр. 149.

Т. И. Грунина, Э. Шютца и С. Вашари, что позволяет характеризовать «Записку» и как ценный памятник старокыпчакского языка.

В «Памятной записке» чувствуется значительный удельный вес огузских и славянских элементов, что вообще характерно для рукописей XVII века (например, огузские элементы: послелог *usna*, союз *evet*, *çalyş* -; польские или украинские слова: *sgorigovat*, *rodzic*, *praca*, *ramjeont*, *dotego*, *dostat*, *albo*). Однако в основе своей язык рукописи кыпчакский с характерными для кыпчакских языков грамматическими формами (например, система вокализма, наличие в начале слова звонкого *b*, глухих *t*, *k* вм. огузских *p*, *d*, *g*, озвончение *p*, *k* в интервокальной позиции, аффикс прош. вр. причастия *-gaп*, форма желательного наклонения *-yut keli*, форма преждепрошедшего вр. *-уртуп*, *-урсыз* и др.).

При публикации текста мы придерживались традиционной международной транскрипции, принятой советскими тюркологами. При этом учтены особенности письма западных армян¹⁶, к которым принадлежал и Агоп.

ТРАНСКРИПЦИЯ ТЕКСТА

Men jazyxly arzanisiz Hagop babas, d[e]r Krikor avakerec oylu da tornu d[e]r Hovanec avakerecning, jazdym bu Hajsmavurk (5) nu kensi xuwatyma da xudratyma kora klasa barçasyndan alçax da keraksiz da biliksiz edim jazuçilxta. Evet (10) bu xadarga xudratszlxyма kora çalyşyp bu ari bitikka da çxtym

baška (j)umsanyp bij tengriga da ongarmaxy (15) aşyra ari zan tengrining, zera bilmali dir ki kop zamandan beri asry suxlanç da kasanç edix jangi orinag Hajsmavurk (20)ka, xajsi ki 300 jyldan beri artyx eksik, neça ki Kamenec şaharinda ermenilik toxtalyp edir, hanuz jangi orinag Hajsm (25) ahvurk jox edir Kamenec şaharinda. Men da an aržan da jazyxly xulu bij tengrining da barça adamlardan dayy kerak (30) siz korup anyng kibik eksiklikin s[ur]p jyxovlarymyznyng da alyp bij tengrini

boluşluxka da salyp kerі barça turlu eksik (35) likimni, zan uv ten sartyn. alajže bojumnung zabunluxun da koturdum bunung ki pracany ustuma da dostat ettim (40) 2 Hajsmavurk jangi orinaglar, birisin llov şaharindan da birisinin As şaharindan da bu 2 Hajsmavurktan sgorigov (45) at etip artyxyн eksikin da

boluşluxu aşyra ari zan tengrining ettim da jazdym gadarjal Hajsmavurk hem jazdr (50) dym bir dayy, xajsi benim jazganyмny alyp satun pan Jurko Hovanec oylu Gevorovic da berdi jişadag s[ur]p a[sdwa] dzadzin jyxovuna (55) da ol birsi jazdrganymny aldy satun pan Lukaš Hrickovic da berdi jişadag s[ur]p Nigol jyxovuna, Xajsilarining jişadaglar (60) yn bij tengri xabul etkaj kensining koktagi mengilik padşahlxyna. Ne uçun men jazyxly arzanisiz jazu i Hagob ba (65) bas, juzum usna tuşup xolarmen sizdan, oçullary jangi sionnung, atalarym da xardaşlarym benim, xaçan ki sarna (70) sangyz bu ari bitik usna albo orinagel etsangiz ajovlu da şayahvatly tutkajsiz, zera asry ulu pracalar bila ja (75) zyldy. Dotego anguçi bolgajsiz

¹⁶ Э. В. Севортян. От редактора. — «Документы на половецком языке XVI в.». М., 1967, стр. 22—50; E. Schütz. On the transcription of Armeno-Kipchak. — «Acta Orientalia», том XII, fasc. 1—3. Budapest, 1961, стр. 139—161.

Handwritten text in two columns, likely a manuscript or a set of notes. The text is written in a cursive script, possibly a historical form of a Cyrillic-based alphabet. The left column contains approximately 10 lines of text, and the right column contains approximately 25 lines of text. The handwriting is dense and somewhat difficult to decipher due to the cursive style and the quality of the reproduction.

Факсимиле «Памятной записки» Агопа

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is dense and fills most of the left column.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is dense and fills most of the right column.

AD 1620.

1620.

Факсимиле «Памятной записки» Агопа

kensilari alyşyngyzda men jazyxly jazuçini joyary jazylgan Hagop babasny da ajamagajsiz (80) bar juraktan men jazyxly uçun a[sdwa] dzoyormi ajtmaga ol turluž rodziçlaryma benim, alajže bu jışadagny xojgan kişiga, xajsi ki bu (85) nung kibik hazna hanuz bu şaharda bolmagan, xaldrdy kensi rodziçlary zany uçun pamjontka s[ur]p dazarda. A xajda ki (90) siz ajamasangyz ol a[sdwa] dzoyormi ajtmaxny, na bij x[risdo]s sizga da jarlyagaj da tyndrgaj sizni mengilik tynçlxta. Amen (95).

Hajormer orjergins s[ur]p eýici anun ko.

A. D. 1620

tv[akanin] 1069.

ПЕРЕВОД

Я, грешный, недостойный священник Агоп, сын старшего священника Дер-Крикора и внук старшего священника Дер-Ованеса, переписал это «Житие святых» сообразно своей силе и способности, хотя в письме был самым ничтожным, недостойным и невежественным среди всех других. Так, приложив к этой священной книге старание сообразно своей неспособности, уповав на господа бога и при помощи святого духа бога, довел [книгу] до конца. Ибо знайте: [мы] много времени очень жаждали и желали нового образца «Жития святых», которого не было более 300 лет; примерно сколько лет тому назад поселились армяне в городе Каменце, столько лет не было нового образца «Жития святых» в Каменце. И я, самый недостойный и грешный раб господа бога, больше всех людей считая недостойным такой недостаток наших святых церквей, призвав на помощь господа бога и оставив душой и телом всю свою различную зловредность, также слабость плоти своей, возложил на себя такой труд и достал новые образцы «Жития святых»: один в городе Львове и другой в городе Яссы. И из двух «Синаксарей», отбросив лишнее и прибавив недостаточное, благодаря помощи святого духа бога переписал полный [вариант] «Жития святых» и поручил переписать еще один [экземпляр]. Переписанное мною купил Юрко Ованесович Геворовиц и передал как память церкви Святой Богородицы. А то, что переписано по моему поручению, купил пан Лукаш Хрицковиц и передал как память церкви св. Николая, памятные подарки которых пусть господь бог примет в свое небесное вечное царство. Потому я, грешный, недостойный переписчик священник Агоп, умоляю вас, сыны новой церкви, отцы и родные мои, когда прочтете эту священную книгу или переписите ее как образец, держите себя жалеючи и снисходительно, ибо [она] написана с большим трудом. Кроме того, вспомните в своем благословении меня, грешного переписчика, вышеназванного священника Агопа и не пожалейте от всего сердца произнести за меня, грешного, [молитву] «Упокой господи» и за родителей моих, а также за человека, который оставил в святом храме на память душ своих родителей этот памятный подарок, такого сокровища в этом городе не было до сих пор. А если вы не пожалеете труда произнести [молитву] «Упокой господи», то господь бог и вас простит и оставит вас в вечном покое. Аминь.

Да святится имя того, кто произнесёт молитву господню.
После Рождества Христова 1620, [по-армянски] в
1069 году.

ГЛОССАРИИ

1. Заглавные слова даются в их основной форме. В скобках указываются их грамматические формы и значения, употребленные в данном тексте.

2. Цифры после слова и его грамматических форм обозначают строку, на которой данное слово встречается, при этом на л. 605 об. (по старой пагинации — л. 1184) оказались строки 1—41, на л. 606 — остальные ст. 42—99.

3. Для сравнительно-лексических исследований мы старались регулярно следить за наличием всех заглавных слов в «Codex Cumanicus», в караимском и татарском языках, в глоссарии С. Вашари и нерегулярно в словаре Э. Трыярского, глоссариях Ж. Дени и Э. Шютца. При этом, если сравниваемое слово было идентично с заглавным словом по содержанию или по форме, то эти значения или формы, как правило, не указывались. Во всех остальных случаях мы старались показать различия в форме (автор считает своим долгом поблагодарить проф. Э. Трыярского за ценные советы).

ИСТОЧНИКИ СРАВНИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

АТР — К. З. Хамзин, М. И. Махмутов, Г. Ш. Сайфуллин. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань, 1965.

Вал. — Дж. Валиди. Полный словарь татарского языка, т. I, ч. 1—2. Казань, 1926—1929 (на татар. яз.).

Гр. — Т. И. Грунин. Документы на половецком языке XVI века. М., 1967.

ДСТ — «Диалектологический словарь татарского языка». Казань, 1969 (на татар. яз.).

Канд. — Г. Кандальный. Шигырьләр. Казан, 1960 (Г. Кандальный — татарский поэт первой половины XIX в., представитель мишарского диалекта).

Нас. — К. Насыров. Словарь татарского языка (Ләһжәи татари), тома 1—2. Казань, 1895—1896 (на татар. яз.).

Нуг. — М. Нугман. Русско-татарские рукописные словари XVII—XVIII вв. Казань, 1969 (на татар. яз.).

Тат. — «Татарско-русский словарь». М., 1966.

Тат. ТС — «Толковый словарь современного татарского литературного языка» в 3-х томах (рукопись на татар. яз. Казань, 1965—1969, следующая буква означает заглавную букву слова, цифра — страницу этой части словаря).

Тум. — Д. Г. Тумашева. Язык западносибирских татар. Казань, 1961 (на татар. яз.).

СС — К. Gronbech. Kommanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.

D (Д) — J. Dery. L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604—1613). Wiesbaden, 1957.

K — T. Kowalski. Karaimische Texte im Dialekt von Troki, Krakow, 1929.

Sch — E. Schütz. An Armeno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620—1621. Budapest, 1968.

Tr — Ed. Tryjarski. Dictionnaire Armeno-Kipchak d'après trois manuscrits des collections viennoises, tom I, fasc. 1—2. Warszawa, 1968.

V (Y) — S. Vásáry. Armeno-Kipchak parts from the Kamenets Chronicle. — «Acta Orientalia», tom XXII, fasc. 2. Budapest, 1969, pp. 139—189.

A 90 против. союз, Y 163, K, Тат. 723 — а, же, но, однако.

ADAM [араб.], суш. (adamlardan 30 исх. п. мн. ч.), Y 163, K, Тат. 24 adäm — человек.

AJA- гл. (ajamagajsiz 80 буд. вр. 2 л. мн. ч. в отриц. форме, ajamasangiz 91 услов. накл. 2 л. мн. ч. в отриц. ф.) Тг. 1 — 1 — 91 жалеть, прощать; Тат. 50 ajau 1) жалеть; 2) пощадить — прощать, пощадить.

AJOVLU 73 нар., Тг. 1 — 1 —96 неценный, нестоящий, Тат. 50 ajauly жалостливый — жалостливо.

AJT- гл. (ajtmağa 82—83 инфин.), СС, К, У 164 говорить, сказать; предписать; Тат. 728 äjtü — сказать.

AJTMAX имя действия (ajtmaxпу 92 вин. п. ед. ч.), Тат. 728 äjtmäk уст., книж. — сказанное.

AL- гл. (alыр 33, 52 дееп.; aldy 57 прош. кат. вр. 3 л. ед. ч.), СС, К, У 164, Тат. 34 — 1) призвать, брать alыр bij tengrine boluşluxka 33 призвав в помощь господу бога (Тат. 34); 2) в сочетании с деепричастиями придает оттенок завершения действия satup al- — купить (Тат. ТС, А — 266).

ALAJŽE против. союз 37, 84 Тг., У 164, Тат. 31 alaj da — все же, однако.

ALBO [укр., пол.] союз 72, Тг., У 164 — либо, или.

ALĀAX прил. 8, Тг., Тат. ТС А 268 alĀak злой, циничный, ничтожный, жалкий, низкий; подлый.

ALY[Y]Š сущ. (alyşyngyza 77—78 мест. п. мн. ч.), Тг., Тат. 33 alqyş аплодисменты с целью одобрения — благословение.

AMEN межд. 95. СС, К, Тат. 35, рел. amin — аминь.

AN част. 27, Тат. 184 ing — очень, самый.

ANGUĀI прич. 76 Тг. 1 — 1 — 67 ANG- помнить, напомнить, вспоминать, Тат. 50 anglaūy — 1) вспоминающий, 2) уясняющий, познающий, постигающий.

ANGUĀI BOL — вспомнить, помнить.

ANYNG 31 лич. мест. 1 л. ед. ч. см. ol.

ARI прил. 13, 16, 48, 71 Тг., У 165, Тат. 40 разг. 1) чистый; 2) хороший, добрый: ТДС 46 миш. честный, Нас. 19 aryjg чистый — 1) святой, ari зап (16, 48) святой дух, 2) священный (13, 71) ari bitik священное письмо, священная книга.

ARTYX прил. 22. (artyxун 46 вин. п.) Тг., У. 165, Тат. 40 artуq — излишний, остальное; лишнее, остаток.

ARZANISIZ [пер. arzan] прил. I, 64—65, Тг., У 165, Тат. 39 arzanly 1) дешевый; 2) не имеющий никакой ценности — недостойный.

ARŽAN прил. 28 см. arzanisiz.

AS 43 имя собств. — г. Ясы (Румыния).

A[SDWA]DZADZIN сущ. 55 /a[sdwa]dz/, Д., У 163 — богородица; Святая Дева.

A[SDWA]DZOYORMI сущ. 82, 91—92 [молитва] «Упокой господи».

ASRY усил. част. 18, 74, СС. asry, К. astry, Тг., У 165 — очень, весьма.

AŞYRA посл. 16, 47. Тг., У 165. Вал. 82 aşуги провести через что-либо, Тат. 47 aša 1) через, сквозь; 2) при посредстве, Тум. 108 aşуга через — 1) через; 2) с, при посредстве; 3) при помощи, благодаря.

ATA сущ. (atalaгum 69) мн. ч., притяж. СС, К, У 165, Тат. 43, отец, Тат. ТС А 394 1) отец; 2) старшее поколение — 1) отец; 2) старшее поколение.

AVAKEREC [арм.] сущ. 2—3 (avakerecning 4, род. п. ед. ч.) У 165 — старший священник.

BABAS [греч.] сущ. 2, 65—66 (babasny 79—80, вин. п. ед. ч.) Тг., У 166 — (христианский) священник, ксендз.

BAR мест. 81, У 166, Тат. 57 bar — весь.

◇ BAR JURAKTAN — от всего сердца.

BAŖĀ мест. 29, 35 (baŖčasyndan 8 исх. п.), СС, К, У 166, Тат. 59 — весь, всякий.

BAŠ суш. (baškaj 14 дат.-напр. п. ед. ч.), СС, К, Тг. голова; начало, вершина; У 166 голова; Тат. 62 конец, край — 1) голова; 2) конец; baškaj čxтum (13—14) довести до конца.

BER- гл. (berdi 54, 58 прош. кат. вр. 3 л. ед. ч.), СС, К, У 166, Тат. 73 birü (от) дать, сдать, представить — отдать.

BERI посл. 18, 22 Тг., У 166, Тат. 73 birle, Нас. 107 уст. bire — с со. с... как; после; иč juz jyldan beri (22) с тех пор как прошло 300 лет; кѳр zamanan beri (18) после многого времени.

BIJ суш. 14, 29, 33, 61, 92, СС, К, Тг., У 167, Тат. 70 bi уст. господин — господин.

BIJ TENGRİ — господь бог.

BIL- гл. (bilmalidir 17 повел. накл.), СС, К, У 167, Тат. 66 belü — знать.

BILA посл. 75. СС, У 167, Тат. 65 разг. belä — с, со.

BILIKSIZ прил. 9, Тг., Вал. 409 beleksez — незнающий, неученый, невежественный.

BIR числ. 51 (birisin 42 вин. п., birisinin 43 вин. п., birsi 56 вин. п.), СС, К, У 167, Тат. 66—68 — один, один из них.

BITİK суш. 71 (bitikka 13 дат. п. ед. ч.), СС, К, Тг., У 167, Тат. 69 betek — 1) письмо, написанное; 2) книга.

BOJ суш. (bojumnung 37 род. п. ед. ч.) Тг., Тат. ТС Б 400 buj тело — тело, плоть.

BOL- гл. (bolgajsiz 76—77 буд. вр. 2 л. мн. ч., bolmagan 87 прич. прош. вр.), СС, К, Тат. bulu — 1) быть, иметься (87); 2) оказаться (76, 87); 3) стать (76).

BOLUŠLUX суш. (bolušluxka 34 дат. п. ед. ч., bolušluxu 47 им. п. 3 л.), К, У 168, Тат. 84 bulušlyk — помощь, содействие; поддержка.

BU мест. 5, 11, 12, 44, 71, 84, 87 (bunung 39, 85—86 (род. п. ед. ч.), СС, К, У 168, Тат. 81 bu, Тат. 81 тонунг — этот.

ČALYŠ-гл. (čalyšur 12 деепр.), Тг., Тат. ТС К—52 čalyšu — стараться, приложить усилие.

Č[Y]X- вспом. гл. (čxтum 13 прош. кат. вр. 1 л. ед. ч.), СС, К, Тг., У 169, Тат. 644 — обозначает законченность действия.

DA союз 3, 6, 8, 9, 13, 15, 19, 27, 28, 29, 33, 34, 38, 40, 43, 44, 47, 49, 54, 56, 58, 69, 73, 78, 80, 93, Тг., У 169, Тат. 122 — и, также.

DAZAR [арм.] суш. (dazarda 90 мест. п. ед. ч.), Д. — храм.

DAYU нар. 30, 51, СС, Тг., У 169. Тат. диал. dayun и, Тат. 508 тауу (п) еще, опять — 1) еще, также, и (51); 2) еще больше (30).

D[E]R [арм.] суш. 2, 4, У 170 — отец (титул священника).

DOSTAT [укр.] гл. (dostat ettim 40 прош. кат. вр. 1 л. ед. ч.), У 170—достать [что-либо], приобрести [что-либо].

DOTEGO [пол. do tego] ввод. слово 76., Тг., У 169 — кроме того, к тому же.

ZAN [перс.] суш. 16, 36, 48 им. п. ед. ч. (zanu 89 им. п. 3 л.), СС, К, У 170, Тат. 757 — 1) душа (36); 2) дух (16, 48).

◇ ZAN EV TEN SARTYN — 36, Тг. 1 — 1 — 223 dzan sartın (без перевода), Д. džansartın и tensartın духовно и телесно, Тат. 758 зану-

hāne belān душой и телом, всей душой; усердно — душой и телом, всей душой.

2 [EKI] числ. 41, 44, Гр. 391, Тат. 163 ike — два.

EKSIK прил. 22 (eksikin 46 субст. прил. вин. п.), СС, К, Тг. мелкий, незначительный, маленький, малый; меньше, менее; приблизительно, примерно, около; Y 170 меньший; менее; Тат. ТС И — 93 древ. ikselmās уменьшающийся — 1) нар. приблизительно, около (22); 2) меньшее, незначительное, малое; недостающее (46).

EKSIKLIK сущ. (eksikikin 31—32 вин. п. ед. ч., 3 л.; eksiklikimni 35—36 вин. п. ед. ч., 1 л.), Тг. — 1) недостаток; 2) порок, зловредность.

ERMENILIK [перс.] 24 сущ. им. п. ед. ч., Тат. ärmānlek — армянство, армяне.

ET- вспом. гл. (edim 9—10 прош. вр. 1 л. ед. ч.; edix 19 прош. вр. 1 л. мн. ч.; edir 24 прош. вр. 3 л. ед. ч.; edir 26 употр. при обр. давнопрош. вр. 3 л. ед. ч.; ettim 40, 48 прош. кат. 1 л. ед. ч.; etir 46 деепр.; etkaj 61—62 буд. вр.; etsangiz 72—73 услов. накл.), СС, К, Тг., Y 170, Тат. 180 itü 1) быть; 2) делать, совершать; 3) употр. для образования сложного глагола — 1) делать, творить, совершать (48, 71—72); 2) быть; 3) употр. для образования сложного глагола (9—10, 19, 26, 40, 46, 61—62).

EV [арм.] союз 36 — и.

EVET союз 10, СС, Тг., Y 171 — да, так, таким образом.

GADARJAL [арм.] прил. 49 — полный, совершенный.

GEVOROVIC 54 имя собственное — Геворовиц.

HAGOP 1—2, 65, 79 имя собственное — Акоп (Яков).

HAJSMAVURK [арм.] сущ. 25—26 им. п., 41, 50 вин. п. (Hajsmavurkni 5—6 вин. п., Hajsmavurkka 20—21 дат.-напр. п., Hajsmavurktan 45 исход. п.), Д. — Четы-Минеи (церковно-религиозный сборник, содержащий жизнеописания святых); житие святых, синаксарь.

HANUZ [перс.] 25, 86 нар., СС, К, qapuz, apuz, Тг., Y 171, Тат. 782 hānüz уст. — 1) доньне, доселе; 2) все еще.

HEM [перс.] 50 союз. К. hem, Y 171, Тат. 782 hām — и, да, с.

HOVANEC 4, 53 имя собственное — Ованес.

HRICKOVIC 58, имя собственное — Хрицковиц.

XABUL: [араб.] *xabul et* — (xabul etkaj 61—62 гл. буд. вр.), Тат. 200 kabul itü — принимать.

XAČAN союз 70, СС, К, kačan, Тат. 213 kajčan, ДСТ 235 миш. ka-čan — если, если так, тогда, в таком случае.

XADAR [араб.] посл. (xadarga 11), К. qadar, Y 172, Тат. 205 kadār, bu kadār на[столько], до такой степени, тат. диал. xādār — до [такой] степени.

XAJDA мест. 90, СС, К. kajda, Д, Y 172, Тат. 210 kajda — где.

XAJDA KI (союз. сл.) — если.

XAJSI мест. 51 (xajsilarining 60 союз. сл.), СС. qajsy, К. kajsy, Y 172. Тат. 212 kajsy — который, какой [из них].

XAJSI KI 21, 85 союз. сл. — который, каковой, таковой (Тат. 212 kajsy ki книж.).

XALD[Y]R- гл. (xaldrdy 88 прош. кат. вр. 3 л. ед. ч.), К. kaldyr-, Y 173, Тат. 215 qalduгу — оставить [что-либо].

XARDAŠ сущ. (xardašlarum 69—70 им. п., форма прин.), К. kardaš, Y 173, Тат. 234 kardāš, ДСТ 461 миш. xarendāš — 1) родственник, родня; 2) рел. ближний духовный брат.

HAZNA [араб.] 86 сущ. им. п., Тат. 208 kazna, Тат. 619 xāzinā — сокровище, ценность, богатство.

ХОЈ- гл. (хојган 85 прич. прош. вр.), СС қој, К. кој-, У 173, Тат. қији оставить, ДСТ 208 қији оставить — оставить [после себя], представить.

ХОЛ- гл. (хологмен 67 наст.-буд. вр. 1 л. ед. ч.), СС, К, Д, Нугм. кулук рел. благодарность, Тат. 246 диал. келәй, ДСТ 237 келәй 1) миш. пожелание, желать, хотеть; 2) молиться с просьбой чего-нибудь — 1) просить; 2) обращаться, звать.

XUDRAT [араб.] сущ. (xudratyma 7 дат.-напр. п. ед. ч. 1 л.), АТР 212 kodrät — способность.

XUDRATS[I]ZLIK [араб.] сущ. (xudratszlxyма 11—12 дат.-напр. п. ед. ч. 1 л.), Тат. 267 kodrätsezlänü — бессилие, немощность, слабость, неспособность.

XUL сущ. (xulu 28 им. п. 3 л.), Тат. 269 qol — раб.

XUVAT [араб.] сущ. (xuvatyma 6 дат.-напр. п. ед. ч. 1 л.), СС, qovat, К. Kuvat, У 174, Тат. 303 kuät, ДСТ 463 миш. xuvat — сила.

ILOV 42 имя собственное — г. Львов (СССР).

JANGI прил. 20, 25, 41, 68 СС, К janуу, У 174, Тат. 722 jaңа — новый.

JARL[Y]YA—гл. (jarlygaj 93 буд. вр. желат. накл.), СС, D, Тг., Тат. 714 jarlykau — прощать, [по]миловать.

JAZ- гл. (jazdym 5, 49 прош. кат. вр. 1 л. ед. ч.), СС, К, У 175, Тат. 701 — [на]писать.

JAZD[Y]R- гл. (jazdrdym 50—51 прош. кат. вр. понуд. зал. 1 л. ед. ч.), Тат. 701 jazdyги — заставить (или поручить, велеть) написать.

JAZD[Y]RGAN прич. прош. вр. в знач. глагольного имени (jazdyrganymnu 56 вин. п. ед. ч.), Тат. — написанное по заказу (или приказу).

JAZGAN прич. прош. вр. в знач. глагольного имени (jazganymnu 52 вин. п. ед. ч.), Тат. — написанное.

JAZYL- гл. (jazyldy 75—76 прош. кат. вр. страд. зал., jazylgan 79 прич. прош. вр.), Тат. 702 jazylu — быть написанным.

JAZUXLY прил. 1, 28, 64, 78, 81—82, СС jazuxlu, К. jazuxly, Д, У 175, Тат. 702 jazykly — грешный.

JAZUČI 65 сущ. им. п. ед. ч. (jazučini 78 вин. п. ед. ч.), Д, Тат. 701 jazučy — писарь, [пере]писчик.

JAZUČIL[I]X сущ. (jazučilxta 10 мест. п. ед. ч.), Тат. 701 jazučylyq писательство — занятие письма.

JİŞADAG [арм.] сущ. вин. п. ед. ч. 54—55, 58 (jişadaglarын 60—61 вин. п. мн. ч., jişadagnу 84 вин. п. ед. ч.), Д — память.

JUXOV сущ. (juxovlargymuznyng 32—33 род. п. мн. ч. 1 л.; juxovina 55, 59, дат.-напр. п. ед. ч. 3 л.), СС jux-öv, Д. yihov, У 175, Тат. 719 jaxşu

хороший, добрый, Тат. ТС И — 7 ige хороший, святой; значит, (j)ixöv святой дом — церковь.

JYL сущ. (jyldan 21 исх. п. ед. ч.), СС, К, Тат. 145 — год.

JOYARУ нар. 79, Тат. 692 juуary — выше.

JOX предик. слово 26, К jox, У 176, Тат. 692 juq — нет, не имеется.

JURAK сущ. (juraktan 81 исх. п. ед. ч.), СС jürek, К. ürak, jurak У 176, Тат. 195 jöräk — сердце, душа.

JURKO 53 имя собственное — Юрко.

JUZ сущ. (juzum 66 им. п. ед. ч. 1 л.), СС, К, Д, У 176, Тат. 193 jöz — лицо.

◇ JUZ USNA TUŞUP — умолять, слезно просить.

КАМЕНЕС 23, 26, имя собственное — г. Каменец-Подольский (СССР).

KENDI мест. 88, СС, Д, У 177, тат. диал. kânt как раз сам, точно сам (по словам Р. Ахметьянова из Иглинского р-на Башкир. АССР) — свой, сам.

KENSI мест. 6 (kensilari 77 мн. ч., kensing 62 род. п. ед. ч.), СС, К, Д, Тг., У 177 — сам, самый.

KERAKSIZ прил. 9, нар. 30—31, Д, Тат. 259 kiräksez — недостойный, презренный.

KERI нар. 35, СС, Д, У 177, Тат. 257 kige — позади, назад; прочь.

KI [пер.] част. 23, 39, союз 17, 21, 70, 89, 90, У 177, Гр. 397, Тат. 250 ki который, ДСТ 242 кажется, -то, если, -нибудь — 1) част. -то, кажется (23); 2) союз. который (21, 85); 3) союз. когда (70); 4) союз. где (90); 5) союз. что (17).

KIBIK посл. 31, 86, Тат. 246 kebek — как, подобно, вроде, будто.

KIŞI суш. (kişiga 85 дат.-напр. п. ед. ч.), СС, К, У 177, Тат. 249 keşe — 1) человек; 2) лицо, особа.

KLASA 7 мест., Тат. 531 teläsä — любой.

KOK суш. (koktagi 62), СС, К, У 177, Тат. 335 kük — небо.

KOP нар. 17, СС, К, У 178, Тат. 338 күр, миш. көр — много.

KOR- гл. (korup 31 деепр.), СС, К, У 178, Тат. 342 күгү, миш. көг- — считать, полагать.

KORA посл. 7, 12, СС көге, К, У 178, Тат. 341 күгä — сообразно [чему-нибудь], в соответствии.

KOTUR- гл. (koturdum 38 прош. кат. вр. 1 л. ед. ч.), СС kötür-, köter-, К, Д, У 178, Тат. 343 күтärü брать на себя — поднять, возложить (брать) на себя.

KRIKOR 2 имя собственное — Крикор (Григорий).

K[RISDO]S 92 имя собственное — Христос.

KUSANĀ суш. 19, СС күsänĀ, Тг. kusanĀli, Тат. 328 kösänü уст. мечтать; просить, Тум. 137 kösäu желать, хотеть — желание, хотение.

LUKAŠ 57 имя собственное — Лукаш.

MEN мест. 1, 27, 64, 78, 81 (menim 51, 70, 84 1 л. ед. ч., мой), СС, К, Д, У 179, Тат. 372 min — я.

MENGILIK прил. 63, 94, СС mengülük, mengilük, mengülik, У 179, Тат. 388 mängelek — вечный.

NA [пол.] союз 92, Гр. 400, У 179 — тогда, в таком случае.

NE мест. 64, СС, К, У 179, Тат. 397 ni — 1) что; 2) какой.

NE UĀUN — почему, зачем (Тат. 397 ni öĀen).

NEĀA мест. 22, СС пеše, К пеša, Д, У 179, Тат. 400 piĀä — сколько, столько.

NEĀA KI — столько-то (ДСТ 242 piĀa ki).

NIGOL 59 имя собственное — Николай.

OYUL суш. (oyulu 3, 53 им. п. 3 л. ед. ч., oyullary 67—68 им. п. мн. ч. 3 л.), СС, К iyul, Тат. 582 уст. uyul — сын.

OL мест. 56, 83, 91, СС, К, У 180, Тат. 588 ul, миш. ol — 1) он (56, 91); 2) такой (83).

ONGARMAX имя действия (ongarmaxu 15 суш. 3 л. ед. ч.), ДСТ 460 ungaru поправиться, ДСТ 562 üngärü изменить, ДСТ 460 ungaru сделать качественным, иңаlmaq нукр. гов. сред. д. тат. яз. выздоровление, излечение (Л. 3 а л я й. Опорный диалект в образовании татарского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1968, стр. 37) — поправление, улучшение, исправление.

ORINAG суш. 20 (вин. п. ед. ч., 25 им. п. ед. ч.; orinaglar 41—42 вин. п. мн. ч.), Д, Тат. 751 ügnäk — образец.

ORINAGEL : orinagel et- (orinagel etsangiz 72) — переписать с образца, считать образцом.

PADŠAHL[Y]X [перс.] сущ. (padšahlxуна 63 дат.-напр. п. 3 л. ед. ч.), Y 181, Тат. 418 padišah уст., Тат. 424 patšalyq — царство.

PAMJEONT [пол.] сущ. pamjeontka 89 (дат.-напр. п. ед. ч.) — память.

PAN [пол.] 53, 57 сущ. им. п. ед. ч., Y 181, Тат. 419 pan — пан, господин.

PRACA [пол.] сущ. (pracapy 39 вин. п. ед. ч., pracalar 75 им. п. мн. ч.) — труд, работа.

RODZIC [пол.] сущ. (rodzičaryма 83 дат.-напр. п. мн. ч. 1 л., rodzičary 88 вин. п. 3 л. мн. ч.) — родители.

SAL- гл. (salyp 34 деепр.) Гр. 404, ДСТ 360 миш., Тат. ТС С — 62 salu — бросить, оставить.

SARNA- гл. (sarnasangyz 70—71 усл. накл. 2 л. мн. ч.), К. петь, Д, Y 183 читать, Тум. 188 sarнау петь, тат. sarнау петь заклинания (Н. Исәнбәт. Сайл. әсәрләр, т. 2. Казан, 1963, стр. 218) — петь.

SARTYN посл. 36, Д, ДСТ 363 sartyn миш., морд.-карат., Канд. 41, 48 — за, ради, для.

SATUN- гл. (52, 57 деепр.) Гр. 404, Тат. 471 satu — покупать, приобретать.

SATUN AL- — покупать, приобретать (Тат. 471 satyp alu).

SGORIGOVAT [пол.] гл. (sgorigovat etip 45—46 деепр.) — исправить, внести изменения.

SION [др.-евр.] сущ. (sionnung 68 род. п. ед. ч.) — церковь.

SIZ — мест. (91 им. п. 2 л. мн. ч., sizdan 67 исх. п., sizga 92—93 дат.-напр. п., sizni 94 вин. п.), Тат. 473 (sez, sezđän, sezgä, sezne) — вы; sizđän — от вас, sizgä — вам, sizni — вас.

SUXLANC сущ. 18—19, СС suxlanč — жажда, желание.

S[UR]P [арм.] прил. 32, 55, 59, 90, Тр., Y 184 — святой.

ŠAYAHVATLY [араб.] нар. 73—74, К. ševayat, Д. šagavat, Y 185 šayavat, Тат. 669 šäfkätle — милосердно, великодушно, снисходительно.

ŠAHAR [перс.] сущ. (šaharinda 23, 27 мест. п. 3 л. ед. ч.; šaharindan 42—43, 44 исх. п. 3 л. ед. ч.; šaharda 87 мест. п. ед. ч.), СС, К. šayar, Y 185, Тат. 669 šahär — город.

TEN [перс.] 36 сущ. им. п. ед. ч., СС, К, Y 185, Тат. 568 tän — тело, плоть.

TENGRİ сущ. 61 (tengriga 15 дат.-напр. п. ед. ч.; tengrining 16, 29, 48 род. п. ед. ч.; tengrini 33 вин. п. ед. ч.), СС, К. tenri, Д, Y 185, Тат. 571 täŋge — бог, всевышний.

TYND[Y]R- гл. понуд. зал. (tyndrgaj 93—94 буд. вр. желат. накл.), СС, К, Y 186, Тат. 562 tyndygu дать покой, ДСТ 433 — дать покой, дать возможность отдохнуть.

TYN[Y]ČL[Y]X сущ. (tynčlxta 94—95 мест. п. ед. ч.), Тат. 562 tynučlyq — 1) покой, спокойствие; 2) мир.

TOXTAL- гл. (toxtalyp edir 24 давнопр. вр. 3 л. ед. ч.), Д, Тат. 554 tuqталu остановиться, Тат. ТС — Т 610, 611 — остановиться жить, поселиться.

TORUN сущ. (tornu 3 ед. ч. 3 л.), Д, Y 186, Тат. ТС Т — 664 tu-гип — внук.

TURLU прил. 35, СС, К, Y 186, Тат. 576 törle — разный, различный.

TURLUŽ [turlu+пол. ž] прил. 83, Y 187 — см. turlu.

TUŠ- гл. (tušur 66—67 деепр.), СС, К, Гр. 408, Тат. ТС Т — 1055 tōšū — выпасть (на долю).

TUT- гл. (tutkajsiz 74 буд. вр.), СС, К, Д, Y 187, Тат. 548 totu — держать себя (каким-то образом).

300[UČJUZ] числ. 21, Тат. 743 öč jöz — триста.

UČUN посл. 64, 82, 89, СС, К, Y 187, Тат. 743 öcön — за, для, ради (82, 89).

NI UČUN — почему (Тат. 743 ni öcön).

ULU прил. 75, СС, Y 187, Тат. 410 oly — большой, великий.

UMSAŃ- гл. (umsanur 14 деепр.), К. umsun-, Y 187, Тат. 672 umsynu обнадёживаться — полагаться (на кого-то).

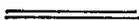
USNA посл. 66, 71—72, К, usnu, üsnu, Д, Y 187 — на, на (себя).

UST сущ. (ustuma 39—40 в знач. посл.), СС üstün, К. üst, Y 187, Тат. 741 ös(t) — на (себя).

ZABUNLUX [перс.] сущ. (zabunluxur 37—38 вин. п. ед. ч. 3 л.), Sch. zabun, Канд. 46 zâbün слабый — слабость, немощность; дряхлость.

ZAMAN [араб.] сущ. (zamandan 18 исх. п. ед. ч.), СС zamana, К, Y 188, Тат. 151 — время, пора.

ZERA [перс.] союз 17, 74, Д, Y 188, АТР 131 zirä — потому что, так как, ибо.

РЕЦЕНЗИИ

А. К. КУРЫШЖАНОВ. ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЛЕКSIКЕ СТАРОКЫПЧАКСКОГО ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА XIII В. — «ТЮРКСКО-АРАБСКОГО СЛОВАРЯ»¹

Современная тюркология не располагает достаточными данными о древнем периоде истории кыпчакского языка. Почти все ныне известные памятники кыпчакского языка относятся к средневековью — как раннему (данные словаря Махмуда Кашгари и русских летописей), так и позднему (памятники на языке армянских кыпчаков, юридические документы на половецком языке).

Что же представляет собой старокыпчакский язык? Термин «кыпчак» обычно означает название того тюркоязычного народа или племени (союза племен), который жил в средние века на обширной территории, от границ Китая до стран Восточной Европы, от степей Северного Казахстана до Византии и Египта. Термин «старокыпчакский язык» употребляется в науке в применении к языку памятников, написанных, как предполагается, на языке кыпчаков (или кыпчакских племен).

А. К. Курмышжанов в одной из своих статей все известные на сегодня письменные памятники, имеющие отношение к старокыпчакскому языку, подразделяет на две большие группы:

1) памятники разговорной речи кыпчаков (написанные на разговорном языке кыпчаков);

2) памятники литературного языка кыпчаков (произведения художественной литературы).

Памятники первой группы автор предлагает для удобства в свою очередь подразделить условно на следующие четыре подгруппы:

1. Памятники куманского языка (написанные на языке «куманских кыпчаков»). Сюда относится памятник конца XIII в. «Кодекс Куманикус», созданный в южнорусских степях.

2. Памятники половецкого языка (написанные на языке «половецких кыпчаков»).

Этот язык нашел отражение в русских летописях, восточноевропейских хрониках, половецко-русских словарях, относящихся к XI—XIII вв.

3. Памятники, созданные на основе языка мамлюкских кыпчаков, населявших в XIII—XV вв. Египет и Сирию.

4. Памятники на языке армянских кыпчаков, проживавших в XVI—XVII вв. в армянской колонии в Каменец-Подольске².

Многие из этих памятников были переведены на иностранные языки (турецкий, немецкий, французский и др.). Некоторые из них изучались: анализировалась их лексика, исследовались грамматические формы и связи. Между тем, как весьма справедливо отметил в свое время Э. В. Севортян, мы до сих пор не располагаем русскими переводами основных памятников древнетюркских языков — «Дивана» Махмуда Кашгари, «Китаби-и-меджму», «Китаб-аль-идрак ли-лисан аль-Атрак», «Ат-тухват-уз-закыйя фил-лугат-ит-туркийя» и др.³

В последние годы в Казахстане ведется интенсивная научная работа по изучению памятников разговорной речи кыпчаков XI—XVI вв. Так, в частности, готовится к печати самый крупный из старокыпчакских письменных источников XIII—XIV вв. «Кодекс Куманикус».

А. К. Курмышжанов, в течение ряда лет занимавшийся изучением старокыпчакских памятников, опубликовал в прошлом году рецензируемую монографию, подводящую итоги некоторым его изысканиям.

² А. Курмышжанов. К истории изучения разговорной речи кыпчаков XIII—XIV вв. — «Известия АН КазССР», серия обществ. наук, 1970, № 6, стр. 53—60.

³ Э. В. Севортян. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР. — В сб. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 28.

Арабский Восток рано проявил интерес к тюркским языкам. Причиной тому, очевидно, послужило то обстоятельство, что «племена тюркской языковой группы стали проникать в Малую Азию, по-видимому, с IV в. как со стороны Кавказа и Ирана, так и со стороны Балканского полуострова»⁴.

Кыпчакские же племена, как утверждают историки, были в числе племен, переселявшихся из южнорусских степей, с берегов Волги и Дона через Крым и Северное Закавказье (до и после монгольских нашествий). Постепенно эти племена проникли в арабские страны Ближнего Востока через Анатолию. С 1250 г. султаны-мамлюки, выходящие из кыпчакских племен, становятся фактическими правителями Египта. Неуклонный рост роли адстрата тюрков в Египте, по-видимому, способствовал изучению там языка пришельцев.

Изучение разговорной речи кыпчаков на Арабском Востоке преследовало чисто практические цели⁵. Об этом свидетельствуют составленные там словари, справочники, грамматические описания и определители⁶. Древнейшей из них считается рукопись «Китаби-и междуму-у терджуман тюрки ве 'аджеми ве моголи ве фарси» («Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков»), написанная в Египте анонимным автором в 1245 г. Сокращенно ее называют еще «Терджуман тюрки ве арави» («Тюркско-арабский словарь»). В тюркологии она получила известность также под названием «Словарь Хоутсма», поскольку впервые ее издал Т. Хоутсма в 1894 г. Название рукописи в более точном переводе означает: «Общая книга толкования тюркско-персидского и монгольско-персидского языков». Слово «персидский» в первом случае передается через «аджеми», что означает буквально «не арабы», «персы» (ср. узбекское «ажмий» — «персидский»). Однако вместо ожидаемого тюркско-персидского рукопись включает тюркско-арабский словарь (из 76 страниц большого формата—62 стр.)⁷.

Переписчиком этой уникальной рукописи неизвестного составителя считается Халил бин Мухаммед бин Юсуф из Конии — бывшей столицы государства сельджукидов, где, по предположению некоторых исследо-

вателей, говорили на огузско-туркменском языке⁸.

Памятник, несмотря на то что он имеет важное значение для изучения истории ряда современных тюркских языков (как кыпчакских, так и огузских), до сих пор еще не был объектом исследования ученых. Так, С. Е. Малов писал, что грамматики кыпчакского языка, написанные на арабском языке в Египте в XIII—XIV вв., а также «Тюркско-арабский словарь» весьма полезны для изучения истории казахского языка, так как в них можно найти ценные сведения по некоторым вопросам развития и изменения ряда грамматических категорий и фонетических явлений⁹. Поэтому следует признать важным и своевременным выход в свет рецензируемой книги А. К. Курышжанова, который транскрибировал «Тюркско-татарский словарь» на основе русской графики и перевел его на русский язык, тем самым сделав этот памятник доступным широкому кругу читателей.

Книга «Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря» состоит из следующих разделов: 1) Вместо предисловия (стр. 5—11); 2) Введение (стр. 12—44); 3) Лексика «Тюркско-арабского словаря» (стр. 45—75); 4) Словарь (тюркско-русский) (стр. 76—224); 5) Приложение (список тюркских слов в оригинальном начертании) (стр. 225—233).

Употребление автором в заглавии термина «старокыпчакский» объясняется тем, что составитель словаря строго различает два языка: «кыпчакский» и «туркменский» (первый из которых называет «тюркским»). Это соответствует тому, что в XIII в. зачастую ставили «турк» и «кыпчак» в сопоставлении¹⁰.

В рукописи представлены в основном данные тюркско-кыпчакского языка, а элементы туркменского языка приведены в качестве дополнительных материалов сопоставительного характера. Следовательно, в данном случае слова «тюркский» и «кыпчакский» синонимичны.

Во введении А. К. Курышжанов дает описание рукописи (объем, содержание, особенности оформления и передачи букв, написания слов); приводит сведения о цели, месте и времени выполнения рукописи; излагает историю изучения языка рукописи.

⁴ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1968, стр. 491.

⁵ З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 9.

⁶ O. Pritsak. Das Kiptschakisch.—«Philologiae Turcicae Fundamenta», т. 1. Wiesbaden, 1959.

⁷ Остальные страницы рукописи представляют собой монгольско-персидский и арабско-монгольский словари.

⁸ 9.

⁸ Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 24—25.

⁹ С. Е. Малов. К истории казахского языка. — «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, 1941, № 3, стр. 98.

¹⁰ А. Зайончковский. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XV вв.). Журн. «Вопросы языкознания», 1967, № 6, стр. 83.

Литература по истории изучения рукописи, описанная автором монографии, в большинстве случаев носит библиографическо-оценочный характер. Мнения тюркологов сходятся на том, что этот памятник наряду с произведением Абу Хайяна «Булгат ал-Муштак», «Ал-Кавани ал-Куллия», «Ат-тухфат-уз-Закийя» и другими является памятником старокыпчакского языка мамлюкского периода и представляет собой ценный источник по изучению истории современных тюркских языков кыпчакской и отчасти огузской группы.

Критический анализ материалов, приведенных в издании Т. Хоутсма, составляет одну из основных частей раздела «Введение». «Издание Т. Хоутсма,—пишет автор,—до сих пор пользуется большой популярностью... Его система транскрипции и перевод заслуженно пользуются признанием тюркологов» (стр. 12). Однако с интерпретациями этого ученого А. К. Курышжанов не всегда соглашается. Поэтому автор монографии при транскрибировании, переводе, толковании и анализе как кыпчакских, так и туркменских слов. уточняет издание Т. Хоутсма. Однако при этом А. К. Курышжанов пишет: «Во всех случаях, когда точное транскрибирование отдельных слов из-за отсутствия огласовки и других побочных данных было затруднительным, мы всегда придерживались начертания Т. Хоутсма» (стр. 37). Вместе с тем во многих случаях автору пришлось уточнить транскрипцию и перевод, провести полную инвертаризацию и выявить особенности начертания ряда слов. Так, он отмечает наличие в рукописи отдельных слов, которые отсутствуют в издании Т. Хоутсма, и включает их в словарную часть своей работы. Таковы, например,

слова Sam 'Сирия', arđäp 'ардебб', falan 'такой-то', idi 'был', ivde 'дома', ol 'он', bu 'это', sep 'ты' и др. (стр. 30—31). Т. Хоутсма приводит не все значения слов qojuŋl 'пробировать', ot 'жизнь', sugaqaŋu 'маяк', saŋuŋuŋl 'укрываться', batuŋuŋl 'сделать что-нибудь жестким' и др. В издании Т. Хоутсма указанные слова соответственно переводятся: 'ставить', 'травя', 'огонь', 'лекарство', 'подсвечник', 'кончать' (при последнем переводе он пишет bütig), которые, по мнению А. К. Курышжанова, передают дополнительные значения указанных слов (стр. 30—31).

Многие слова в издании Т. Хоутсма не были транскрибированы. При определении их фонетического облика А. К. Курышжанов в одних случаях исходит из наличия в рукописи надстрочных и подстрочных знаков (хараке): dirdük 'столярный верстак', irsik 'сверло', ejkir 'красный как пламя', elir 'мул' и др.; в других случаях он сопоставляет их с аналогиями из других языков или письменных памятников: kok 'со-

и др. (стр. 32). Однако некоторые переводы автора вызывают сомнение. К таким, на наш взгляд, относятся: ük 'четырёхлетняя овца', üke (idem), ük'ec 'трехлетняя овца', сопаг 'морковь' и др. (стр. 32). Разногласия в этом вопросе возникают там, где начертания слов не дают основания для их бесспорного воспроизведения из-за отсутствия знаков «хараке». Именно в этих случаях и представляют особый интерес рассуждения А. К. Курышжанова, подтвержденные им материалами сравнительно-сопоставительного характера. Автор полемизирует с Т. Хоутсма также по вопросам этимологии и перевода некоторых слов (стр. 40—42).

А. К. Курышжанов подвергает подробно анализу замечания, сделанные рукою анонимного автора на полях одного из экземпляров издания Т. Хоутсма. Данный экземпляр, по предположению исследователей, принадлежал известному специалисту по древнетюркским памятникам А. Ле-Коку, о чем свидетельствует, в частности, круглая печать на первой странице этого экземпляра. Упомянутые замечания особенно ценны тем, что в них примеры из памятника сравниваются с данными современных узбекского и каракалпакского языков (стр. 42—44). Таким образом, А. К. Курышжанов ввел в научный обиход до сих пор оставшиеся неизвестными ученым замечания А. Ле-Кока по истории старокыпчакского языка.

В следующем разделе «Лексика тюрско-арабского словаря» подробно анализируются характерные особенности передачи графических знаков и их орфограммы, рассматривается словарный состав рукописи. Кстати, в книге для транскрипции используется обычный русский алфавит, известный под названием «радловского» (или «академического»), с той лишь разницей, что некоторые из букв заменены другими, более удобными для набора в типографии Академии наук Казахской ССР, а именно: *Ғ, Ҡ, Ң, Ө, Ү*, (вместо *Ғ, қ, ң, ö, у* соответственно). Отождествить их нетрудно, если иметь в виду, что в работе сопоставляются не только оригинальное изображение звуков (то есть арабское начертание), но и латинский вариант их транскрибирования, выполненный Т. Хоутсма (стр. 45—51).

Для определения объема лексического богатства памятника в работе приведен текстальный пересказ первой части рукописи, которая содержит имена, сгруппированные по лексико-семантическому принципу (стр. 51—61). Отметим также, что вторую часть рукописи составляют глаголы, расположенные по порядку арабских букв. Третья часть посвящена спряжению глагола. Четвертая часть охватывает аффиксы. Материалы последних двух частей весьма незначительны. Более подробного описания лексики автор не дает, но зато со всей тща-

тельностью изучаются им диалектные разновидности собственно кыпчакских слов, заимствования из арабского, персидского, монгольского и греческого языков, а также элементы туркменского языка. Принадлежность отдельных слов к той или иной группе (то есть диалектизмам, заимствованиям и т. д.) местами отмечена самим составителем рукописи, а в ряде случаев выявлена исследователем на основе сравнительно-сопоставительного изучения данных рукописи с материалами соответствующих языков и источников (стр. 61—75).

Раздел «Словарь» составляет основную часть работы. Порядок подачи материала в нем таков: слово приводится в новой, принятой в монографии транскрипции, в круглых скобках — его оригинальное написание с указанием страницы рукописи. Далее отмечается отношение слова к лексике других языков или диалектов и тут же приводятся его варианты (как фонетические, так и семантические, если таковые, конечно, имеются). После перевода слова на русский язык указываются на фонетические и смысловые расхождения с изданием Т. Хоутсма. Далее следуют сравнительно-иллюстративные материалы, привлеченные в основном из двух групп источников: средневековых письменных памятников и современных кыпчакских языков. В словаре приводятся примеры из таких широко известных в тюркологии источников, как «Кодекс Куманикус», «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-Атрак», «Булгат ал-муштак фи Лугат ат-турк вал-Кыпчак», «Ал-Каванин ал-куллия ли-дабт ал-лугат ат-туркия», «Ат-тухфат-уз-закийя фил-лугат-ит-туркийя», и др. Материалы языка армянских кыпчаков представлены по изданиям Ж. Дени и Т. И. Грунина. Из числа так называемых общетюркских памятников к сравнительному изучению привлечены словарь Махмуда Кашгари (по изданию С. Муталибова и К. Брокельмана), «Араб филолог о турецком языке», словарь Ибн-Муханны и другие, составленные в эпоху создания «Тюркско-арабского словаря». В исключительных случаях, когда то или иное слово не может быть объяснено при помощи аналогичных форм в указанных источниках, автор привлекает соответствующие данные из словарей В. В. Рад-

лова и Л. З. Будагова. Одним словом, этот раздел можно считать сравнительным словарем старо- и новокыпчакских языков, составленным на основе данных одного из старокыпчакских письменных памятников — «Тюркско-арабского словаря». Подобный метод исследования, по нашему мнению, следует приветствовать, поскольку у нас все еще мало работ, посвященных сравнительному изучению тюркских языков.

Отметим также некоторые недостатки работы. Так, в ней недостает грамматической части, которую можно было бы написать на основе третьей и четвертой частей рукописи.

Раздел, где приводятся семантические группы кыпчакских слов, следовало бы разработать более обстоятельно, разбив эти слова на группы и подгруппы.

Вызывает сомнение правильность транскрипции некоторых слов, например, *boya* 'черепаха', *boya* 'бык', *boya* 'верблюд-самец' и др. Автор отдает предпочтение указанным вариантам, полагаясь «на авторитет Т. Хоутсма, который впервые переложил их на письмо латинской графики» (стр. 3). Однако теоретически возможны и другие варианты. Если бы не приоритет Т. Хоутсма, то эти слова, возможно, были бы транскрибированы автором в вариантах более близких к произношению казахов: *baya*, *biya*, *biya*.

Переводы некоторых слов весьма перегружены многословным повторением почти одного и того же значения. Например, слово *qaqlayul* переведено как «разрезать (мясо) на мелкие куски для соления и сушки», «сушить разрезанное на мелкие куски засоленное мясо» (стр. 155). Нам кажется, что без всякого ущерба вполне можно было бы ограничиться вторым толкованием.

Отметим, что в работе чувствуется опытная рука ответственного редактора Э. Н. Наджила и редактора Л. Ф. Любенко.

В целом книга оставляет приятное впечатление. Она, несомненно, внесет свой вклад в изучение языка старокыпчакских памятников, с одной стороны, и в изучение истории современных тюркских языков кыпчакской и огузской групп — с другой.

*М. Балакаев,
М. Томанов*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VI РЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

8—10 июня 1971 г. в Ташкенте состоялось VI региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, организованное Президиумом и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

В работе совещания участвовали диалектологи из Москвы, Алма-Аты, Ашхабада, Ташкента, Фрунзе, Кишинева, Нукуса, Уфы, Казани, Чебоксар, Кызыла, Ферганы, Бухары, Кызыл-Орды, Намангана, Чимкента, Ленинабада.

Совещание, которое вступительным словом открыл академик-секретарь Отделения истории, языка и литературы Академии наук Узбекской ССР *М. К. Нурмухамедов*, рассмотрело вопросы составления диалектологических атласов и словарей тюркских языков, проблемы исторической диалектологии, состояние диалектологической работы на местах.

С докладом «К вопросу об интерпретации языковых аномалий (на материале тюркских языков)» выступил на совещании *К. М. Мусаев* (Москва). Он подробно говорил о фонетических аномалиях (цоканье) в тюркских языках. Территориально цоканье в диалектах тюркских языков охватывает Западную Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ, Западную Украину, Азербайджан, Турцию. Одни ученые подобные аномалии относят к исконно тюркским явлениям, другие — считают результатом контактов с языками иных систем. По мнению *К. Мусаева*, случай цоканья следует рассматривать отдельно, в связи с конкретными историческими условиями развития каждого языка.

Ш. Ш. Шаабдурахманов (Ташкент) в докладе «Об атласе узбекских народных говоров» остановился на истории развития узбекской диалектологии и задачах, стоящих перед узбекскими диалектологами. Диалектологические исследования в Узбекистане, отметил докладчик, ведутся в трех следующих направлениях: а) исследование неизученных говоров; б) составление диалектных словарей; в) составление диалек-

тологических атласов отдельных территориальных говоров. Докладчик подчеркнул, что узбекская диалектология вступила в новый этап своего развития — она начала изучать говоры лингвогеографическим методом.

Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата), выступивший с докладом «Из опыта составления диалектологического атласа казахского языка», рассказал о работе казахских диалектологов над составлением четырехтомного атласа. Исследованием охвачены не только территория Казахской ССР, но и районы с казахским населением за пределами республики. Сбор материалов был начат в 1966 г. Сотрудниками Сектора диалектологии Института языка и литературы АН Казахской ССР составлено 257 карт, которые дали богатый материал для классификации диалектов казахского языка. Так, по фонетическим особенностям выделены в особую группу южные говоры, выявлены лексические заимствования из других языков и т. д. Картографирование говоров подтвердило высказанные ранее мнения тюркологов (*А. С. Аманжолова* и др.) относительно диалектного состава казахского языка.

В докладе *Г. Бакиновой* (Фрунзе) «О составлении диалектологического атласа киргизского языка» говорилось о научно-исследовательской деятельности киргизских диалектологов. За восемь последних лет ими собран материал по диалектам и говорам киргизов, проживающих в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане. На карты нанесены 379 населенных пунктов, названия рек, горных хребтов и др. Сбор материалов производится с учетом этнических, географических особенностей, а также контактов носителей изучаемых говоров с соседними народами. Всего будет составлено 170—180 карт.

Г. Бакинова поделилась также опытом картографирования отдельных языковых явлений (при помощи различных знаков и т. п.).

Доклад *Н. Х. Максютовой* (Уфа) «Башкирская диалектология и перспективы ее

развития» был посвящен работе башкирских диалектологов по исследованию истории языка и его диалектов. В ведущихся комплексно, совместно с историками и археологами, исследованиях изучаются фонетические и лексические особенности диалектов башкирского языка в сравнении с другими родственными и неродственными языками: якутским, тунгусским, монгольским и т. д.

Коллективом авторов издан «Диалектологический словарь башкирского языка», т. I (1967); т. II (1971). Завершены две монографии по диалектам башкирского языка (авторы — Н. Х. Максютова и С. Ф. Мирджанова). В перспективе — подготовительная работа для составления диалектологического атласа.

Л. П. Сергеев (Чебоксары) сделал доклад «О некоторых вопросах исторической диалектологии чувашского языка». Докладчик отметил, что отсутствие письменных памятников, датированных ранее XVIII—XIX вв., значительно затрудняет работу историков чувашского языка. На основании материалов диалектологических атласов и письменных памятников верхового диалекта (1738—1739 гг.) можно составить представление о формировании чувашского национального языка. Сравнение фонетических и лексических особенностей диалектов и письменных памятников с данными литературного языка позволяет исследовать такие явления, как архаизация слов, стяжение слогов, проникновение иноязычных элементов (из марийского и русского языков), тенденцию к изменению фонетического облика под влиянием заимствований.

Докладчик отметил, что использование материалов письменных памятников, данных современных говоров родственных и неродственных языков, а также материалов по топонимике дает возможность наметить контуры чувашской исторической диалектологии.

В докладах Э. И. Фазылова (Ташкент) «Труды восточных филологов — источник истории диалектов тюркских языков» и Ш. Ш. Шукурова (Ташкент) «К вопросу исторической диалектологии узбекского языка» были подняты вопросы изучения памятников тюркской письменности с точки зрения их диалектных особенностей.

Э. И. Фазылов высказал мнение, что лишь на основе изучения закономерностей, условий и форм развития диалектов тюркских языков можно установить общие пути развития тюркских языков. В связи с этим особо важное значение приобретают лексические и грамматические пометы восточных филологов, благодаря которым можно проследить распространение в тюркских языках слов и морфологических показателей огузского, кыпчакского, чигильского, болгарского и других диалектов. Путем последовательного исключения общетюркских и межтюркских черт (то есть черт, свойственных

огузским, кыпчакским и другим группам) можно установить внутренние отношения между языками и воссоздать сравнительную картину строя тюркских языков XI—XVIII вв. Докладчик проанализировал на материале трактатов восточных филологов этого периода особенности тюркских языков и сделал попытку установить их структуру.

Ш. Ш. Шукуров подчеркнул, что историческая диалектология узбекского языка, как и других тюркских языков, в настоящее время находится в начальной стадии развития, что объясняется главным образом следующими причинами: узбекские говоры и диалекты еще недостаточно изучены, большая часть исследований носит диалектографический характер, письменные памятники узбекского языка в лингвистическом отношении мало изучены, для большинства из них не составлено научно-критических текстов. Особое внимание докладчик уделил диалектизмам в языке письменных памятников, используя метод исключения.

Ш. Шукуров приходит к выводу, что основными источниками для исторической диалектологии узбекского языка наряду с современными узбекскими народными говорами являются памятники староузбекского письменно-литературного языка, несмотря на то, что в последних диалектизмы отражены крайне слабо.

Г. Садвакасов (Алма-Ата) в докладе «К вопросу о взаимодействии уйгурского и узбекского языков» говорил об истории появления уйгуров в Ферганской долине, где в настоящее время их проживает 20—25 тыс. Совместное ведение хозяйства, общие экономические условия жизни уйгуров и узбеков обусловили сближение их близкородственных языков. Под влиянием узбекского многие специфические черты уйгурского языка были утрачены или ассимилировались. Взаимодействие двух языков прослеживается и в фонетике, и в лексике. Сохранились географические названия уйгурского происхождения. Совместными усилиями специалистов обоих языков, с участием диалектологов может быть воссоздана история взаимовлияния родственных языков.

С докладом «О диалектологическом атласе узбекских говоров низовьев Кашкадарьи» выступил А. Шерматов (Ташкент). Он сообщил, что диалектологический атлас говоров низовьев Кашкадарьи, подготавливаемый на основе материалов его личных наблюдений, уточнит границы распространения лингвистических явлений диалектов и говоров данной территории. При картографировании учтены основные различия между диалектами низовьев Кашкадарьи, причем каждый говор рассматривается в системе диалектов. Докладчик поделился опытом картографирования, проведенного по разделам фонетики, морфологии и лексики.

В докладе «Из опыта составления диалектологического словаря северо-узбекских говоров» К. Н. Назаров (Ташкент) расска-

зал об основных задачах и принципах составления диалектологического словаря северо-узбекских говоров, к которым относятся говоры Бостандыкского района Ташкентской области Узбекской ССР и узбекские говоры Южного Казахстана: туркестанский, чимкентский, кентауский, джамбульский (городские) и бостандыкский, сайрамский, туркестанский, сузакский, ленгерский, тулкибашский (районные), а также многие говоры и подговоры кишлаков. Докладчик также остановился на классификации изученных говоров и явлениях двуязычия, наблюдаемого в них. Он особо подчеркнул, что необходимо различать *диалектный* и *диалектологический* словарь.

В докладе *С. Омарбекова* и *А. Джунусова* (Алма-Ата) «Узбекские заимствования в языке казахов, проживающих на территории Узбекистана (Ташкентская область)» говорилось, что влияние узбекского языка на казахский происходит неравномерно и зависит от окружающей среды, исторических условий, связей местного населения с пришлым. Узбекские элементы, проникая в казахский язык, претерпевают как фонетические, так и семантические изменения (сужение или расширение значений). При этом заимствуются не только имена, но и другие части речи (например, послелог). Лексические заимствования чаще всего прослеживаются в названиях предметов домашнего обихода, кулинарных изделий, элементов жилищной постройки, сельскохозяйственных, садоводческих, ирригационных, хлопководческих и других терминах.

М. М. Мирзаев (Бухара) в докладе «Исследование синтаксиса говоров узбекского языка Бухарской области» рассказал о состоянии диалектологической работы в Бухарской области. Путем непосредственного наблюдения над языком, магнитофонной записи связной речи (рассказы, сказки, беседы) накоплен богатый диалектологический материал по синтаксису. Эти данные указывают на своеобразие структуры диалектов, отличающихся от литературного языка порядком расположения компонентов в предложении (инверсия), употреблением словосочетаний, отсутствием ряда грамматических категорий и т. д.

А. Ю. Алиев (Наманган) в сообщении «К вопросу изучения узбекских говоров Наманганской области» рассказал об истории изучения наманганских говоров узбекского языка.

Об исследовании диалектов верхней Кашкадары сообщил в своем выступлении *Кудратов* (Карши). Изучение этих диалектов было начато в 1955 г. ныне покойным узбекским диалектологом *Б. Джураевым*. Он завершил монографию, посвященную фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям этих диалектов. В настоящее время исследуются переходные говоры.

Б. П. Тукан (Кизилов), сделавший доклад на тему «Молдавско-гагаузские язы-

ковые взаимоотношения и вопросы составления диалектологического атласа гагаузского языка», подчеркнул, что история гагаузов тесно связана с историей болгар, украинцев и молдаван. Исторические связи, продолжающиеся более двухсот лет, обусловили проникновение гагаузских языковых элементов в молдавский и другие контактировавшие языки. Особенно много заимствований наблюдается в области лексики и фонетики. Весьма значительно влияние гагаузского языка на западные молдавские говоры. Докладчик привел конкретные примеры тюркизмов в молдавском, болгарском и румынском языках. При этом он отметил, что в словаре румынского языка эти элементы даются как заимствования из турецкого языка.

Г. Сапарова (Ашхабад), выступившая с докладом «Некоторые морфологические особенности, отражаемые в диалектологическом атласе туркменского языка», говорила о том, что туркменский язык весьма богат диалектами. Так, если раньше считали, что их число доходит до двадцати двух, то теперь установлено их свыше сорока. Докладчик остановилась на некоторых особенностях чарджууского и других диалектов.

А. Ишаев (Ташкент) сделал сообщение о состоянии советской узбекской диалектологии, рассказал об издающихся в Узбекистане монографиях и диалектологических словарях, о достижениях узбекских диалектологов в области изучения отдельных говоров узбекского языка и составления диалектологического атласа. В частности, *А. Ишаев* подчеркнул, что в Узбекистане защищается большое число диссертаций по диалектологии.

Н. Нурмагамбетов (Алма-Ата) в докладе «Казахская диалектология за последние годы» рассказал об успехах казахских диалектологов, об исследованиях говоров казахов, в том числе и проживающих за пределами республики. Изучаются также техническая и сельскохозяйственная терминология, термины древних ремесел и т. д. Изданы сборники, посвященные истории языка и современному литературному языку.

С докладом «Диалектные особенности говора казахов, проживающих в Мангышлаке» выступил *С. Омарбеков* (Алма-Ата). Докладчик сообщил о завершении первого монографического исследования по этой теме и планирующейся в будущем подготовке диалектологического атласа и полного диалектного словаря.

Д. Тумашева (Казань) в своем выступлении рассказала о состоянии исследования татарских диалектов, в частности сектором диалектологии Казанского института языка, литературы и истории. В настоящее время институтом готовится четырехтомный диалектологический атлас татарского языка. В другом диалектологическом центре — Ка-

занском университете, а также в Елабугинском пединституте ведется монографическое изучение диалектов.

Докладчик подчеркнула важность координации работы диалектологов по составлению диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза. К сбору материалов для атласа, по ее мнению, необходимо привлечь студентов вузов.

Доклад *О. Бекбаулова* (Нукус) «Некоторые особенности изучения диалектов каракалпакского языка» был посвящен истории изучения диалектов каракалпакского языка. По классификации *Н. А. Баскакова*, отметил докладчик, в каракалпакском языке имеются два диалекта — северо-восточный и юго-западный. В последние десять лет были уточнены территории распространения этих диалектов. В настоящее время коллектив языковедов работает над монографическим описанием диалектов. Составление атласа диалектов каракалпакского языка начато в текущем году.

Ф. А. Абдуллаев (Ташкент), остановившийся на некоторых недостатках методики исследований, картографирования и др., указал на необходимость глубокого изучения фонетических соответствий в тюркских языках и их диалектах, что должно служить основой для исследований в области исторической фонетики. Такие исследования дадут возможность определить, какому языку принадлежит тот или иной письменный памятник и кто был его составителем. Что касается вопроса подготовки диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза, то здесь большое значение приобретает изучение языковых взаимоотношений.

В докладе «Изучение диалектов тувинского языка» *З. Б. Чадамба* (Кызыл) говорилось об истории изучения тувинского языка и его диалектов. Особенностью диалектов тувинского языка является отсутствие четко выраженных территориальных признаков и поэтому следует говорить о преимущественном употреблении лексических единиц. Определенными критериями разграничения могут служить: в лексике — заимствования из монгольского языка (вместо общетюркских слов), в морфологии — наличие или отсутствие условного наклона. Для различных районов, в зависимости от хозяйственно-экономических и географических условий, характерно своеобразие профессиональной терминологии.

Использованию электронно-вычислительных машин в лингвистике был посвящен доклад *К. Бектаева* (Чимкент) «Вопросы применения кибернетических методов в диалектологии». В СССР в настоящее время ЭВМ применяется при создании частотных словарей, разработке вопросов оптимизации преподавания национальных языков. *К. Бектаев* поделился опытом изу-

чения частотности шумных согласных в кыпчакской группе тюркских языков. Эта частотность составила: в казахском языке — 48%, каракалпакском — 34%, ногайском — 43%. Большая частотность ногайских шумных согласных обусловлена контактированием с украинским и русским языками. В настоящее время исследуются диалекты узбекского языка, уйгуро-чигиле-карлукская, кыпчакская и огузская группы диалектов.

В докладе *Джунусова* (Нукус) «Некоторые особенности говора казахов, проживающих в Каракалпакской АССР» были рассмотрены условия, сблизившие каракалпакский язык и говоры казахского языка. При сравнении казахских говоров этих районов с литературным казахским языком обнаруживается отличие в ряде фонетических признаков. Так, в некоторых позициях вместо широкого гласного *a* литературного языка произносится редуцированный *ɔ* (в лит. *дабл* 'слух, молва', в говорах *дѣбл*), отмечено также смягчение заднеязычных согласных *g—r*, *k—k₁* и др.

С сообщениями выступили *С. Атаниязов* (Ашхабад) — «О некоторых опытах составления диалектологического атласа туркменского языка» и *Шералиев* (Ленинабад) — «О говоре узбеков, проживающих в северной части Таджикистана».

Согласно сообщению *С. Атаниязова* диалектологами составлена фонетическая часть диалектологического атласа туркменского языка. Установлено, что некоторые фонетические различия с литературным языком связаны с этническим составом населения.

В своем сообщении *Шералиев* коротко остановился также на вопросе взаимовлияния узбекского и таджикского языков.

В коллективном докладе *Б. Чарьярова* и *А. Аннанурова* (Ашхабад) «О состоянии диалектологической работы в Туркмении и вопросы составления атласа» говорилось о завершении составления 78 карт и подготовке диалектологического словаря туркменского языка. Особо отмечалось, что при изучении говоров указываются лексические, семантические особенности, диалектная принадлежность. В 1970 г. был издан учебник по диалектам туркменского языка, однако небольшие диалекты и говоры все еще остаются неисследованными. Назрела необходимость в создании обобщающих монографических работ по диалектологии и лингвистической географии.

В прениях по докладам приняли участие *К. М. Мусаев*, *Н. Х. Максотова* и др.

С заключительным словом выступил *К. К. Юдахин*, говоривший о больших достижениях тюркской диалектологии за годы Советской власти и перспективах ее развития.

Присутствующие отметили, что за период, прошедший после V регионального совещания по диалектологии тюркских языков, проделана значительная работа как по изучению диалектов, так и по составлению диалектологических атласов отдельных тюркских языков.

VII региональное совещание по диалек-

тологии тюркских языков намечено провести в 1973 году в г. Алма-Ате и посвятить его актуальным проблемам тюркской диалектологии.

*К. М. Мусаев, Н. Расулова,
Л. Данилова*

ХРОНИКА

ПУТИ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

4 мая 1971 года на заседании секции филологических наук Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Института литературы АН Азерб. ССР Рустамовой Азаде Джафар кызы (Р. Азаде) на тему «Пути развития азербайджанской эпической поэзии (XII—XVII вв.)».

История развития средневековой азербайджанской литературы еще недостаточно изучена. Для успешного разрешения этой проблемы необходимо не только монографическое исследование творчества ее отдельных видных представителей, но также глубокое изучение литературного процесса в целом, уделяя соответствующее внимание литературно-философскому и эстетико-психологическому аспектам. Анализ традиционных для этой литературы тем, сюжетов и образов, присущих ей характерных особенностей — входит в число важнейших задач исследователя. Диссертант много места уделяет особенностям поэтического мастерства Низами, Ассара Тебризи, Хатаи, Физули, Месихи. Им впервые подробно исследуется повесть в стихах поэта XV века Шемса — «Юсиф и Зулейха». В диссертации отмечается, что, внешняя традиционность темы и образа не исключает самобытности и оригинальности их разработки различными поэтами.

На материале основных эпических произведений в диссертации исследуются такие важные вопросы классической азербайджанской поэзии, как художественный метод, соотношение и взаимодействие фантазии и реальности, жанровое разнообразие эпической поэзии, конфликт и характер, проблема идеального героя, коллизии между «желанием» и «долгом», «чувством» и «разумом» и т. д. В работе раскрывается ряд особенностей средневекового восточного романтизма и романа в стихах и т. д. Отдельные произведения рассматриваются на фоне всего эпического процесса и развития общественной мысли на Ближнем Востоке.

Обстоятельно рассматриваются в работе пути становления эпической поэзии, ее устные и письменные истоки, взаимовлияние и взаимосвязи эпической поэзии и фольклора, процесс развития гуманистических идей в азербайджанской эпике средневековья.

Выступившие на заседании официальные оппоненты академики АН Азерб. ССР Г. М. Араслы и М. А. Ибрагимов, член-корреспондент АН Азерб. ССР М. Дж. Джафаров, д-р филол. наук Г. Р. Мамедзаде высказались за присвоение А. Дж. Рустамовой ученой степени доктора филологических наук.

Члены Ученого совета единогласно проголосовали за это решение.

Н. Наджафов

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА АБАЯ

Роль великого казахского поэта-демократа второй половины XIX в. Абая Кунанбаева в становлении и развитии казахского литературного языка трудно переоценить. Благодаря Абаю новый казахский литературный язык поднялся на новую, более высокую ступень своего развития. В своих произведениях Абай не только использовал сокровища народной разговорной речи, но и мастерски обогатил и демократизировал новый письменно-литературный казахский язык. В этом отношении литературная деятельность Абая во многом перекликается с деятельностью таких выдающихся тюркских поэтов и писателей, как М. Ф. Ахундов, Г. Тукай, Махтумкули, Фуркат, Билал Назым и др., также сыгравших исключительную роль в формировании и демократизации родных письменных литературных языков: азербайджанского, татарского, туркменского, узбекского, уйгурского.

Основу образности и выразительности языка Абая, несомненно, составляла многовековая самобытная народная поэзия, богатство и своеобразие ее лексики. Вместе с тем Абай умело использовал в своем творчестве традиционные элементы письменно-литературных языков других тюркских народов Средней Азии и Казахстана. Абай не только разработал нормы литературного казахского языка, но он выступил также и как реформатор фразеологической системы и поэтического синтаксиса.

Абай очень высоко ценил общественную функцию языка и глубоко верил в могучую силу родного языка в устах народа:

Tolyany toksan kyzyl til,
Söjlejmin desey, öziñ bil...
(Abaj, «Segiz ajak»)

‘О, могучий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!..’

Все эти вопросы нашли многостороннее и глубокое освещение в диссертационной работе старшего научного сотрудника Института языкознания АН КазССР Сыздыковой Рабиги Галиевны, опубликованной в двух ее книгах «Язык произведений Абая» (Алма-Ата, 1968) и «Синтаксический строй стихотворений Абая» (Алма-Ата, 1971) и представленной к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Защита состоялась 25 мая 1971 г. на заседании большого Ученого совета Казахского государственного педагогического института имени Абая (г. Алма-Ата).

Диссертационная работа Р. Г. Сыздыковой получила высокую оценку официальных оппонентов — члена-корреспондента АН КазССР Г. Г. Мусабаева, д-ра филол. наук, проф. А. И. Искакова и д-ра филол. наук, проф. Г. С. Амирова, а также неофициальных оппонентов академика АН КазССР С. К. Кенесбаева, д-ра филол. наук, проф. З. А. Ахметовича.

Члены Ученого совета проголосовали за присвоение Р. Г. Сыздыковой ученой степени доктора филологических наук.

А. Т. Кайдаров, И. К. Уюкбаев

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

История казахской литературной критики до сих пор не была предметом специального исследования. Без глубокого и всестороннего исследования истории литературной критики не может быть воссоздана полная картина литературного процесса. Проведение такого исследования должно также пролить свет на истоки, пути и этапы, пройденные литературной критикой, без чего, порой, становятся труднообъяснимыми некоторые ее характерные особенности и современное состояние в целом.

Этому важному вопросу и была посвящена докторская диссертация доцента кафедры казахской литературы Казахского государственного университета им. С. М. Кирова Какишева Турсунбека на тему «Пути зарождения и становления казахской литературной критики».

Защита состоялась 17 июня 1971 года на заседании Объединенного Ученого совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР, при официальных оппонентах члене-корреспонденте АН КазССР М. Каратаеве, д-ре филол. наук К. Талыбаеве, действительном члене АПН СССР М. Габдуллине.

Диссертант убедительно показал, что корни казахской литературно-критической мысли уходят в глубокую древность: в памятники народного творчества, в произведения народных певцов-акынов.

Известно, что развитие литературной критики прежде всего связано с письменной художественной литературой. Поэтому диссертант проделал большую и важную работу по собиранию и обобщению всего того,

что относится к литературно-критической деятельности Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, Абая. В их историко-литературных и эстетических концепциях он справедливо видит истоки современной казахской литературной критики.

Совершенно правильно считая, что литературная критика характеризуется своей непосредственной связью с современностью, созвучностью эпохе, диссертант проводит в своей работе обзор периодики, раскрывая ее роль в развитии казахской литературной критики.

Автор диссертации отмечает, что казахская литературная критика советского времени основывается на новых принципах художественного развития, характеризуется поисками и утверждением нового эстетического идеала, овладением литературой новым творческим методом — социалистическим реализмом. Диссертант дает верную оценку соотношению критического и реалистического начал в методе социалистического реализма, переходу от критического реализма к социалистическому реализму, которые определенное время сосуществовали.

В диссертации рассматриваются также вопросы собирания и исследования фольклора, создания учебников, периодизации истории литературы и т. д.

Ученый совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Т. Какишеву ученой степени доктора филологических наук.

Я. Караев

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>П. Азимов, Е. Еришова</i> (Ашхабад). Некоторые формы проявления туркменско-русского двуязычия на современном этапе	3
<i>А. М. Щербак</i> (Ленинград). О морфологическом составе образных глаголов типа <i>bakug-, sakug-, hajkug-</i>	8
<i>А. З. Абдуллаев</i> (Баку). Сложные предложения усложненного типа в азербайджанском языке	13
<i>Г. Ф. Благова</i> (Москва). О приеме типологической верификации при сравнительно-историческом изучении тюркской грамматики	25
<i>Х. Г. Нигматов</i> (Бухара). Отыменное основообразование тюркского глагола в XI веке	33
<i>Г. А. Гайдаржи</i> (Бельцы). Способы подчинения и типы придаточных предложений в гагаузском языке	43
<i>А. Даулетов</i> (Ленинград). Качественная характеристика каракалпакских гласных под ударением	60
<i>В. Я. Пинес</i> (Баку). О моделировании структуры глагольных форм в тюркских языках	68
<i>Ш. Атегов</i> (Москва). Обособление как грамматическая категория в тюркских языках	82

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Х. Махмутов</i> (Казань). Татарские параллели куманских загадок	87
<i>Л. Серикова</i> (Ташкент). Поэтическая речь Алишера Навои	97

СООБЩЕНИЯ

<i>С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц</i> (Ленинград). Сэврэйский камень	106
<i>М. Адилев, З. Садыков</i> (Баку). Об азербайджанской антропонимии	113

ПУБЛИКАЦИИ

<i>И. А. Абдуллин</i> (Казань). «Памятная записка» Агопа на армяно-кыпчакском языке	118
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>М. Балакаев, М. Томанов</i> (Алма-Ата). А. К. Курмышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря»	130
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К. М. Мусаев* (Москва), *Н. Расулова*, *Л. Данилова* (Ташкент). VI региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков 134

ХРОНИКА

- «Пути развития азербайджанской эпической поэзии» 139
 «Исследование языка Абая» 140
 «Зарождение и становление казахской литературной критики» 141

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- P. Azimov, E. Yershova* (Ashkhabad). Some forms of manifestation of Turkmen-Russian bilingualism at the present stage 3
A. M. Shcherbak (Leningrad). Towards morphological composition of figurative verbs such as bakyr-, cakyr-, hajkyr- 8
A. Z. Abdullayev (Baku). Complicated composite sentences in Azerbaijanian . . . 13
G. F. Blagova (Moscow). On the method of typological verification in comparative-historical study of Turkic languages 25
Kh. G. Nigmatov (Bukhara). Denominative stem-formation of Turkic verb in the 11th century 33
G. A. Gaidarzhly (Bel'tsy). Ways of subordination and types of subordinate clauses in the Gagauz language 43
A. Dauletov (Leningrad). Qualitative characteristics of Karakalpak stressed vowels . . . 60
V. J. Pines (Baku). On modelling the structure of verbal forms in Turkic languages . . . 68
Sh. Atenov (Moscow). Isolation as a grammatical category in Turkic languages . . . 82

PROBLEMS OF LITERARY CRITICISM

- Kh. Makhmutov* (Kazan). Tatar parallels of Kuman mysteries 87
L. Serikova (Tashkent). The poetic language of Alisher Navoi 97

NOTES

- S. G. Klastornyy, V. A. Livshits* (Leningrad). The Sevrey Stone 106
M. Adilov, Z. Sadykhov (Baku). Azerbaijanian personal names 113

PUBLICATIONS

- I. A. Abdullin* (Kazan). «Memorandum» by Agop in the Armenian-Kipchak language . . . 115

CRITICS

- M. Balakayev, M. Tomanov* (Alma-Ata). A. K. Kuryshzhanov. Vocabulary of the «Turkic-Arabic dictionary» — an old Kipchak relic of the 13th century 130

SCIENTIFIC LIFE

- K. M. Musayev* (Moscow), *N. Rasulova, L. Danilova* (Tashkent). The 6th regional conference on dialectology problems of Turkic languages 134

CHRONICLE

- «Ways of development of Azerbaijanian epic poetry» 139
 «A study of Abai's language» 140
 «The origin and formation of Kazakh literary criticism» 141

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, С. В. Лисицова*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 6/VII 1971 г. Подписано к печати 1/IX 1971 г. ФГ 10236. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6+1 вкл. Заказ 4855.
Тираж 4200. Цена 1 руб.

Типография Издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.